

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

К. ОСИПОВ

БОГДАН

ХМЕЛЬНИЦКИЙ

1952
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Annotation

Книга рассказывает о знаменитом сыне украинского народа Богдане Хмельницком, с именем которого связана борьба за освобождение украинского народа от чужеземного ига и воссоединение Украины с Россией.

Издание второе, переработанное.

- [К. Осипов](#)
 -
 - [I. СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ](#)
 - [II. КОЗАЧЕСТВО\[8\]](#)
 - [III. ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ](#)
 - [IV. НАСТУПЛЕНИЕ ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТЫ НА ВОСТОЧНУЮ УКРАИНУ](#)
 - [V. БОРЬБА УКРАИНСКОГО НАРОДА С ТУРКАМИ, ТАТАРАМИ И ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТОЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА](#)
 - [VI. ЧИГИРИНСКИЙ СОТНИК](#)
 - [VII. ЗАРЕВО](#)
 - [VIII. ДВЕ ПОБЕДЫ](#)
 - [IX. ПЛАМЯ](#)
 - [X. КОРМЧИЙ У РУЛЯ](#)
 - [XI. ГОРИЗОНТЫ РАЗДВИГАЮТСЯ](#)
 - [XII. ХМЕЛЬНИЦКИЙ — ДИПЛОМАТ](#)
 - [XIII. ЗБАРАЖ И ЗБОРОВ](#)
 - [XII. МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ](#)
 - [XV. БЕРЕСТЕЧКО](#)
 - [XVI. ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ](#)
 - [XVII. БАТОГ И ЖВАНЕЦ](#)
 - [XVIII. ПУТЬ К МОСКВЕ](#)
 - [XIX. ВОССОЕДИНЕНИЕ](#)
 - [XX. ПОД ВЛАСТЬЮ МОСКВЫ](#)
 - [XXI. СМЕРТЬ ГЕТМАНА](#)

- [ЭПИЛОГ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [Иллюстрации](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)

- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)

- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)

- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)

- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)

- [211](#)
 - [212](#)
 - [213](#)
 - [214](#)
 - [215](#)
 - [216](#)
 - [217](#)
 - [218](#)
 - [219](#)
 - [220](#)
 - [221](#)
 - [222](#)
 - [223](#)
 - [224](#)
 - [225](#)
 - [226](#)
 - [227](#)
 - [228](#)
 - [229](#)
-

К. Осипов
БОГДАН ХМЕЛЬНИЦКИЙ

I. СРЕДНЕВЕКОВАЯ РУСЬ

Обширна и могущественна была средневековая Русь. В середине IX века многочисленные славянские племена стали объединяться в одно государство. Первенствовавшим среди других было племя полян. Главный город этого племени — Киев — был расположен в пункте, где сходились реки Днепровского бассейна. Реки служили тогда основными путями сообщения, и Киев сделался средоточием политической и культурной жизни не только своего племени, но и соседних: древлян, северян и других.

Поднепровье было подлинно благодатным краем. Даже спустя очень долгое время оно поражало иностранцев плодородием почвы и обилием всякой живности. Француз Боплан^[1] писал о притоке Днепра, речке Орель: «На противоположной, Русской стороне находятся многие озера, столь обильные рыбой, что она, умирая от тесноты, заражает гниением своим воздух и стоячую воду озер». О другом притоке Днепра, речке Самаре, Боплан говорит, что «окрестности ее замечательны чрезвычайным богатством в меде, воске, дичине и строевом лесе, так что едва ли какое-либо место может сравниться в сем с окрестностями Самары».

Культурный уровень славянских племен был по тому времени довольно высок. Не говоря уже об основных занятиях — земледелии, скотоводстве, пчеловодстве, очень развиты были ремесла. Археологические раскопки свидетельствуют, что в обиходе употреблялись изделия из железа, бронзы, серебра, даже золота, причем некоторые из них сделаны с большим вкусом и умением. Дома строились по преимуществу двухъярусные, со многими пристройками вокруг.

Византийские писатели VI века Прокопий и Маврикий отмечают радушие и искренность славян; древнейшая летопись также упоминает, что они «обычай имяху тих и кроток». Но таковы были славяне только в мирное время, в военное — они являлись грозным врагом. Они отважны и смелы, — характеризуют греческие современники военные дружины Руси — напав на чужой народ, не отступают, пока не уничтожат его вовсе».

Славянские племена вели оживленную торговлю как с западными, так и с восточными странами. Основной торговой артерией был Днепр. Ежегодно через Киев проходили караваны судов, спускавшиеся по Днепру в Черное море и далее плывшие в Константинополь. Русские купцы везли меха, воск, невольников, добытых в походах; из Греции ввозили пряности, вина, узорчатые ткани, ювелирные изделия. Часть этих товаров раскупалась в Киевской земле, часть перевозилась купцами в Новгород, откуда, в свою очередь, поступали металлы и соль.

Другая торговая артерия вела на запад; русские купцы регулярно появлялись в Чехии и южной Германии. Наконец, третье направление вело на восток; русские люди ездили по Каспию, иногда доходили оттуда с караванами верблюдов до самого Багдада.

«О Киеве конца X — начала XI века говорит Дитмар, как о большом городе, в котором было 400 церквей и 8 рынков и несметное множество народа. Адам Бременский во второй половине XI века называет Киев соперником Константинополя. Митрополит Киевский Илларион в своем знаменитом «Слове» называет Киев городом, «блистающим величием»^[2]

По мере роста материальных и культурных средств Киевского княжества росло и его политическое значение. Под его влияние подпадает не только большая часть приднепровских племен, но и Суздаль, и Ростов, и даже далекий Новгород, — в начале X века

туда, очевидно, в силу установившегося обычая, был послан княжить из Киева малолетний Святослав.

Особенно расширил пределы Киевского государства князь Владимир Святославич, княживший с 978 по 1015 год. Он успешно воевал с поляками, завладел городом Перемышлем, отражал набеги степных кочевников. Киевское государство простиралось от Волги до Карпат (кое-где даже за Карпатами: нынешняя Закарпатская Украина) и от Балтийского до Черного моря.

Период княжения Владимира Святославича — это время расцвета Киевской Руси. Недаром к нему так часто обращается народный эпос, именно к этому времени относящий деятельность Ильи Муромца, Добрыни Никитича и других былинных богатырей. Не случайно и то, что былинный Илья Муромец, родившийся под Муромом, идет долгим и трудным путем в Киев. Это свидетельствует о том, что Киевская Русь сохранилась в народных сказаниях как «колыбель русской народности» (выражение историка В. О. Ключевского). И это представление живет не только в памяти украинского народа, но и великорусского.

В ходе последующих исторических событий Киевское государство распалось. Спустя примерно три столетия из некогда единого народа, обитавшего в его пределах, образовались русский, украинский и белорусский народы. Но это обстоятельство не может заслонить основной факт: эти три народа являются ответвлениями одного ствола, они берут начало в одних и тех же истоках. «История Киевского государства — это не история Украины, не история Белоруссии, не история Великороссии. Это история государства, которое дало возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии. В этом положении весь огромный смысл данного периода в жизни нашей страны»^[3].

Что же послужило причиной распада могущественного Киевского государства? Прежде всего

то, что отдельные области, усилившись и развившись в экономическом отношении, стали тяготиться зависимостью от Киева. У них завелись собственные хозяйственные и политические связи, перед ними возникли свои задачи, и необходимость выделять часть сил и средств по требованию киевского князя осложняла осуществление этих задач.

Отсюда постепенно возникла крайняя феодальная раздробленность Киевского государства. Постепенно Киев потерял свое главенствующее значение, он перестал быть «матерью городов русских», киевские князья уже не могли управлять другими княжествами. Между княжествами начались жестокие междоусобные войны. В период с 1054 до 1224 года, по исчислению историка С. М. Соловьева, на Руси было 80 усобиц. Волынское княжество вело 15 междоусобных войн, Черниговское — 20, Киевское — 23. В процессе этих усобиц Киев был дважды разгромлен (в 1169 и 1203 годах), и постепенно Киевское княжество потеряло первенствующее значение.

Был, впрочем, и другой фактор, способствовавший ослаблению Киева: перемещение путей мировой торговли. С конца XI века начался интенсивный рост Венеции как торговой державы, и торговля Западной Европы с Византией дотоле происходившая через Новгород — Киев, теперь базировалась на Венецию. Что касается торговли с Востоком, то после крестовых походов восточные товары начали транспортировать по Средиземному морю. В результате Киев, утерявший внутриполитическое значение, утерял и экономическое значение.

Последний, роковой удар Киевскому государству был нанесен татарами. Нахлынувшие в 1237 году полчища Батыея испепелили в 1240 году Киев, как и множество других крупных городов. Разоренная, обезлюдившаяся страна, обессиленная непомерными поборами, быстро

регрессирует в культурном отношении. Часть уцелевших жителей бежит в соседние земли.

Из числа этих последних значение приобретают Галицкая и Волынская области, объединившиеся при князе Романе Мстиславиче в 1199 году в единое княжество. Набеги кочевников, главным образом половцев, и хлынувшая вслед затем волна татарского нашествия сказались на этих княжествах несравненно слабее, чем на их восточных соседях — княжествах Киевском, Переяславском и других, принявших на себя первый удар монгольских орд. Галицко-Волынская земля заслуженно слыла богатой и культурной, многие польские князья попали в зависимость к ней.

По мере того как падало значение Киева, Галицко-Волынское княжество начинает играть все большую роль среди южнорусских земель.

В правление Даниила и Василько Романовичей (1246–1270) сюда переселились многие жители Поднепровья. Князь Даниил Галицкий нанес в 1238 году поражение тевтонским рыцарям, а в 1245 году венгерско-польскому войску. Татарское нашествие ослабило Галицко-Волынскую Русь, но не могло вовсе обессилить ее. В начале XIV века галицкий князь Лев овладел некоторыми пограничными польскими и венгерскими районами. Перед Галицко-Волынским княжеством открывались широкие перспективы.

Однако дальнейшие успехи были остановлены вследствие появления в XIV веке на его границах нового опасного соседа — великого княжества Литовского.

На берегах Балтийского моря и на среднем Немане исстари обитали литовские племена. Ослабление Южной Руси совпало с периодом объединения и усиления этих племен. Теснимые тевтонами, эти племена начинают двигаться на восток. К XIV веку литовские князья начинают настойчиво проникать в Галицко-Волынскую землю. Ослабевшие к этому времени татары уже не

сумели отразить литовцев. Не сумели организовать отпор и сами галицкие князья, у которых руки были связаны как подчиненностью татарам, так и происходившим одновременно усилением Польши, внушавшим чрезвычайное беспокойство правителям Галичины. В результате литовский князь Ольгерд (умер в 1377 году) присоединил к Литовскому «государству» большую часть Южной Руси, включая Киевское, Переяславское и Черниговское княжества. Таким образом, не только западные, но и почти все восточные русские области подпали под литовское влияние.

Однако завоевание литовцами Галицко-Волынской Руси само по себе мало отразилось на судьбах ее населения. Менее культурные литовцы не только не пытались ломать русские обычаи и порядки, но сами охотно заимствовали их. В шестидесятых годах XIV века литовский князь Ольгерд принял православие, и многие литовцы начали переходить в православную веру. Литовско-русское государство было гораздо более русским, чем литовским. Как говорит историк Александра Ефименко, «русский элемент составлял девять десятых территории и населения Литвы. Преобладая политически, русский народ преобладал и культурно. Русский язык, православная вера, русские нравы и обычаи господствовали, и литовская национальность не проявляла себя ничем в русских областях».

Аналогично высказывается и другой историк, В. О. Ключевский: «Покорение Западной Руси литовскими князьями сопровождалось подчинением Литвы русскому влиянию... Русский язык и русское право, русские нравы вместе с православием... распространялись среди полудикой языческой Литвы. Культурное сближение соединенных народностей под преобладающим воздействием более развитой из них — русской — шло так успешно, что еще два-три поколения, и к началу XVI

века можно было ожидать полного слияния Литвы с Западной Русью».

Но на политическом горизонте появился новый хищник, протянувший руку к русским землям. То был польский король.

Еще в 1018 году польский князь Болеслав I с войском, состоявшим из поляков, а также 800 наемных немцев и венгров, завладел Киевом. Болеслав действовал под предлогом оказания помощи своему зятю, князю Святополку (в народной памяти этот князь сохранился под именем «Святополка Окаянного»), принужденному бежать из Киева после того, как он убил родных своих братьев Бориса, Глеба и Святослава. Другой из братьев, новгородский князь Ярослав, выгнал поляков из Киева, причем большую помощь в этом ему оказали народные восстания против иноземцев.

Спустя 50 лет, также изгнанный киевлянами, князь Изяслав обратился за помощью к польскому князю Болеславу II, и тот, в свою очередь, захватил Киев, но также должен был удалиться вследствие массовых восстаний русского населения.

В 1340 году польский король Казимир III, опираясь на поддержку Венгрии и римского папы, вторгся в Галичину, опустошил Львов, но был вытеснен боярином Дмитро Дедко. Однако в 1349 году Казимиру удалось завладеть Галичиной.

Положение жителей тотчас резко ухудшилось. Русская народность подверглась политическому, экономическому и религиозному преследованиям. Польские вельможи старались утвердить взгляд на русских как на нечто низшее в культурном отношении, недостойное пользоваться теми же правами, какие присваивали они себе.

Судьба галицийского населения побудила жителей других русских земель ожесточенно сопротивляться польской агрессии. Русское население понимало, что

если при литовцах удалось сохранить свой общественный и культурный уклад, то польская оккупация несет гибель под игом шляхты, под игом польского крепостнического права. Поэтому оно всячески противилось распространению польского влияния. Тогда поляки сделали ловкий дипломатический ход: они устроили бракосочетание польской королевы Ядвиги с великим князем литовским Ягайло (1385); при этом Ягайло дал обязательство присоединить к Польше все подвластные Литве земли (так называемая Кревская уния).

Вступая в брак, Ягайло перешел в католичество и обещал крестить свой народ по католическому обряду (до тех пор большинство литовцев было язычниками). Принятие католицизма способствовало тесному общению литовцев с поляками, все более увеличивавшемуся по мере проникновения польских порядков. Одновременно Ягайло запретил знатным литовцам, проживавшим на Литве и Руси, дружить с русскими, которые не захотят перейти в католичество.

Данное Ягайлой обязательство о присоединении литовских земель к Польше оставалось в течение долгого времени пустым звуком: слишком велика еще была оппозиция со стороны почти всех классов. Правивший Литвой с 1392 по 1430 год Витовт основной целью своей политики поставил борьбу с польскими притязаниями. Правда, и Витовт содействовал тесной культурной связи с Польшей, но он всячески охранял самостоятельность великого княжества Литовского. После его смерти литовская аристократия старалась держаться той же программы. Однако шли годы, и влияние Польши становилось все более заметным, ее щупальцы все плотнее охватывали Литву.

В социально-общественном строе Галичины происходят большие изменения. Дотоле этот строй не был полностью феодальным: свободные сельские

группы не потеряли еще экономической и правовой самостоятельности, имелось большое количество свободного городского населения и т. п. Но установление польского владычества ознаменовалось образованием новых привилегированных сословий: шляхты (военно-служилого землевладельческого класса), католического духовенства и других. К середине XV века шляхетское законодательство приобрело господство во всех областях государственной жизни галицко-волынских земель. Литовские и русские вельможи, которым в первой половине XV века были предоставлены все привилегии польской шляхты при условии принятия ими католичества, в большинстве своем ополячились. Широкие же массы населения, остававшиеся верными русской народности, с ее обычаями и порядками, были поставлены в бесправное, бедственное положение.

Эксплоатация крестьян особенно усилилась с конца XV столетия. В Галичине и Волыни стала интенсивно развиваться система фольварков, то есть помещичьих хуторов с собственным хозяйством. Для обработки помещичьих земель требовались рабочие руки; поэтому паны стремились лишить крестьян их участков и превратить в своих крепостных.

Происходит процесс личного закрепощения крестьян, превращения их в простую собственность всевластного дворянства. Крестьянам было воспрещено покидать поместья, в которых они жили; они не могли, владеть землями, не могли вести судебных дел; право суда над ними было передано из рук великокняжеских чиновников в руки помещиков. За убийство шляхтича (или попытку убийства) крестьянин подлежал мучительной казни, причем для признания его виновным было достаточно свидетельских показаний двух шляхтичей. Польская конституция 1557 года предоставляла помещику и его управляющему право

самим казнить своих крестьян смертью. В 1573 году была обнародована новая конституция, согласно которой «духовные и светские владельцы имеют право на полное послушание и повиновение своих подданных, которые если бы осмеливались, под предлогом религии, им сопротивляться, то такие владельцы могут своих крестьян как в духовном, так и в гражданском отношении подвергать наказанию по своему усмотрению».

Свободные прежде земледельцы оказались на положении рабов, сделались «хлопами», «быдлом»; всякий шляхтич волен был издеваться над ними, как ему вздумается. К экономическому гнету примешивалось желание панов унижить национальное чувство закрепощенных, вытравить воспоминание о прежней вольной жизни. Поэтому польский гнет был особенно тяжел. За малейшую провинность крестьян немилосердно истязали. А чем более угнетены и терроризированы были крестьяне, тем больше росла и экономическая эксплуатация их.

Панщина (бесплатная работа на пана) увеличивается до трех, иногда и до пяти дней в неделю. Помимо панщины, крестьянин принужден был отдавать своих детей в дворовую службу, трижды в год доставлять пану зерно натурой и разную живность, со всего имущества (скот, улья, плоды) давать десятую часть. Кроме того, существовали многочисленные пошлины: «рогатое» взималось с каждого вола, «очковое» — с каждого улья, «ставщина» — за право ловить рыбу, «спасное» — за право пасти скот, «жолудное» — за право собирать жолуди, «сухомельщина» — за помол муки, при рождении ребенка платился «дудок», при женитьбе сына — «поемщица» и т. п.

Такой сделалась жизнь крестьянского населения в галицко-волынских землях. Значительно изменилась к худшему и участь городского населения русской

народности. Членами привилегированной мещанской общины могли быть только католики. Некатолики были лишены права занимать городские должности, их не принимали в цехи, запрещали приобретать дома вне определенного района, запрещали заниматься наиболее доходными промыслами и т. д.

Разумеется, подобная эксплуатация сельского и городского населения доставляла польской шляхте крупные выгоды, и она все настойчивее стремилась поставить в подобное же положение восточные области Южной Руси. В конце концов эта давняя цель польских политиков была достигнута: Польша и Литва слились в единое государство, получившее название Речи Посполитой^[4].

Три обстоятельства способствовали полякам преодолеть оппозицию внутри литовско-русского государства и добиться этого объединения.

Первые два вытекали из международного положения Литвы. С конца XV века Литве пришлось вести тяжелую борьбу с быстро усиливавшимся Московским государством. Особенно больших жертв потребовала от нее Ливонская война. Войска Ивана Грозного нанесли литовцам ряд тяжелых ударов, мелкое дворянство Литвы было совершенно обессилено огромными военными налогами и все чаще подумывало о том, как бы спрятаться под крылышко Польши. А тут еще один внешний враг постучался в ворота Литвы: хлынувшие с юга крымские татары.

В то время степь принадлежала крымским татарам, отделившимся от Золотой Орды^[5]. В правление Витовта они не представляли серьезной опасности. Больше того, Витовт неоднократно вмешивался в дела Крыма и содействовал утверждению там династии Гиреев. Но в 1453 году произошло событие огромной важности — Константинополь был завоеван турками. Одним из следствий этого явилось усиление Крымского ханства:

со стороны могущественной Оттоманской империи оно нашло активную поддержку. С этой поры набег крымцев делаются все более дерзкими, все более частыми и превращаются для литовско-русских земель в подлинное бедствие. Это опять-таки побуждало мелкое дворянство обращать взоры к Польше в надежде на ее вооруженную помощь.

Третье обстоятельство, способствовавшее слиянию Литвы с Польшей, лежало совсем в иной плоскости и на первый взгляд не имело ничего общего с этим фактом.

В XVI веке в Польшу через молодых шляхтичей, обучавшихся в немецких университетах, стал проникать протестантизм. Проник протестантизм и в Литву; часть магнатов (во главе с князем Радзивиллом) восприняла эту религию. В результате религиозная рознь между поляками и частью литовско-русского населения смягчилась. Это также было на руку сторонникам слияния обоих государств.

Слияние стало совершившимся фактом в 1569 году, после решения объединенного сейма, собравшегося в городе Люблине (почему и самый акт о слиянии носит название Люблинской унии). Уния эта имела федералистский характер: Литва сохраняла свое внутреннее устройство. Но удельный вес великого княжества Литовского в новом образовании — Речи Посполитой — был невелик как в экономическом, так и в политическом смысле. Поэтому не приходится удивляться тому, что спустя очень немного времени определились громадные перемены, которые несла с собой Люблинская уния для всего общественного строя южнорусских земель, превращенных теперь в провинцию Речи Посполитой. Люблинская уния была воспринята населением восточных областей Южной Руси как смертельная опасность.

Действительность оправдала эти опасения: польские паны незамедлительно устремились в тучные,

благодатные земли. На заседаниях сейма можно было слышать такие речи: «Дивное дело, что лужитаны^[6] и голландцы овладели Антиподами и Новым Светом, а мы до сих пор не в состоянии совершенно заселить такого близкого и плодоносного края, который так легко нам занять. Мы знаем этот край меньше, чем голландцы — Индию».

В 1590 году сейм отметил, что «ни государство, ни частные лица не извлекают никаких доходов из обширных, лежащих впусе наших владений на украинском пограничье за Белой Церковью». Это звучало официальным призывом к усилению польской экспансии. Правительство начинает раздавать панам «пустыни». Так, в 1609 году Калиновскому дана «известная пустыня Умань во всем объеме своих урочищ». Население восточных областей Южной Руси, получившей название Украины, то есть окраины, «крайних» земель^[7], население Киевщины, Брацлавщины после Люблинской унии все чувствительнее начало ощущать господство панов: началось взимание пошлин за помол зерна, за варку меда и т. д. — грозное предвестие полного закабаления, какое существовало в Западной Украине.

С этим нельзя было мириться. Именно потому, что народные массы в Восточной Украине не были еще задавлены польским гнетом, как в Западной, они вступили в ожесточенную борьбу за свои права. Борьба эта облегчалась двумя важными факторами. Первый вытекал из географии края: люди, уходившие на юг, в неосвоенные приднепровские степи, становились фактически недосыгаемыми для польских властей. Второй фактор заключался в том, что в Восточной Украине образовалась особая общественная группа и организовался особый, независимый от Польши боевой центр. Этой общественной группой было козачество, центром — Запорожская Сечь.

II. КОЗАЧЕСТВО [8]

В то время Поднепровье представляло собой бескрайнюю степь, так поэтически воспетую Гоголем в «Тарасе Бульбе». «Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Черного моря, было зеленою, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытапывали их. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов: сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки, желтый дрок выскакивал вверх своей пирамидальной верхушкою, белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности, занесенный бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще... Чорт вас возьми, степи, как вы хороши!»

Однако эта благоуханная степь была полна опасностей. Главной из них были крымские татары, опиравшиеся на могущественную турецкую империю.

В 1482 году хан Менгли-Гирей разорил дотла Киев и вывел из Киевщины и Волыни сто тысяч пленников. Менгли-Гирей отодвинул литовско-русское государство от Черного моря и построил на его берегу ряд укрепленных городов (Очаков и другие). В дальнейшем набеги стали все учащаться. Чуть ли не каждый год нападали татары на русские земли. Было три главных шляха их зловещего продвижения: Черный шлях — от Киева и Черкес в глубь Волыни, Кучменский — от Черного моря на Балту и далее в глубь страны, и Волосский — по правому берегу Днестра. По первому шляху двигались преимущественно крымские —

«перекопские» — татары, по двум другим — ногайские татары^[9].

При каждом набеге татары уводили чуть не поголовно всех не успевших укрыться женщин и детей. Мальчиков обращали в магометанство и, когда они подрастали, формировали из них в Турции отборные полки янычаров. Женщин продавали в гаремы. Мужчин превращали в галерных гребцов или продавали в другие страны. Впрочем, мужчин татары редко уводили в плен — с ними было много хлопот, приходилось зорко стеречь их, и в большинстве случаев татары попросту их истребляли. Зато женщин, особенно молодых, уводили поголовно: через Перекоп — «ворота слез» украинского народа — в Крым, оттуда в Константинополь и другие города.

Фронт походной татарской колонны составлял 1000 шагов: 100 всадников с двумя запасными (заводными) лошадьми. В глубину колонна насчитывала 1000 всадников.

Приближаясь к объекту набега, татары разделялись на 10 отрядов, двигавшихся на некотором расстоянии один от другого. Перед каждым отрядом, за четыре версты, ехали разведчики.

Сторожевые козаки, заметив сравнительно небольшой отряд татар, не подымали особенной тревоги, а между тем все эти отряды вдруг соединялись.

В бою татары старались «выгадать солнце», чтобы оно било в глаза противнику, и охватить противника с фланга. При этом охватывали они всегда левый фланг — для удобства пускания стрел.

Литовские правители, растрачивавшие силы в войнах с Московией, не сумели организовать твердый отпор татарским хищникам. И в Московском государстве, несмотря на длительный горький опыт, оборона была недостаточна. Даже в 1646 году татары смогли произвести опустошительный набег, разорив

Путивль, Курск и много других городов. Но все же Московское государство, с крепкой централизованной властью, с крупными людскими резервами и опытной ратью, многократно громившей татарские полчища, было опасным противником для степных разбойников. Иное дело — Южная Русь, входившая в состав Литвы. Киевщина, Брацлавщина, Волынь, Подолье лежали перед татарами беззащитные, и татары свирепо разбойничали в них.

Дозорные, редкой цепью растянувшиеся вдоль степных дорог, даже не пытались препятствовать набегам, а только предупреждали население. Люди спешили тогда укрыться в замках крупных шляхтичей, а если таких поблизости не имелось, то просто в лесах и топях; имущество и скот бросали на произвол судьбы. Однако большей частью дозорные опережали татар всего на каких-нибудь полчаса, и люди не успевали попрятаться. По свидетельству Лясоты (посла германского императора Рудольфа II), каждый крестьянин, идя в поле, брал на плечо ружье и припоясывал тесак — на случай татарского набега.

С 1416 по 1469 год на Украину было совершено семь набегов, считая только крупные; с 1516 по 1593 год — восемь. Особенно тяжело приходилось, конечно, жителям степных окраин, граничивших с татарскими становищами и почти лишенных замков и гарнизонов. Татары рассматривали эту территорию как неистощимый источник «ясыря» — пленных; нередко тот или другой татарский князек заключал договор на поставку в Кафу^[10] где была сосредоточена торговля пленными, определенного количества людей, причем ни он сам, ни купцы не сомневались в возможности набрать этот ясырь в русских землях. Только во время набега в 1575 году татары увели в плен 35 тысяч человек.

Невольно встает вопрос: почему же продолжали жить в этой страшной степи люди; кто шел туда

навстречу аркану и кривой татарской сабле?

Объяснение можно найти в условиях жизни, которые создались для русского населения, подпавшего под власть польских панов. Чем хуже становилось положение русского народа, чем крепче сжимались клещи панщины, тем чаще спрашивали себя притесняемые люди, куда бы уйти от бесконечных поборов, подневольного труда и унижительных плетей. Выход был один — на юг, в степь, где бродят татарские орды, но где нет помещиков и старост. Лучше рисковать жизнью, зато пользоваться свободой и дарами щедрой природы.

Спасавшиеся от крепостного ярма крестьяне, а также теснимые королевскими старостами мещане в городах были, таким образом, основным элементом, из которого формировалось население степной Украины. Кроме них, жили в степи и мелкие русские дворяне, не желавшие принимать католичества, и беглые из Московского государства, и разноплеменные русские и польские искатели приключений, которых привлекала напряженная, полная тревог жизнь в девственной степи.

Все они начинают обосновываться здесь, вспахивают землю, организуют промыслы, — словом, колонизируют благодатную и совершенно не освоенную еще степь ^[11]

Вплоть до XVI века жители селились вокруг укрепленных городков и отсюда выходили на полевые работы. Такими городками являлись Черкасы, Канев, Житомир, Киев, Брацлав, Чернигов и другие. Колонизация происходила в непрерывной борьбе с кочевниками. Каждый пахарь, каждый торговец — одновременно и воин. Шляхтичам-помещикам, привыкшим к удобствам и комфорту, делать тут было нечего. Но в глазах неимущего люда, нашедшего тут привольную жизнь и тучную землю, все невзгоды искупались.

В отважных людях здесь не было недостатка, и татарам все дороже обходились их набеги. Новые поселенцы вели с татарами отчаянную партизанскую войну, усваивали их военные приемы, вырабатывали собственные методы защиты. По мере развития этой ожесточенной борьбы колонисты стали переходить от обороны к нападению: они начали, в свою очередь, совершать «лупление татарских чабанов», то есть предпринимали набеги на татарские стада, на близлежащие татарские улусы, подкарауливали возвращавшиеся с добычей отряды татар и т. д. В этих наездах находила себе выход ненависть к татарам.

Постепенно татарские набеги делаются реже из-за возросшего риска; одновременно растут наступательные тенденции в среде степных поселенцев. Часть из них, особенно те, кого не связывали семейные узы, вошла во вкус степной войны. Это было почетное занятие, обеспечивавшее уважение со стороны односельчан и всяческие льготы со стороны властей, которые, не будучи в состоянии своими силами отражать набеги, поощряли партизанскую активность населения.

В результате среди расселившихся в пограничной Украине выделяются люди, для которых военное дело становится профессией. Так образовалось козачество.

Сперва это были случайно собиравшиеся ватаги удальцов, пересекавшие степь и нападавшие на татарские кочевья. Боевой задор, стремление испытать свои силы манили в степь. Там в перерывах между битвами можно было заняться звероловством или рыболовством, даже торговлей, поскольку там лежал путь из Турции в Московию и Польшу. На зиму бездомные наездники стягивались в города или имения, привозя с собой добычу. Иногда и летом они располагались в каком-нибудь панском имении. Но и в этом случае они находились в несколько особом положении. Занимались они ремеслом, пчеловодством

или временно поступали на работу, но жили в неустроенном жилище, не обзаводясь хозяйством. По словам кобзарской думы, хата козака «соломой не покрыта, приспою^[12] не обсыпана, на дворе дров ни полена». Горемычная жена козака «всю зиму босая ходит, горшком воду носит, детей поит из половника». Недаром обычно говорилось: «козак-сиромаха». На Украине сиромахой называли голодного скитальца-волка. Этот термин как бы указывал на тяжкие лишения, которые приходится терпеть в безлюдном, полном опасностей «диком поле».

Лишь только доходил до козаков призывный клич, они бросали свои занятия, собирались группами и с помощью односельчан снаряжались в поход. Жители знали, что когда наездник вернется из похода, — если только не сгинет он в степи и не склюют там его труп черные вороны, — он привезет с собой богатую добычу и будет швырять деньги налево и направо, пока снова не останется без полушки. Памятуя пословицу: «Не на то козах пье, що е, а на то, що буде», корчмари бесплатно поили собирающихся в лихой наезд.

Таковы были люди, прозванные козаками. Слово «козак» — восточного происхождения. В половецком словаре 1303 года^[13] оно было равнозначуще стражнику, караульщику. Турки именовали козаком вспомогательного воина-наездника. Татары этим словом характеризовали независимого, неоседлого человека, склонного к бродяжничеству и грабежу. Как сообщает историк Д. И. Иловайский, в Орде козаками называли низший класс войска (сословие благородных называлось уланами).

Вероятно, именно от татар, с которыми так часто приходилось соприкасаться русскому народу, было заимствовано это слово. В Московской Руси казаками звали «наемных рабочих, батрачивших по крестьянским дворам, людей без определенных занятий и постоянного

местожительства» (В. О. Ключевский). Как говорит тот же автор, когда какой-нибудь обедневший боярский сын уходил в степь в поисках добычи, про него говорили, что он «сшел в казаки». По свидетельству Н. И. Костомарова, «на нижней Волге козаками (1582) назывались вольные работники на судах — то, что после на Волге назывались бурлаки».

На юге Руси в условиях непрерывной войны с кочевниками это понятие получило яркую окраску. Летописец Грабянко указывает: «Козаками нарицахуся, си есть свободное воинство, яко без найму, своею волею на татар хождаху».

Выше были охарактеризованы причины, обусловившие образование днепровского козачества. Посмотрим, как протекало историческое развитие этого своеобразного сословия.

Первое прямое упоминание о козаках относится к концу XV века, точнее к 1492 году, когда великий князь литовский Александр вступил в переписку с Крымским ханом по Поводу нападения козаков на крымский корабль на Днепре. В 1503 году хан Менгли-Гирей снова жалуется, что на днепровском перевозе напали на его отряд «киевские и черкасские козаки»; в 1504 году он же пишет, что «злые люди козаки на перевозе лихое дело учинили: купцов и послов разогнали и скарбы и товары их побрали». В дальнейшем эти жалобы на мелкие нападения почти прекратились: татары поняли, что перед ними не случайная шайка, а крупная сила, применяющая их же методы борьбы. В 1510 году хан обсуждал уже проект о возведении новой Очаковской крепости в устье Буга, о постройке напротив нее сильного укрепления, господствующего над степью, и о преграждении Днепра цепями — все это в интересах борьбы с козаками.

Летописец Гваньини^[14] рассказывает, что в 1516 году Менгли-Гирей совершил набег на украинское

пограничье. Вслед затем «несколько сот воинов, под предводительством Хмельницкого старосты Предислава Ляндскоронского, пошли в козаки под Белград, заняли турецкие и татарские стада и погнали домой... С того то времени начались у нас козаки, которые потом, что далее, то все больше успевая в военном ремесле, отплачивали татарам тем самым, что наши терпели от татар».

Хотя козачество было плоть от плоти украинского народа, а степное пограничье заселялось, как сказано, преимущественно теми, кто так или иначе пострадал от панов, на первых порах козаки еще не обращали своего оружия против польской шляхты, так как гнет польских помещиков в Восточной Украине еще не давал себя сильно знать. Они ограничивались войнами с татарами и поддерживавшими их турками. В это время во главе украинской вольницы нередко становился кто-либо из шляхтичей. Таков был хмельницкий староста Предислав Ляндскоронский, таков был и снискавший громкую известность староста черкасский и каневский Остап Дашкович. Начав службу в Литве, он затем перешел на сторону Москвы, но через пять лет вернулся в Литву и обосновался на Украине. В течение ряда лет он вел успешные войны против татар, иногда, впрочем, перемежая их походами на московские земли. Дашкович предлагал сейму организовать защиту Днепра посредством постоянной стражи из двух тысяч человек, разъезжавших по реке, он же предлагал устроить за днепровскими порогами рыцарскую школу. Умер Дашкович в 1535 году.

С его смертью военная активность козаков не уменьшилась. Они перенесли свою деятельность на побережье Черного моря, вплоть до малоазиатских берегов его. Это были типичные партизанские действия, перенесенные с суши на море. Численному превосходству и военной технике неприятеля

противостояли отчаянная удаля, ловкость и безграничная отвага козаков.

И все-таки никаких организационных форм козачество в это время еще не имело. Это были попрежнему ватаги удальцов, уходивших «козаковать» в степь или даже на море, поступавших под начальство смелого предводителя, но мало связанных между собою, кроме времени похода.

Значительным толчком в этом отношении явилась деятельность Дмитрия Вишневецкого, прозванного козаками Байдой.

Один из крупных представителей православного литовско-русского дворянства, имевший большие поместья в южной Волыни, князь Дмитрий Вишневецкий отправился, подобно Дашковичу, в пограничье. Здесь он сделался черкасским и каневским старостой и, сконцентрировав вокруг себя отряды козаковавших, повел энергичную борьбу с турками и татарами. Ему удалось реализовать замысел Дашковича: в начале 1550 года он выстроил на острове Хортице, ниже (южнее) днепровских порогов, крепость, явившуюся средоточием разбросанных дотеле козаков и послужившую впоследствии исходным пунктом для создания Запорожской Сечи.

Сам Вишневецкий еще много лет воевал с татарами, ездил в Москву к Ивану Грозному, воевал по его поручению на Дону и на Кавказе, а в конце концов был изменнически схвачен одним молдавским боярином и отослан в Царьград.

Турки всячески уговаривали своего пленника принять магометанство и поступить в их армию. Не добившись этого, они предали его мучительной казни.

Козацкие бандуристы долго еще пели песни о любимом предводителе Байде. В этих песнях рассказывалось, что турки сбросили непоколебимого Байду-Вишневецкого с башни на железные крючья, он

зацепился ребром за один крюк и в таком положении провисел три дня. Несмотря на страшные муки, Байда продолжал издеваться над врагами, так что те, выведенные из терпения, застрелили его, а после этого разрезали на кусочки и съели его сердце, чтобы проникнуться его храбростью и мужеством.

Дмитрий Вишневецкий оставил заметный след в развитии козачества. Он открыл перед козаками новые, более широкие горизонты, указал путь к организации и узаконению их партизанской борьбы. Наконец, походы под его предводительством окончательно побудили козаков устроить свой боевой центр — Запорожскую Сечь.

III. ЗАПОРОЖСКАЯ СЕЧЬ

Потребность в таком центре ощущалась уже давно. Как бы ревниво ни отстаивали свою самостоятельность козаки в городах и панских имениях, они все же находились там в руках властей. Староста всегда мог наложить запрещение на их имущество, рыболовные челны, охотничьи сети, оружие. Надо было найти такое убежище, где бы можно было оставлять на зиму в безопасности козацкую «маетность» (имущество), да и самим укрываться там от преследований старост.

Была и еще одна причина: во время битв с татарами, особенно во время осады Хортицы, козаки убедились, что стены замков — непрочная защита. Гораздо более надежной представлялась позиция, защищенная естественными преградами.

Всем этим требованиям удовлетворяло южное Поднепровье, лежащее ниже порогов, там, где река разделялась на множество рукавов, извиристо растекавшихся по лесистым и болотистым низинам. Здесь, при устье реки Чертомлык, и близ другой речки, Базавлук, сложными петлями изрезывающую окружающую местность, основали козаки свое пристанище^[15]. ...С того же времени козаки в храбрость и силу произойшли, воюя часто на Турков, и в тех войнах жажде и алчбе, морозу и зною приобыкли, а жилище свое прозвали Кошем или Сечею», говорит летописец, живший в XVII веке, известный под именем Самовидца, чья рукопись является одним из важнейших документов эпохи.

Слово «Сечь» обозначало лесную засеку, свидетельствуя, таким образом, о лесистом характере местности, избранной козаками для своей твердыни. Многочисленные степные речки в соединении с водной

громадой самого Днепра прикрывали это место с суши. Корабли, приходившие с юга, со стороны моря, попадали в узкие, извилистые днепровские рукава, вдоль берегов которых, среди лозняка и камышей, могла укрыться любая засада. Если же суда плыли с верхнего течения Днепра, из Польши, то на их пути вставали грозные пороги.

Запорожская Сечь представляла собой прекрасную позицию для обороны против могущественного неприятеля, особенно когда ее защищали такие опытные и умевшие применяться к местности воины, как козаки. Неудивительно поэтому, что даже такие сильные армии того времени, как польская и турецкая, почти никогда не осмеливались атаковать ее.

Создание Сечи, или, как говорили козаки, «Січа», происходило в семидесятых и восьмидесятых годах XVI века, а к концу этого века она приобрела уже общую известность, сделалась признанным центром Низового козачества и путеводной звездой для тех козаков, которые проживали в средней части Днепра и в других районах.

Сичевики, как и остальное козачество, состояли главным образом из неимущего люда, которому нечем стало дышать на родине, которого закабалляли экономически, превращали в бесправного холопа, с которого всякий дворянин мог сдирать шкуру розгами. К ним тянулось также множество людей из самых различных общественных прослоек и самых разнообразных национальностей: украинцы, поляки, русские, даже турки^[16]. По характеристике Михаила Литвина, в Запорожье идут «многие от власти родительской, от работы, от неволи, кар, долгов и иных неприятностей или просто ищут более выгодного заработка и лучшего места. Познакомившись со всеми преимуществами жизни в низовых местах, они уже никогда не возвращаются к своим, скоро приобретают

ловкость и мужество и осваиваются с опасностью, охотясь на медведей и зубров».

Необычайные нравы Сечи: бесстрашие и рыцарская преданность своему знамени в соединении с холодной жестокостью, суровый аскетизм и наряду с этим бесшабашный разгул, демократические основы и железная дисциплина, — вся эта замечательная организация, овеянная романтической дымкой прошлого, не раз приковывала внимание историков и поэтов.

Географическое расположение Запорожской Сечи.

В Сечь мог приходиться всякий, его ни о чем не спрашивали, только требовали клятвы в том, что он будет биться с врагами Украины. Пришедшие в Сечь часто меняли имена, чтобы властям труднее было обнаружить их следы. Конечно, многих привлекала добыча, но главным стимулом предпринимавшихся запорожцами походов была бесспорно исконная вражда

с татарами, желание ослабить их и таким образом предотвратить набег и, наконец, надежда освободить часть родных пленников. Характерно в этом смысле обычное воззвание, с которым обращались перед походом запорожцы к народу, к рассеянными по селам козакам, всегда ждавшим призывного клича: «Кто хочет за христианскую веру быть посаженным на кол, кто хочет быть четвертован, колесован, кто готов принять всякие муки за святой крест, кто не боится смерти, приставай к нам!»

Как видим, это не сборы корсаров, это прежде всего поход на защиту «веры», причем в это понятие вкладывалось гораздо более широкое содержание: защита родной земли и родного народа.

Мало можно найти примеров, когда бы в крупной и долго просуществовавшей организации господствовали порядки, подобные тем, что были в Сечи.

Жили запорожцы в простых зданиях, которые быстро возводились и которые не жалко было бросать в случае проникновения врага или перемещения становища. Сечь делилась на курени^[17], каждый курень имел свое помещение, в котором проживало около полутора человека. «Вот тобі и домовина», говорил куренной вновь пришедшему, указывая на его нары.

Так же проста была и пища запорожцев. Обедали сообща; куренные атаманы и даже сам кошевой атаман не имели в этом отношении никаких преимуществ. Мяса ели мало; вообще хотя были мастерами по части уничтожения горилки, но еда оставалась очень незатейливой. Недаром в козацкой песне пелось:

Та по чім козак славен?
Наївся риби
И соломахи^[18] з водою.
З мушкетом стане, а серце вяне,

А лях од духу вмірае.

Одежда запорожцев также была большей частью неприхотлива. В народной думе о козаке Голоте говорится: «На козаке одежда дорогая — три ветхие сермяги: одна негодная, другая дрянная, третью и на хлев швырнуть не стоит. На козаке шапка баранья: сверху дыра, травую шита, ветром подбита, куда дует, туда и продувает, молодого козака прохлаждает». Иными словами, запорожцы, как и жившие по селам козаки, ходили обыкновенно в живописных лохмотьях; летом в Сечи часто ходили обнаженными до пояса. (Внешний вид запорожцев ярко изображен Репиным в его знаменитой картине.) Только на голове принято было всегда носить шапку — знак козацкого достоинства. В ненастье носили шерстяную косматую бурку (вильчуру).

Зато по возвращении из удачной экспедиции запорожцы наряжались: синие шаровары с широким золотым галуном, жупан из белого шелка, шелковый пояс с золотыми кистями и высокая шапка из серых бараньих смушек с красным шелковым мешочком и золотой кистью. Однако «хороший тон» требовал неизменно выказывать пренебрежение к пышности своего наряда, не беречь его.

Бытовое обслуживание запорожцев осуществлялось жившими в предместье Сечи и работавшими за плату ремесленниками: портными, сапожниками, плотниками, пивоварами, бочарами и пр.

При сечевой церкви была школа. Некоторые юноши добровольно приходили сюда с Украины, других присылали отцы.

Имелся также приют для больных и раненых (шпиталь, то есть госпиталь).

Источниками средств запорожского войска были: владение обширным краем, торговля с соседними странами, жалованье и добыча.

Ежегодно, первого января, в Сечи собиралась рада, на которой по жребию распределялись земельные участки — степи, реки, озера — для хлебопашества, рыболовства, пчеловодства, скотоводства, охоты и соляных промыслов. Производить жеребьевку и связанную с этим мену участков было необходимо, так как участки были неодинаковы по природным богатствам; опасность от татар также была неодинакова.

Преимущество имели холостые козаки, жившие в куренях. Среди них в первую очередь производилась жеребьевка. Когда курени были удовлетворены, остаток делился между женатыми обитателями края (жившими вне пределов собственно Сечи), между духовенством и старшиной. Скотоводство, рыбные и звериные промыслы были в цветущем состоянии.

Внешняя торговля велась сухопутными путями с Украиной, Польшей и Крымом; морем — с Турцией. Привозили оттуда бакалею, вино, свинец, ткани; предметом вывоза служили соль, рыба, икра, мех, кожи.

Существовала в Сечи и местная торговля. Являвшимся сюда купцам разрешалось арендовать помещения и вести торговлю.

Во главе Сечи стояла старшина. На ежегодной раде первого января старшины складывали свои клейноды (знаки достоинства). Разумеется, их могли переизбрать, но могли и сместить. Чины в запорожском войске были следующие:

кошевой отáман^[19]
войсковой судья
есаул
писарь.

Полковая старшина:
полковник
писарь
есаул.
Войсковые служители:
подъесаулий
довбыш (литаврщик, сзывавший на рады и выполнявший различные поручения)
поддовбыший
канцеляристы
пушкарь (заведующий артиллерией, он же хранитель пороха; в пушкарне содержались и преступники)
подпушкарный
гармаши (артиллерийская прислуга)
толмач.

Были еще шафар (наблюдавший за состоянием перевозов через Днепр и за взиманием платы с пользующихся перевозами), контаржей (наблюдавший за мерами и весами, а также собиравший налог с торговцев) и некоторые другие. В куренях имелись свои куренные отаманы, заботившиеся о топливе, провианте, хранении денег и одежды и обладавшие значительными административными правами.

Вся старшина получала вознаграждение; доход с одного из перевозов, часть добычи; с каждой проданной бочки вина ей отчислялся один рубль.

Кошевой отаман имел безусловную власть, но по окончании года он отдавал отчет в своих действиях и, случалось, за преступления подвергался даже смертной казни. Самое избрание отамана обставлялось церемонией, напоминавшей новому кошевому о верховной власти «товариства»: ему мазали лицо грязью и награждали увесистыми назидательными тумакми. Выбор отамана, как и все общие вопросы, решала общая рада, построенная опять-таки на чисто демократических

началах: каждый запорожец, принадлежал ли он к «старшине» или к простой «сироматне»^[20] имел одинаковый голос. Впрочем, хотя такая организация существовала формально в течение всей истории Запорожской Сечи, на самом деле здесь всегда можно было усмотреть отчетливые следы расслоения на более богатых и более бедных.

Зажиточная прослойка завладевала лучшими угодьями и промыслами, получала максимальную долю добычи, богатела на торговле. Она же обычно захватывала командные посты во внутреннем управлении Сечи.

Расслоение среди запорожцев, как и в среде всего козачества, сыграло определенную роль в последующих войнах с Польшей: неимущие запорожцы, беглые крестьяне, сиромá пуще всего стремились «воевать панов», в то время как более состоятельная часть не была в этом так заинтересована и предпочитала войны против турок и татар, открывавшие больше возможностей в смысле завладения добычей. Случалось, что конфликты между зажиточными и малоимущими запорожцами принимали открытую форму. Так, в 1598 году дело дошло до вооруженного столкновения, причем зажиточные обратились за содействием к Польше.

Нравы этого необыкновенного товарищества были весьма строги: под страхом смертной казни запрещалось приводить в Сечь женщин; от проживавших здесь требовалось полное целомудрие, дабы ничто не отвлекало их от безраздельной преданности Сечи. За воровство вешали или забивали ударами киев. В то время как грабежи, разбой и насилие на войне считались в порядке вещей, за мародерство в мирных христианских поселениях предавали смертной казни.

Зимую часть запорожцев расходилась по городам, часть — обычно сиромá — оставалась в куренях. Летом

некоторые из считавших себя членами «славного войска запорожского» селились по соседству от Сечи. Там они занимались земледелием, обзаводились семьями, но по первому зову сечевого «товариства» бросали все и отправлялись в поход.

В самой Сечи имелись знатоки чуть ли не всех ремесел, но в большинстве случаев их умение использовалось только в военных целях; запорожцы добывали сами селитру, изготавливали порох, строили и ремонтировали челны, ковали мечи и т. д. Получая хлеб от женатых козаков, селившихся вокруг Сечи, обслуживая себя охотой и рыболовством, запорожцы выменивали или покупали недостававшие им продукты. От запорожцев требовалось, чтобы они всегда, несмотря ни на какие обстоятельства, были веселы. В 1595 году посол императора Рудольфа II назвал их «веселым народом».

Особо следует остановиться на военной организации запорожцев и вообще козаков.

Обычно козакам приходилось иметь дело с многочисленным и лучше вооруженным противником. Поэтому как в дальних своих походах, так и в повседневных стычках они несли крупные потери. Недаром на Украине насыпной холм — редут — назывался могилой: очевидно, по ассоциации с героической смертью защитников сторожевых редутов. Существовало даже особое сословие чернорабочих, копавших эти пограничные редуты; таких рабочих звали могильниками.

На каждом шагу в степи козаков подкарауливала опасность, и они всегда были готовы ее встретить. Остановившись у реки, чтобы напиться свежей воды, козак никогда не ложился на землю, а черпал воду пригоршней, зорко оглядываясь на окружающий камыш. Заметив чуть примятую лошадьми траву, он тотчас

старался прочесть по этой «сакме» — следу, — кто, когда и куда проезжал здесь.

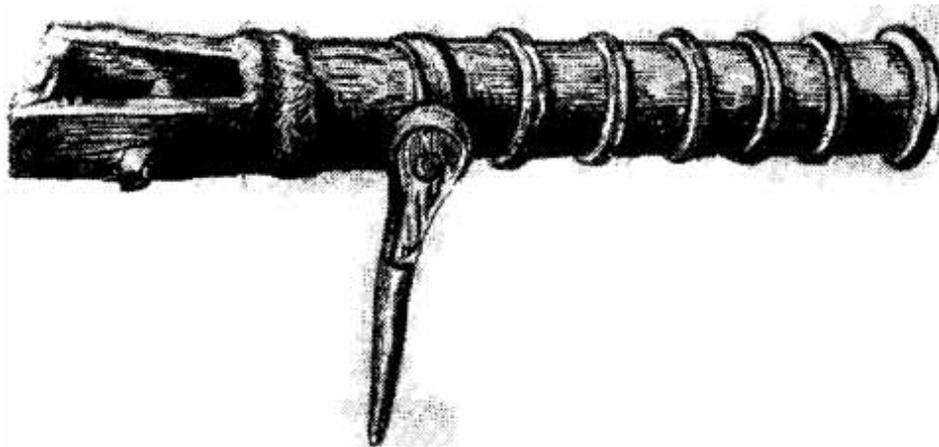
Вооружение козачков состояло из мушкетов, пистолетов, сабель, сагайдаков (луков), пик, дротиков, топоров; защитной брони не было, почти все сражались в обыкновенной одежде, иногда голые по пояс.

В Сечи большинство имело огнестрельное оружие. Характерно, что в народной «думе» о смерти Федора Безродного повествуется про то, как при опускании тела в могилу

В семипяді піщалі грімали.

Безродный погиб в 1576 году. В этом же году Стефан Баторий дал герб войску запорожскому. На гербе изображен козак с мушкетом на плече. Боплан говорит, что козаки метко стреляют из пицалей — «обыкновенного своего оружия».

В то время как в Западной Европе пикинеры были отделены от мушкетеров, козаки имели копье, саблю и мушкет. Отправляясь в морской поход, они брали с собой по пять-шесть мушкетов каждый. Конный козак, кроме того, имел четыре пистолета.

Козачья пушка XVII века.

Кстати сказать, умение козацкой конницы драться в спешном строю было в значительной мере обусловлено тем, что бедные козаки сперва служили в пехоте, а раздобыв достаточно денег, переходили в конницу. Хороший всадник должен был иметь одну-две заводных (запасных) лошади, чтобы во время похода не уступать татарам, всегда имевшим заводных коней.

В Сечи имелось около 50 пушек и много хороших артиллеристов.

Хотя большинство козаков были отличные наездники, они не любили битвы в конной строю. Наиболее сильны они были в пешей схватке, особенно если укреплялись за табором: двойной ряд соединенных цепями телег, из-за которых они отбивались, словно из-за валов. Их противникам очень редко удавалось разорвать это построение. Случалось, что за неимением телег козаки перевязывали за рога и хвосты скот.

Встретившись с неприятелем, козаки разведывали его силы и расположение. Этой цели во многом способствовали «герцы» — индивидуальные поединки перед фронтом обеих армий. Затем составлялся план атаки.

Обычно козаки высылали часть сил на фланги и в тыл неприятеля, а затем предпринимали одновременную атаку. В те времена армии были особенно чувствительны к появлению противника сразу с нескольких сторон, и такой метод ведения боя хорошо оправдывал себя.

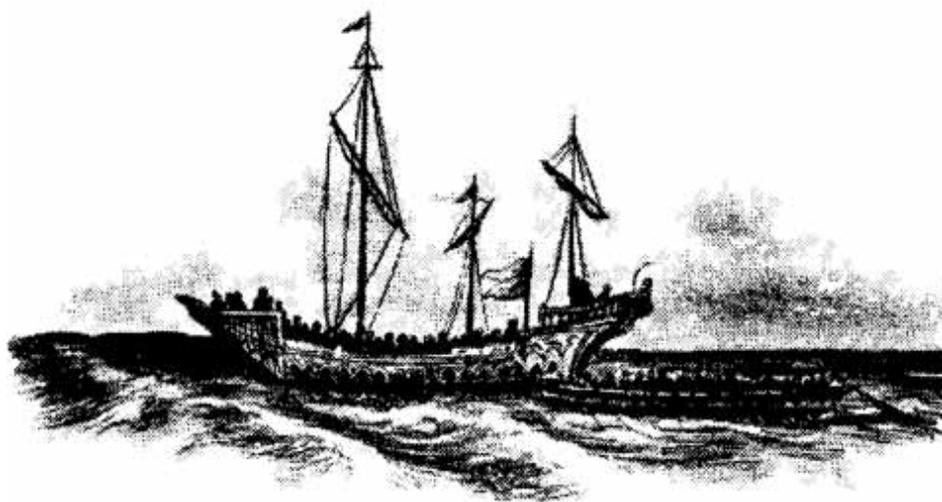
Воюя с поляками, козаки стреляли из ружей по обозным лошадям, так как без лошадей поляки, опасаясь за возы с провиантом, лишались свободы маневра; сами же козаки были убеждены, что население снабдит их продовольствием.

Козацкое войско делилось на полки и сотни: в полку — три или четыре сотни. Но сотня это в

действительности было гораздо больше, чем 100 человек.

Заслуживает внимания организация морских походов.

Козаки строили «чайки» — челны без киля длиной в 60, шириной в 10 футов. С каждой стороны садилось 10–15 гребцов. Для того чтобы не терять времени на повороты, «чайка» снабжалась двумя рулями: и на корме и на носу.

Запорожские галеры и «чайки» (по описанию Боплана и Ровинского).

В каждую «чайку» помещали пять-шесть фальконетов^[21]. Низкая посадка (2,5 фута) делала «чайки» малозаметными. Ночью козаки подплывали к кораблям и шли на abordаж. Если турки замечали их своевременно, козаки стремились сблизиться с кораблями, чтобы огонь их фальконетов и самопалов причинял наибольший вред, турки же старались держаться в отдалении и безнаказанно обстреливать «чайки» из дальнобойных пушек.

Козаки брали с собой бочки с сухарями, копченым мясом, пшеном. Спиртные напитки на борту

запрещались. Высадившись на берег, козаки оставляли по четыре часовых на «чайку» и шли на «добычу».

Таким, в кратких чертах, было это своеобразное «государство в государстве» — «христианская казацкая республика», как назвал его Маркс^[22]. Здесь, в Сечи, козаки были уже сплоченной силой, в то время как в верховьях Днепра их собратья, хотя и были столь же свободолюбивы, не имели никаких прав и подвергались тяжкому гнету панов и шляхты.

IV. НАСТУПЛЕНИЕ ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТЫ НА ВОСТОЧНУЮ УКРАИНУ

Уже в первой половине XVI века козачество стало одной из растущих сил на Украине. Тем не менее оно не получало еще никакого официального признания со стороны властей. В 1524 году король Сигизмунд I робко предлагал сейму: «...Если б решились вы на следующий год держать на Днепре козаков для охраны и обороны владений наших». Но сейм отверг это предложение, не «решился» взять на государственную службу безвестных бродяг, сами же козаки отнюдь не нуждались в формальном признании. Они попрежнему ходили по первому зову в экспедиции, собираясь на сборных пунктах (обычно между Конотопом и Нежином либо в Крылове, за Днепром), а вернувшись из похода, растворялись в разных общественных группах, не теряя, однако, внутренних связей друг с другом.

Правительство, со своей стороны, считало, что не следует мешать людям, которые по собственному почину охраняют границы государства и приносят этим двойную пользу: во-первых, избавляют от затрат на содержание войска, во-вторых, позволяют обходиться без услуг родовитой шляхты, которая за свою военную службу потребовала бы крупных привилегий. Однако давать официальное признание козакам сейм также не желал.

С течением времени польско-литовскому правительству пришлось изменить свою тактику кажущегося игнорирования козачества. Серьезным поводом к этому явилось образование Запорожской

Сечи, в которой консолидировалась козацкая активность.

В 1568 году правительство впервые обратилось формально к «подданным нашим, козакам тым, которые, з замков и мест украинских зъехавши, на Низу перемешкивают». Шляхтичи начали понимать, что козачество представляет собою грозную силу. Иллюстрацией этого может служить высказывание польского историка Папроцкого, обращавшегося в 1575 году к своим собратьям: «Что делал Геркулес, который побивал гидр и не щадил земных богов, то на Руси сумеет сделать каждый. Самсон разодрал челюсти льву; подобные подвиги в наше время русаку за обычай. Могущественный Турок разинул на нас пасть, и храбрые русаки не раз совали в нее руку. Устремился бы он в Польшу, но останавливает его русская сила. Бросаются русские (то есть русское население польских земель. К. О.) в пропасть войны, пренебрегая опасностями, и когда совершают что-нибудь полезное, всем вам от того прибывает славы».

Но, принося Польше большую пользу, козаки создавали для нее и затруднения: своими беспрестанными набегами они раздражали Турцию, Крым и ухудшали отношения этих стран с Польшей. Польское правительство окончательно пришло к мысли ввести в русло «неорганизованную стихию» козачества и поставить ее себе на службу. В 1572 году коронный гетман Язловецкий произвел набор трехсот козаков на королевскую службу; мероприятие это оказалось малодейственным. Но вскоре решительный шаг в этом направлении совершил энергичный польский король Стефан Баторий.

Сын трансильванского [\[23\]](#) воеводы, избранный затем князем этого небольшого государства, он добился с помощью влиятельных польских магнатов Зборовских избрания его польским королем (1575). В основу своей

внешней политики Баторий положил установление прочного мира с Турцией и консолидацию всех сил для борьбы с Москвой. В связи с этими планами он резко отрицательно отнесся к операциям козаков против турок, принимавшим все большие размеры. Год избрания Батория ознаменовался одним из самых страшных и опустошительных набегов, какие только производили татары на Украину. Польские власти знали, что предполагается набег, и приготовились отразить его. Однако первоначально на правую сторону Днепра переправился лишь пятнадцатитысячный татарский отряд. Получив сведения о незначительности татарских сил, которые к тому же вскоре отступили обратно, власти распустили собранное ополчение. Дозорные козаки предупреждали, что на Украину движется большое войско, судя по множеству зверей и птиц, перебравшихся из татарской степи. Но коронный гетман не придавал значения этим предостережениям.

Между тем татары сговорились с молдавским господарем, что он пропустит их через свою территорию, и в сентябре 1575 года неожиданно вторглись в Подолье из-за Днестра. Они распустили свои «загоны»^[24] вплоть до Львова и стремительно бросились на Волынь. На протяжении 800 квадратных миль все было сравнено с землей, остались только укрепленные замки и снабженные пушками поместья, — татары основывали успех своего набег на быстроте и не задерживались перед укреплениями. 35 тысяч человек были уведены на арканах в Крым; убитых никто не считал. Кроме людей, татары увели с собой полмиллиона голов рогатого скота и около 40 тысяч лошадей.

В ответ на этот опустошительный набег козаки двинулись в следующем году на Молдавию. Во главе их стоял человек огромной физической силы, ломавший иногда руками подковы и прозванный за это Подковой. Война длилась полтора года и в конце 1577 года

завершилась вступлением козаков в молдавскую столицу Яссы. Однако победа была непрочной, против козаков выступили турки и, по их настоянию, сам Баторий. Подкова отступил с добычей в Запорожье, но по дороге один польский магнат изменнически залучил его к себе и отослал к Баторию. По требованию турецкого султана, Баторий велел обезглавить Подкову.

Взамен отрубленной головы Подковы у козачества выросло сто других. Нашелся некто, на звавший себя Александром, братом обезглавленного гетмана. Баторий, желавший во что бы то ни стало сохранить мир с Турцией, выступил против Александра, разбил его рать, а его самого взял в плен и отправил, в Константинополь. Но на смену посаженному на кол Александру тотчас явился другой предводитель, назвавший себя Петром, сыном Александра. Под начальством Петра козаки возобновили нападения на Молдавию.

Турецкий султан, молдавский господарь, крымский хан — все слили свои голоса в хоре жалоб на козаков. Выходило так, что все они лишь беззащитные агнцы, которых преследуют свирепые козаки. Даже ужасный набег 1575 года татары объяснили всегдашними обидами со стороны козаков.

Баторий решил прибегнуть к энергичным мерам. Помимо внешнеполитических соображений, его побуждало к этому и желание уничтожить главное препятствие на пути к совершенному слиянию Южной Руси с Польшей — вернее, к совершенной полонизации (ополячению) Южной Руси. Ему хотелось установить на Украине прочный общественный порядок (в польском понимании), то есть закрепостить большую часть населения, а часть оставить свободной и использовать ее в целях защиты от татар. Козаки являлись главным оплотом украинской народности. Поэтому уничтожение

или хотя бы подчинение их вытекало из задач также и внутренней полигики Батория.

Осенью 1578 года Стефан Баторий заключил представителями украинского козачества соглашение. По этому соглашению из среды козачества составлялся особый полк на постоянном жалованье у правительства. На штатных козаков доставлялся особый список, реестр, вследствие чего они получили название реестровых.

Реестровые козаки должны были присягнуть и верности королю и дать обязательство не воевать без приказания короля ни с Крымом, ни с Молдавией. За реестровыми признавалась личная свобода и, кроме того, целый ряд специальных прав: судить их могли только по соглашению с их старшиной, да и то лишь за убийство и насилия, с них не взыскивали налогов и поборов и т. п.

Король надеялся таким путем привлечь на свою сторону наиболее влиятельную часть козачества. Но этот расчет удался лишь отчасти. Реестровые знали, что их значение определяется в глазах польского правительства именно всей массой заштатного козачества, подкреплявшего их своей мощью. Поэтому они вовсе не склонны были вступать в резкий конфликт с этой массой.

И все же известного расслоения в козачестве Баторий, несомненно, добился. Реестровые упорно отстаивали свои привилегии, они не хотели совершенно уподобиться заштатным козакам. Формальное подчинение правительству налагало на них серьезные обязательства. Поэтому в последующие козацких восстаниях, когда правительство посылало реестровых для усмирения непокорных, они оказывались всякий раз в очень трудном положении. Большей частью дело кончалось расколом внутри самих реестровых: часть сражалась в стане правительственных войск, часть переходила к козацкой вольнице. Иногда реестровые

переходили к восставшим всем составом (так случилось во время восстания Хмельницкого), иногда же они, напротив, отстаивали интересы правительства.

Мероприятие Стефана Батория, способствовавшее классовому расслоению козачества и тем причинившее ему большой вред, принесло ему и немалую пользу. Оно как бы узаконило претензии козачества на привилегированное положение в ряду других сословий, и всякий раз, как польское правительство покушалось уничтожить козацкие вольности, казаки торжественно предъявляли грамоту Батория.

Наряду с этим реформа Батория в известной мере содействовала укреплению Запорожской Сечи: отныне на тех, кто не был включен в реестр, но тем не менее стремился сохранить независимое положение, польские власти на Украине смотрели как на ослушника правительственных распоряжений. Если они желали избежать закрепощения, им ничего не оставалось делать, кроме как бежать «за пороги» — и уже не временно, а навсегда. Таким образом, Сечь, эта запорожская община непризнанных казаков, получила новые многочисленные пополнения.

Во второй половине XVI века Польша домогалась лишь ослабления козачества, а заодно и извлечения максимальной пользы из этого неприятного для нее, но неустранимого явления. Прошло немного времени, и с конца XVI века польское правительство видит единственный выход в уничтожении козачества любой ценой. Но и это оказалось невозможным. Козачество снова продемонстрировало свою исключительную жизнеспособность и на жестокий удар польского правительства ответило в середине XVII столетия таким

ударом, от которого едва не рухнуло все здание Речи Посполитой.

В чем же заключался источник столь быстрого роста козачества, его способности молниеносно залечивать свои раны и вставать всякий раз на борьбу со свежими силами? Прежде всего в нерушимой связи его с широкими народными массами. Страдая от непрекращающихся притеснений со стороны панов, украинский народ с гордой непримиримостью предпочитал неравную борьбу подневольному существованию. А в этой борьбе козачество было его боевым авангардом.

В конце XVI века происходит усиленное проникновение в Восточную Украину польских порядков и польского помещичьего землевладения. До тех пор жители этих земель хотя и гибли под ударами татарских сабель, зато сохранили личную свободу, в противоположность своим несчастным собратьям в Западной Украине, которые уже в полной мере были закрепощены панами. Люстрации (статистические описи), проведенные в восточнукраинских областях перед последними десятилетиями XVI века, свидетельствуют, что та немногочисленная шляхта, которая рискнула поселиться там, жила не очень пышно. Тамошние селяне соглашались работать на своего пана три дня в году; если помещику это не нравилось, то крестьяне «добре знали дорогу, которою утекать»: стоило податься на 100–200 верст к югу, в необозримую степь, и никакая погоня не была страшна. Или можно было стать козаком и тогда вовсе избавиться от опеки. Неудивительно, что при этих условиях крестьянин был «богатейший и пышнейший, нежели пан».

С конца XVI века все начинает меняться.

Увидев, что плодородные земли степной Украины уже прочно освоены русским населением, паны стали наперебой протягивать к ним руки. В короткий срок

польское правительство роздало всю Восточную Украину магнатам. «Что в этих пустынях было поселение, хотя редкое и «непослушное», об этом оно не думало», замечает историк А. Ефименко. Род Калиновских получил Уманскую «пустыню», род Вишневецких — Полтавщину и часть Черниговщины и т. д.

Создалось такое положение: русский неимущий люд бежал сюда от польского ярма, вспахивал нетронутую целину, поливал ее кровавым потом, отражал свирепые набеги татар, а затем являлись помещики и объявляли эту землю своей собственностью.

В первое время помещики, заинтересованные в заселении пустовавших земель, не очень притесняли коренное население. Они не только охотно давали приют даже беглым крестьянам, прибывавшим из Галичины, но и всячески заманивали всё новые толпы поселенцев. Они обещали, что в течение пятидесяти лет новые поселенцы будут пользоваться землей «безданно», и эта мера действительно способствовала приливу людских потоков в Приднепровье и Побужье.

Но очень скоро начались неизбежные конфликты между вольнолюбивыми жителями и неожиданно появившимися новыми хозяевами. Конфликты стали возникать по всякому поводу и прежде всего в связи с вопросом о земле.

В королевских имениях власти приступили к разбивке крестьянских владений на отдельные участки размером около 20 десятин — так называемые волоки. Этой мерой они показывали, что земля не принадлежит более хуторянам и власти могут распоряжаться ею по своему усмотрению.

Экономическое закабаление было только предвестником личного закрепощения, предвестником генерального похода панов на вольнолюбивые порядки Восточной Украины. «У нас в том свобода, — писал современник той эпохи, поляк Симон Старовольский

(1588-1656), — что всякому можно делать то, что захочется: от этого и выходит, что беднейший и слабейший делается невольником богатого и сильного, сильный наносит слабому безнаказанно всякие несправедливости, какие ему вздумается. В Турции никакой паша не может того делать последнему мужику, иначе поплатится за то головой; и у москвитян думный господин и первейший боярин и у татар мурза и высокий улан не смеют так оскорблять простого хлопа, хотя бы и иноверца... Только у нас в Польше вольно все делать и в местечках и в селениях. Азиатские деспоты во всю жизнь не замучат столько людей, сколько их замучат каждый год в свободной Речи Посполитой».

К этим горьким словам польского современника трудно что-либо прибавить.

Независимые дотолле люди познали страшный гнет панского «мучительства», и жизнь их сделалась «тягостнее галерной неволи». Порядки, от которых они бежали из Польши и Галичины, утверждались теперь и здесь. Случалось, что крестьянина выводили на полевые работы в оковах, а если он не был в силах работать в таком положении, то нанимали за его счет батрака. За убийство чужого крестьянина шляхтич только платил его семье 40 гривен пени. Если он засекал своего крестьянина, он ничего не платил. В помещичьих усадьбах с утра до вечера свистели розги и плети.

«Случится у пана какая-нибудь радость, — пишет Старовольский, — подданным его печаль: надобно давать поздравительное; если пан владеет местечком, торговцы должны в таком случае нести ему материи, мясники — мясо, корчмари — напитки; по деревням хлопы должны были давать «станцию»^[25] его гайдукам. Едет ли пан на сеймик, или на богомолье в Ченстохов, или на свадьбу к соседу — на его подданных всегда налагалась какая-нибудь новая тягость. Куда ни проедет пан со своим своевольным оршаком (свитой),

там истинное наказание для бедного хлопа: панские слуги шляхетского происхождения портят на полях хлеб, забирают у хлопа кур, баранов, масло, а пойдет хлоп жаловаться пану, так его за то по ушам отшлепают, зачем беспокоит его милость, тем более что сам пан привык поступать, как его слуги».

Не желая затруднять себя управлением поместьями, паны сдавали их в аренду. Арендаторы, стремясь окупить уплаченную пану сумму и сверх того получить прибыль, доводили эксплуатацию до невиданных размеров, измышляя всё новые и новые поборы.

«Не так паны, як паненята», гласила украинская пословица, подразумевавшая под паненятами арендаторов и управителей.

Панщина и подати помещикам, притеснения со стороны арендаторов, поборы экзаторов^[26], взятки старост, насилия жолнеров^[27] все это, как паутиной, облепило жизнь недавно еще независимого народа. И вдобавок — безмерное презрение сановитой шляхты к «быдлу», невозможность найти управу, необходимость покорно сносить любую обиду, а за слово протеста послушно ложиться под плеть ката (палача).

Если бы поляки были дальновиднее, они бы отдали себе отчет, что люди, пришедшие сюда, на берега Днепра и Буга, в поисках воли отстоявшие свою обетованную землю от татар, не позволят теперь опять запрячь себя в ярмо и отобрать политую кровью их отцов землю. Но в Польше мало было ясных умов, подобно Старовольскому или Скарге^[28] предвидевших трагическую развязку такой политики. Большинство шляхтичей полагало, что нужно, не давая опомниться несчастному «поспольству» (крестьянам и мещанам), связать его по рукам и по ногам. И наряду с социально-экономическим закрепощением началось особенно остро подавление русской национальности.

Одним из важнейших элементов этой национальности поляки считали православную религию. С ней были связаны воспоминания о прошлом Руси, народные понятия и обычаи. Поэтому именно на нее был направлен очередной удар поляков.

В польском праве всегда существовал принцип: «Чья власть, того и религия». В применении к Украине этот принцип для поляков приобрел особую актуальность.

Мысль о соединении католицизма и православия под общим главенством Рима (уния) возникла очень давно. Первую попытку в этом направлении предпринял еще Ягайло в 1396 году. Но резкое недовольство народных масс, а также вмешательство Москвы заставили тогда отказаться от крутых мер. Опираясь на поддержку правительства, католическая церковь стала действовать исподволь: православное духовенство облагалось высокими податями, не имело права заседать в польском сенате и литовской раде и т. п. Одно время в Литве получил широкое распространение протестантизм; но вскоре католическая церковь вновь восторжествовала. Католичество проникло в литовско-русские земли (особенно после унии 1569 года), и католики возобновили нападки на православие. В городах православным был закрыт доступ в муниципалитет и т. д.

Русское население с поразительным единодушием выступило на защиту своей веры, понимая, что, по существу, речь идет об ослаблении его национального единения.

Энгельс указывает, что в период между XIII и XVIII веками общие исторические движения принимали, как правило, религиозную окраску. «И эта окраска, — пишет Энгельс, — объясняется не свойствами человеческого сердца и не религиозной его потребностью [...], но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и богословие»^[29]. И

далее, развивая эту мысль, Энгельс указывает: «Чувства массы вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было ее собственные интересы представлять ей в религиозной одежде»^[30].

Эти глубокие замечания как нельзя лучше применимы к истории народного движения на Украине.

По всей стране раскинулась широкая сеть «братств» — общин, поддерживавших свои храмы, обсуждавших вопросы церковной организации и отстаивавших политические и экономические интересы своих членов. Возникшие во Львове, Остроге, Киеве, Луцке и других городах братства располагали школами, коллежами, мастерскими и типографиями. Братства возглавили идеологическую борьбу против польско-католического влияния и тем самым способствовали подготовке народно-освободительной войны, вспыхнувшей на Украине в XVII веке.

В конце XVI столетия православные братства в противовес католической агитации развернули интенсивную просветительную и литературную деятельность. В городе Львове братством были организованы типография и славянская школа. Движение захватило даже православных князей. Член одного братства, князь Константи́н Острожский, основал в городе Остроге (на Волыни) типографию. Для постановки дела он пригласил известного печатника Ивана Федорова, бежавшего из Москвы в Галичину. Из Острога выходили главным образом полемические сочинения против иезуитов. Кроме типографии, в Остроге была учреждена православная академия, в которой изучались греческий язык, философия и т. п. Братства выдвинули ряд ученых, литераторов и политических деятелей.

И все же католическая церковь, пользовавшаяся могучей поддержкой государственного аппарата,

оказалась сильнее. Ей удалось вызвать раскол среди высшего православного духовенства: часть епископов, соблазненная посулами римских легатов, решила присоединиться к католической церкви. В 1596 году в Бресте состоялся церковный собор, на котором большинство епископов высказалось за слияние церквей.

Упорствовавших поборников православия католики осудили на лишение сана и должностей. Те, в свою очередь, объявили о низложении епископов, перешедших в католичество. «Тут обе стороны предались взаимно анафеме», пишет один старинный историк. Правительство, разумеется, тотчас поддержало униатов и этим решило вопрос: отныне по всей Украине господствующей религией стала католическая.

Те, кто остался верен православию, подвергались жестоким гонениям. Во Львове латинским епископом был Ян Суликовский. При нем «сажали священников в тюрьмы, закрывали церкви... детей Русинов^[31] хватили на улицах и силой отдавали в католические школы, где их били и издевались, русских бедняков выгоняли из домов... богохульствовали над церковными святынями»^[32].

Афонский инок Иоанн Вишенский писал: «Вместе веры, надежды и любви теперь безверие, отчаяние, ненависть, зависть и мерзость обладают»^[33].

Теперь шляхтич, (притесняющий «хлопа», мог сослаться еще и на то, что притесняет «схизматика», не признающего истинной веры.

Среди русских дворян было очень много богатых и влиятельных людей. Упомянувшийся выше князь Константин Острожский, проживший долгую жизнь^[34], обладал несметным богатством: 100 городов и местечек, 40 замков и 1300 деревень принадлежали ему. Ежегодный доход его составлял 1200 тысяч злотых. В торжественных выездах его сопровождал конвой в

составе двух тысяч человек. 600 церквей было в его огромных владениях, и в каждой был устроен закрытый золоченый конфессионал (исповедальня), чтобы никто не мог увидеть, как такой могущественный князь бьет поклоны небесному владыке.

Когда умер его сын Януш (1620), после него осталось 600 тысяч червонцев, 400 тысяч талеров, 29 миллионов золотых разной монеты, 30 бочек серебряного лома и т. п. Наследником этого громадного состояния явился Доминик Заславский, и без того чрезвычайно богатый человек. Небезынтересно, что половина тех, кто впоследствии сражался под знаменами Хмельницкого, считались подданными князя Заславского.

Разумеется, тот факт, что Острожский и многие другие влиятельные дворяне — Заславские, Вишневецкие и др. — являлись поборниками православия и поддерживали его своим авторитетом и деньгами, имел крайне важное значение.

Католическая церковь, поощряемая польским правительством, направила все усилия, чтобы переманить на свою сторону русское дворянство, и многого достигла.

Русских князей прельщала возможность занимать руководящие посты в Речи Посполитой, на что им давало право их старинное, часто более древнее, чем у польской шляхты, происхождение и огромное богатство. Переход в католическую веру, обеспечивая почетное место при дворе короля, открывал перед ними все пути. Немалую роль сыграли также браки князей, женившихся на знатных польках.

Тем не менее у поколения русских дворян, выросшего до церковной унии 1596 года, было много традиций, связывавших их с родной народностью. Эти традиции тормозили процесс ополячения.

Иначе обстояло дело с новым поколением. Дети многих русских и литовских дворян учились в Польше

или за границей: в Австрии, Италии — в странах, где делом воспитания прочно завладели иезуиты^[35]. Юношам внушали ненависть ко всему, что было связано с религией и национальностью их предков. Иезуиты обрушивали на них свое коварное искусство, опутывали сетями софизмов и в конце концов подчиняла себе воображение подростков. Молодые князья возвращались на родину уже фанатическими приверженцами католицизма и, подобно всем ренегатам, наиболее непримиримыми врагами родного народа.

Широкую деятельность развернули иезуиты и в Польше. Распространение в польской дворянской среде лютеранства и других реформаторских религиозных идей объяснялось желанием шляхты ослабить католическое духовенство, стоявшее на пути к достижению шляхтой полновластия (в частности, реформация предусматривала отобрание церковных земель). Для борьбы с этими идеями и для упрочения католицизма в Польшу и были (в шестидесятых годах XVI века) привлечены иезуиты, нашедшие здесь себе всемерную поддержку со стороны короля и всего аппарата католической церкви. Иезуиты постарались захватить в свои руки книгопечатание и школьное дело и толкали польское общество на путь крайней идейной и политической реакции. Одной из важнейших задач иезуитов в Речи Посполитой являлась борьба с православием и всем, что было связано с ним.

В длинном списке обид и притеснений, которые широкие массы терпели от польских панов, прибавилась еще одна: преследование за православную веру, оскорбление их религиозных понятий.

Это оказалось последней каплей, переполнившей чашу народного гнева.

Все, не перешедшие в польский лагерь, объединяются под лозунгом защиты веры. Православная

церковь, оставшиеся русскими князя солидаризируются на этой базе с могучим движением масс.

Все они ищут силу, способную вывести из создавшегося критического, если не безвыходного положения. И силу эту все усматривают только в козачестве, несмотря на то, что его социальный характер был мало симпатичен некоторым поборникам православия. Организация реестровых полков усиливала, правда, расслоение в рядах козачества^[36], но в массе своей козачество осталось преданным интересам родного народа и жгуче ненавидело его притеснителей — будь то помещик, староста или католический ксендз. Козачество представляло собой наиболее реальную силу, способную возглавить борьбу против ополячения украинского народа, защитить и обездоленные массы «хлопов» и притесняемое мещанство в городах.

Если уж очень не вмоготу становилось украинцу, будь он «хлоп», мещанин или даже зажиточный хуторянин, он бежал в Сечь. Призрак запорожской вольницы реял над скованной панамы страной. И хотя в 1600 году козаков-«профессионалов» было самое большее 20 тысяч человек из общего мужского населения Украины в 220–250 тысяч, потенциально вся остальная масса готова была в любой момент «окозачиться», последовать за своим авангардом в бой за свои человеческие и гражданские права.

Это подрывало планы шляхетства на Украине. Люди, являющиеся в глазах надменных шляхтичей варварами, обреченными служить постаментом для шляхетского великолепия, эти люди проявили волю отстаивать свои права, свое национальное самосознание. При этом путеводной звездой, вдохновляющим примером было для них козачество.

Польские политики отлично уясняли себе, как глубоки корни народного движения и какой отзвук

должно вызвать выступление козачества на защиту народных интересов. В 1617 году гетман Жолкевский охарактеризовал козачества как «крестьянство, по природе своей неприязненное по отношению к шляхетскому народу». В этих словах уже ясно чувствуется боязнь козачества именно как вооруженного крестьянства.

Спустя восемь лет польский магнат Збаражский писал: «Сила козаков так опасна не только одною численностью этих разбойников, но огромным авторитетом их злодеяний и явной или скрытой приязнью к ним со стороны чуть ли не всей Киевской земли и Белоруссии».

«Все эти русские края, — писал он далее, — считающие себя угнетенными, отчасти панской властью, отчасти по глупости жалующиеся на унию, несомненно, поднялись бы одновременно с козацким восстанием и искали бы мести вместе с ними».

Поэтому с конца XVI — начала XVII века в Польше оживленно дебатировался вопрос: как быть с козачеством? Иные высказывались за уничтожение его любой ценой — тогда можно будет не опасаться волнений на Украине, а Турция и Крым лишатся повода нападать на польские земли. Другие возражали, что в таком случае придется содержать большое, дорогостоящее войско для защиты границ; что же касается козаков, то они под влиянием репрессий переселятся в Московию, на Дон, и московский царь использует их в войне против Польши. Так лучше уж, рассуждали сторонники этой точки зрения, если козаки будут сражаться в рядах польской армии, чем против нее.

С типичным для тогдашней польской государственности отсутствием твердой линии верх брали сторонники то одного, то другого направления. Польское правительство то и дело посылало против

козаков сильные экспедиции, устраивало кровавые бойни, но оно никогда не было в силах довести дело до конца — разрушить Сечь, подрезать самые корни козачества. Проходило немного времени, и оно само обращалось к козакам с призывом на войну против турок, против татар или даже против Москвы: скупая шляхта не могла отказаться от хорошего и дешевого войска.

Но если политика польского правительства была непоследовательна и противоречива, то и в поведении козаков не видно ясного понимания своих целей, ясного плана действий. Козачество бросается то на Турцию, то на Крым, то на Польшу, создавая себе все новых врагов, и не заботится о концентрации своих сил.

Вплоть до середины XVII столетия длится серия козацко-крестьянских войн с иноземцами, в которых козаки и украинские крестьяне оказывались то победителями, то побежденными. История этих войн полна примеров исключительной отваги и мужества, неизменно проявлявшихся козаками. И тем не менее в результате этих войн, потребовавших огромных жертв от козачества и всего украинского народа, не было достигнуто никакого существенного прогресса ни в положении Украины, ни в польско-украинских отношениях.

V. БОРЬБА УКРАИНСКОГО НАРОДА С ТУРКАМИ, ТАТАРАМИ И ПОЛЬСКОЙ ШЛЯХТОЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА

В конце XVI века Польша была одним из самых обширных европейских государств. Значительную часть ее огромной территории составляли русские земли, перешедшие к Польше после слияния с Литвой, а частью непосредственно захваченные польскими королями. Украина, Червонная Русь, Белая Русь, Полесье, Волынь, Подолье — остатки некогда могущественного Киевского государства — теперь должны были отдавать иноземным покорителям дары щедрой природы и плоды неустанного труда населения. Характерной особенностью Речи Посполитой являлась ее пестрота в этнографическом отношении: в ней жили поляки, литовцы, русские, немцы, татары, евреи и другие. При этом господствующая национальность — поляки, свысока относившиеся ко всем другим национальностям и эксплуатировавшие их, составляли не более одной трети общего числа жителей. По подсчету Н. Павлицева, в момент объединения Литвы с Польшей общая численность населения Речи Посполитой составляла 12 миллионов человек, из которых только 4 миллиона приходилось на долю поляков, 5 миллионов — на долю русских, а остальное — на другие народности.

Государственная организация Польши находилась в жалком состоянии. Лишенное прочной государственной власти, не имевшее надежного экономического фундамента, возведшее в систему безжалостную

эксплоатацию широких народных масс, польское государство шло к неминуемому развалу.

Польская казна была почти всегда пуста, и короли были бессильны пополнить ее. Фактическая власть в стране принадлежала магнатам и шляхте; эти сословия получали со своих имений около 200 миллионов злотых в год, а вносили в казну только 1,5 миллиона.

Куда же тратила шляхта свои доходы? Мотовство, небывалая роскошь поглощали все средства. «Дворяне польские, — пишет Боплан, — любят пышность и великолепие, особенно в одежде; шубы носят весьма дорогие, украшая оные большими золотыми пуговицами с рубинами, сапфирами, бриллиантами и другими драгоценными камнями. Я видел соболью шубу, которая стоила более 2 тысяч экю^[37]».

Боплан рассказывает, что польские гусары, к числу которых принадлежали самые богатые дворяне, ездили на лошадях ценою не ниже 200 червонцев. На один званый обед некоторые вельможи расходовали по 50–60 тысяч ливров^[38]. Бережливость считалась позорной. Ели на серебряной посуде. Лакеи вытирали тарелки рукавами шитых золотом бархатных кунтушей.

О том же повествует Старовольский: «Прежде бывало шляхтич ездил простым возом, а теперь катит шестернею в коче, обитом шелковой тканью с серебряными украшениями. От сенатора до ремесленника все пропивают свое состояние, потом входят в неоплатные долги».

Диаметрально противоположными были нравы тех, кого шляхтичи презрительно называли «быдлом» и «хлопами». Народ, трижды испытавший иго иноземного владычества — татарское, литовское и польское, не потерял своего лица и не изменил своим исконным обычаям.

Нередко эти обычаи выгодно отличались от тех, которые господствовали в других странах.

Образцом могут послужить семейные отношения. В большинстве стран в то время девушка, выходя замуж, лишь выполняла родительскую волю. А на Украине браков по принуждению почти не встречалось. Иногда бывало и вовсе необыкновенное: девушка, взяв инициативу на себя, сама делала предложение. Придет девица в дом, скажет: «По твоему лицу я вижу, что ты человек добрый, что жена твоя будет счастлива и найдет доброго господаря: прошу тебя на мне жениться», и если избранник не возражал, дело быстро заканчивалось.

Церковное освещение брака было необязательно. «Змовины» (обручение) и «веселье» в день фактического бракосочетания — вот все, что требовалось местными обычаями.

Жена была равна мужу и в смысле владения имуществом. Но при заключении брака девушка обычно приносила «посаг» (приданое).

Существовал на Украине и старинный рыцарский обычай: если девица набрасывала покрывало на приговоренного к смертной казни, казнь отменялась, а смертник становился мужем своей спасительницы.

В характере украинского народа сохранились былые приветливость и радушие, отмечавшиеся еще бытописателями Киевской Руси. В селах редко возникали серьезные ссоры, в дни досуга всюду звенел смех.

Острое словцо, юмор, сарказм очень ценились в народе. Какая-нибудь неприглядная черта в человеке — лживость, неопрятность, суетливость — доставляла ее обладателю хлесткую, меткую кличку, переходившую и к следующим поколениям; недаром многие украинские дворяне имели еще в XIX веке фамилии вроде Тупу-Тупу Табунéць-буланый.

Все слои населения отличались религиозностью и неминуемым в то время суеверием. Отовсюду шли

богомольцы в Киево-Печерскую лавру посмотреть на мощи святой Елены и на цепь, которой дьявол бил святого Антония.

Кратко очерченные здесь особенности нравов были свойственны не только простому народу, но и козакам и обедневшим украинским дворянам, не владевшим крепостными^[39]. Несмотря на гонения поляков, на льстивые посулы ксендзов, на отступничество своего дворянства, украинский народ оставался верен своим стародавним традициям, заветам предков. Стремлению шляхты к пышности и мишуре он противопоставлял культ просторы, доходившей в козачестве до спартанства, быстро сменяющимся иноземным вкусам свои исконные обычаи. Не все в этих обычаях было хорошо. На многих из них лежала печать жестокости, невежества и суеверия. Но их самобытность указывала на то, что широкие массы хранят свою национальность и берегут все, что связано с нею.

Широкие замыслы Дашковича и Вишневецкого-Байды заметно отразились на действиях козачества. Первоначальная обособленность, партизанщина, преследовавшая главным образом оборонительные цели, вскоре стали пройденным этапом. Козачество крепло, мужало. Вражда с татарами росла и ширилась. Татары учиняли все более свирепые набеги. Украинские женщины с детьми переполняли турецкие рынки; на море с каждой галеры несло заунывное пение прикованных:

...Все у неволі проклятої на каторзі турецької
На Чернім Морі пробувають.
Землю турецькую, віру бусурманську

проклинають.

Ти, земле Турецька, ти, віро бусурманська,
Ти, разлуко християнська!

Польское регулярное войско почти не пыталось защищать Восточную Украину. Оно прикрывало Западную Галицию, Волынь, Подолье — густо заселенные и обжитые области. Но даже эта ограниченная задача оказалась не под силу польской армии.

Чего же было ждать в этих условиях населению степной Украины? Расчет был только на свою руку да на верную саблю. И боевой оплот Восточной Украины — козачество научилось отражать нападения врага и мстить ему за набеги. После очередного татарского набега, во время которого подвергалась нападению Сечь, запорожцы «посетили» Крым. Запорожский кошевой отáман Иван Серко послал крымскому хану письмо, в котором, выражая мнение козаков, устанавливал непосредственную связь между этими двумя событиями: «Так и мы прикладом древних предков наших и братии мусилисьмо постаратись вит за вит вашей Ханской Мосци и всему Панству Крымскому свою зневагу и обиду поветовати и отмстити, но явно, а не тайно, по рыцарску и кавалерску, а не так, как вы с нами поступили, и бог, сердцеведец, при нашей правде лучше помог нам гостати в Панстве вашем Крымском, нежели вам около кучки нашей Сечевої».

Далее Серко подчеркивает, что козаки не напали бы на Крым, «есть ли бы з стороны вашей не подана была оказья и причина до войны и неприязни с нами, войском запорожским».

Перейдя к столь активной тактике, козаки стали все чаще снаряжать экспедиции, все чаще наносить удары. То и дело выплывала на Днепр флотилия козацких

«чаек» либо по степи двигался конный отряд. Шли ночами, прячась в балках, как это делали татары; подобно татарам же, переходили реки: клали жердь поперек плота, привязывали к ней лошадей по одинаковому числу с обеих сторон, чтобы соблюсти равновесие, затем устанавливали на плоту вьюки и отплывали.

Не раз доходили до Перекопа и штурмовали его. Татары сильно укрепили Перекоп. Он был обнесен рвом в 20 футов ширины и 7 футов глубины, а также валом в 6 футов вышины. Но особенно охотно совершали нападения на город Кафу, куда свозился яссырь со всей Руси и откуда закованные в цепи невольники отправлялись во все страны. В Кафе, где было 5 тысяч домов, содержалось, по исчислениям современников, всегда не менее 50 тысяч невольников. На главном рынке неумолчно звенела невольничья «канта»^[40]; владельцы галер, венецианские купцы, гаремные евнухи, турецкие и персидские торговцы расхаживали между грудями скованных русских невольников, только что пригнанных из родных сел или перепроданных из Козлова (Евпатории). Разрушить этот рынок, освободить отчаявшихся сородичей, а заодно и поживиться несметной добычей (в порту Кафы стояло до 700 судов) было мечтой каждого козака.

На эти морские походы Турция и Крым отвечали, помимо набегов, яростными нотами польскому правительству. В результате возникавших трений польские паны лишались рынка для экспорта, а это было для них куда чувствительнее, чем разорение лишней сотни украинских сел. И паны в самой резкой форме требовали от козаков прекращения их экспедиций.

С этим совпало обострение классовой борьбы. В 1592 году запорожский гетман Криштоф Косинский (польский шляхтич, но православного вероисповедания) поднял восстание и завладел Киевом. К запорожцам примкнули

«хлопы», и скоро составилось большое войско. Косинский двинулся на Волынь и долгое время стоял в поместьях князя Острожского, чиня козацкий суд. В 1593 году польское правительство послало против него сильное войско. В битве у местечка Пятки Косинский потерпел поражение, а вскоре после того (в мае 1593 года) был убит.

Восстание Косинского очень встревожило панов.

В Польше получила решительный перевес та партия, которая требовала уничтожения козачества. Лучший польский полководец гетман Жолкевский (1547–1620) взял на себя выполнение этой задачи и стал во главе коронного войска.

В начале 1596 года он напал на козацкие отряды. После длительной, ожесточенной борьбы, исполненной самых драматических перипетий, козаки, которыми командовал гетман Наливайко, были окружены превосходящими их польскими силами под Лубнами, на Салонице. Наливайко избрал сильную позицию. Несколько польских атак было отбито. Но и вылазки козаков отбивались осаждающими. К тому же в лагере козаков, где было много женщин и детей, уходивших от карательной руки Жолкевского, начались эпидемии и голод. А тут от польского главнокомандующего прибыл парламентар с предложением сдачи на льготных условиях: козаки должны выдать главных вождей, пушки и награбленную добычу, после чего им будет дозволено беспрепятственно разойтись по домам.

В результате бурных прений большинство козаков высказалось за эти условия. Наливайко и еще несколько старшин были связаны и отправлены к Жолкевскому.

Тут разыгралась страшная сцена: нарушив условия сдачи, поляки набросились врасплох на козаков и почти всех их, не исключая женщин, перерубили. Лишь некоторая часть козаков, во главе с Кремпским, прорвалась сквозь ряды польского войска.

Что касается Наливайко, то его почти год продержали в Варшавской тюрьме, подвергая беспрестанным истязаниям и пыткам. В 1597 году он был публично казнен. Народная молва сохранила предание, что Наливайко был посажен на раскаленного железного коня, на голову его положили раскаленную железную корону и так замучили.

Разгром под Салоницей послужил сигналом к дальнейшим жестоким репрессиям. Особым королевским универсалом было предписано ловить и казнить всех «гультяев» и «без службы будучих»; запорожцев на Украину, «где бы ся выгребать хотели»^[41] — не пускать и поступать с ними, как с неприятелями. Жолкевский не знал ни жалости, ни пощады.

— Вся Украина околочилась, — заявил он, — полна изменников и шпионов... Если не обеспечить дальнейшего спокойствия, гадина вновь оживет.

И он с мрачной жестокостью «обеспечивал спокойствие».

Свирепый террор обрушился на украинский народ. Всюду искали козаков, сжигали дома заподозренных, вешали, четвертовали, не говоря уже о таких «дисциплинарных мерах», как плети и розги.

Принадлежность к козачеству, еще недавно считавшаяся почетной, стала синонимом бедствий и горести. В городах и селах почти вовсе не стало козаков: одних истребили польские жолнеры, другие бежали.

Паны ликовали.

Но это было преждевременное ликование. Козачество продолжало существовать. Больше того, беспощадные репрессии, которым оно подвергалось, сплотили его ряды.

Козацкие отряды, участвовавшие в набегах 1594 и 1595 годов, еще не имели ни определенной программы действий, ни единства цели.

Теперь в самосознании козаков произошел большой сдвиг. Они поняли, что борьба с Польшей приобретает решающее значение, отодвигая даже стародавние счеты с татарами. Ясно было также то, что эта борьба требует осторожности и такта, а главное — сплочения всех сил.

Свирепая расправа панов способствовала концентрации сил козачества и еще больше обострила его конфликт с Польшей.

Польское правительство не смогло, несмотря на все усилия, уничтожить козачество. А затем Польша втянулась в длительную серию войн (с Москвой и Швецией), и ей было уже не до козаков, — вернее, она все больше нуждалась в их сотрудничестве.

Временное улучшение отношений с поляками повлекло возобновление козацких походов против Турции. Понимая, что Польша теперь будет смотреть сквозь пальцы на эти походы, козаки уже в 1602 году организуют морскую вылазку. Тридцать «чаек» показали в Черном море, взяли на abordаж купеческий корабль и разбили высланную турками погоню.

Затем что ни год возобновлялись отважные набеги на Кафу и на берега европейской и малоазиатской Турции.

Новые и новые толпы ходили «заживать себе рыцарской славы», а вернувшись, уже не желали подчиняться местным властям; если же паны пробовали их принуждать, то козаки соединялись в отряды и расправлялись с панами «по-свойски».

Но те решили потерпеть: они вели крупную игру, и куш, который надеялись сорвать, стоил этого. Дело в том, что польское правительство мобилизовало в это время все силы для интервенции в России и не только не

желало посылать хоть один полк против козаков, но, наоборот, попыталось привлечь их на свою сторону.

Как следствие этого берега Крыма и Турции все чаще оглашались выстрелами козацких самопалов^[42]. В 1606 году козаки неоднократно нападали на турецкие города, ходили на Килию, разрушили Варну, где забрали колоссальную добычу. В 1613 году козаки — преимущественно запорожцы — дважды нападали на Крым. В 1616 году они овладели Кафой и освободили всех невольников.

Турецкое правительство снова обратилось к Польше с протестами и угрозами. Поляки, еще не развязавшиеся с московской авантюрой, дали характерный ответ, рисующий их истинное отношение к козакам.

«Эти козаки, — заявил польский посол в Константинополе, — разбойничье скопище. Если вы их истребите, с нашей стороны не будет никакого недовольствия».

Турецкое правительство послало сильную флотилию, но козаки успешно отбились от нее, а на следующий год в отместку переплыли Черное море, напали на город Синоп и разорили его дотла.

В Константинополе были потрясены. Турецкое правительство объявило, что, поскольку Польша не возражает против истребления козаков, турецко-татарское войско двинется на Украину.

Польша не хотела допустить, чтобы чужое войско совершило карательную экспедицию на ее территории. Вдобавок польское правительство заключило мир с Москвой, и освободившиеся польские хоругви (полки) снова могли быть употреблены против своевольных «хлопов».

Новая экспедиция была поручена зарекомендовавшему себя на этом деле Жолкевскому.

— Насколько хватит сил, буду стараться усмирить своеволие, — заявил Жолкевский, — так как, даже если

не иметь в виду Турцию, оно само по себе страшно для Речи Посполитой.

Однако на этот раз дело обошлось без пролития крови. Хотя, как признавал в своем универсале польский король Сигизмунд III, «своеволие все более и более усиливается», хотя антагонизм между козачеством и польско-шляхетским строем превратился уже в непримиримую вражду, козацкие старшины решили стать на путь компромисса. В этом решении большую роль сыграл их новый гетман, Сагайдачный^[43].

До Богдана Хмельницкого это наиболее крупная фигура среди козацких гетманов. Искусный полководец, даровитый политик, хороший администратор, он своими действиями сумел придать более стройную организацию козачеству. Под его предводительством был осуществлен блестящий поход на Кафу, закончившийся её разрушением. В отношениях с Польшей Сагайдачный проводил линию зажиточной части козачества — искал соглашения с ней, стараясь направить энергию козаков в другую сторону.

Но когда обнаружилось, что желаемого соглашения с панами достичь все-таки не удастся, и вместе с тем выявилось глубокое недовольство козацких низов этой политикой, Сагайдачный изменил свою позицию. Он потребовал восстановления свободы православной церкви. В условиях того времени защита религии означала защиту народных интересов.

В 1621 году, когда громадная турецкая армия вторглась в Польшу, Сагайдачный привел мощный козацкий отряд, героически принявший на себя тяжесть удара и обеспечивший победу над турками (при Хотине). Фактически это означало спасение польского государства.

За эти услуги Сагайдачный сумел добиться крупного вознаграждения. Значение и сила козачества в Польше заметно возросли при нем. В 1620 году гетман со всем

козацким войском вписался в киевское православное братство. Воспользовавшись этим, православное духовенство и не пожелавшее ополячиться дворянство решили попытаться восстановить православную иерархию (то есть самостоятельность православной церкви), уничтоженную церковной унией 1596 года. В Москве находился в это время иерусалимский патриарх Феофан. Было решено пригласить его в Киев. Жолкевский, проведав об этом, задумал бесцеремонно арестовать патриарха. Но Сагайдачный с целым войском встретил патриарха на московской границе и эскортировал его в Киев. Здесь патриарх присвоил многим представителям духовенства сан высшей духовной иерархии. Киев снова стал средоточием национально-религиозных чаяний всего русского населения Литвы и Польши. Самовольное восстановление иерархии вызвало бешеные протесты католиков, но открыто выступить против него они, опасаясь Сагайдачного, не посмели.

Со смертью Сагайдачного все вскоре вернулось в прежнее состояние. Хотинская победа временно свела на нет турецкую опасность, а тем самым ослабила и нужду в козаках. В 1625 году разразилась новая война.

Вот что предшествовало ей. В 1624 году 4 тысячи козаков появились в Босфоре. В турецкой столице началось смятение. Султан лично пытался организовать оборону. Козаки высадились на оба берега пролива, набрали добычу и спокойно отплыли; турецкая флотилия кружилась вокруг них, обстреливала издали, но напасть не рискнула. Через две недели Константинополь вновь увидел козаков, на этот раз в количестве 7–8 тысяч. Повторилась прежняя история: козаки хладнокровно забрали добычу и, насмехаясь над турками, удалились.

В следующем году козаки снова трижды навестили Константинополь. В последний раз население столицы искало спасения в бегстве. Турецкий флот настиг

козаков на обратном пути и потопил несколько «чаек», понеся при этом большие потери.

За два года «мировая столица» пять раз подвергалась нашествию козаков. Турецкие ноты Польше приняли ультимативный характер. В ответ на категорическое требование польского правительства прекратить нападения на Турцию казаки ответили:

«Король заключил с султаном трактат, а мы — нет».

В Речи Посполитой не хотели войны с Турцией, не желали также терпеть дольше «самоуверенность и дерзость» неукротимого козачества, не внявшего даже суровым урокам экзекуций Жолкевского. Решено было смирить своевольных.

Взамен убитого в сражении под Цецорой в 1620 году Жолкевского эту задачу взял на себя коронный гетман Конецпольский. Осенью 1625 года он быстрыми переходами дошел до Черкас. Стягивание козаков, рассеянных на степных промыслах, потребовало времени, а еще больше времени нужно было для мобилизации оседлого козачества, проживавшего в имениях и селах. Поэтому у Конецпольского оказался перевес в силах.

Тем не менее поляки встретили столь упорное сопротивление, что, не желая затягивать войну, пошли, как обычно, на компромисс. В итоге — очередной «худой мир», когда все противоречия оставались неизжитыми. Между козачеством и шляхтой продолжала существовать непримиримая вражда.

Через год опять открылись военные действия. К этому времени положение украинского народа сделалось нестерпимым. Издевательства поляков достигли предела. «Духовенство римское... вожено было от церкви до церкви людьми, запряженными по двенадцати и более в цуг», говорится в «Истории Русов»^[44]. А летописец пишет: «...Детей козачьих в

котлах варили, жонкам перси деревом витискали, и протчая, и протчая»^[45].

Такой безудержный террор мог или задавить народ, превратить его в рабов, или воспламенить ненавистью. Паны надеялись на первое; случилось второе.

В 1630 году запорожцы под предводительством гетмана Тараса Трясило (Тараса Федоровича) вступили в Киевское воеводство. К ним тотчас стали примыкать бойцы из среды козачества и крестьянства. На этот раз Конецпольский, не имея выгод внезапного удара и сосредоточенности войск, потерпел ряд поражений.

Победы повстанцев увековечены в поэме Шевченко «Тарасова нич»:

Лягло сонце за горою,
Зірки засіяли,
А козаки, як та хмара,
Ляхів обступали.
Як став місяць серед неба,
Ревнула гармата;
Прокинулись ляшки-панки, —
Нікуда втікати!
Прокинулись ляшки-панки,
Тай не повставали:
Зійшло сонце — ляшки-панки
Покотом лежали^[46].

Все же умеренные элементы в козачестве настояли на заключении мира. Результатом восстания было только то, что реестр был повышен до 8 тысяч человек и правительство дало некоторые незначущие обещания^[47].

Снова наступило затишье перед грозой. В 1632 году козаки убили гетмана реестровых Петражицкого-Кулагу за угодничество панам. В 1635 году французский

инженер Боплан заложил на Днепре для поляков сильную крепость Койдак, которая должна была воспрепятствовать козацким челнам плыть в Черное море. В том же году козаки, под предводительством Сулимы, возвращаясь из морского похода, разрушили крепость, но польское правительство снова отстроило ее. Когда крепость была отстроена, Конецпольский пригласил козацких представителей осмотреть ее, несомненно с назидательной целью (в 1639 году).

— Каков кажется вам Койдак? — иронически спросил он, показывая на валы и пушки.

— Что человеческими руками создается, то человеческими руками и разрушается, — гордо ответил ему Чигиринский сотник Богдан Хмельницкий.

В 1637 году вспыхнуло новое восстание под предводительством Павлюка. Польский военачальник Потоцкий подавил его со страшными жестокостями. Павлюк был выдан полякам и казнен. (По утверждению автора «Истории Русов», «правительство польское... повелело гетману Павлюку живому содрать с головы кожу и набить ее гречаною половиою^[48]».)

Через год народная волна снова выступила из берегов. На этот раз во главе движения стоял гетман Яцко Остряница (иначе — Острянин).

Характерно, что Остряница предостерегал козацкие низы и крестьянство от союза с реестровыми: «Козаков же реестровых, выроdkов и отступников, не заботящихся о бедных ради собственной прибыли, берегитесь и опасайтесь, как ядовитых змей».

По выражению «Истории Русов», козаки «злобились на Ляндскоронского (польский военачальник. — К. О.) и поляков до остервенения и потому вели атаку свою с жестокостью, похожей на нечто чудовищное... Крик и стон народный, треск и звук оружия уподоблялись грозной туче, все повергающей»^[49].

Козаки залегали в ямах и стреляли оттуда в неприятеля, укрываясь от его артиллерии. Перед своими шанцами они рыли небольшие углубления, расположенные густой сетью и препятствовавшие атакам польской конницы. Неоднократно козаки подводили и взрывали мины. Словом, они избрали метод войны, парализовавший техническое превосходство противника. Эта тактика явилась плодом коллективной народной мысли и коллективного военного опыта. Шляхтичи только дивились искусству, с которым сражались козаки. Злой враг украинского народа пан Окольский^[50] однажды заявил:

— Хотя между козаками нет ни одного князя, ни сенатора, ни воеводы, но есть между ними такие хлопы, что если бы не законы *contra plebejos* (против плебеев), то нашлись бы столь достойные, что их следовало бы признать равными Цинцинатам и Фемистоклам.

И все-таки Острияница был разбит. Его место занял талантливый вождь Дмитро Гуня. Организованная им упорная оборона позволила козакам избежать совершенного разгрома. Но их положение все же очень ухудшилось: согласно «Ординации 1638 года», объявленной козакам на раде в урочище Маслов Брод, реестр был сведен к шести тысячам, а все не вошедшие в него лишались звания козаков и связанных с этим привилегий. Но и реестровые были поставлены в очень тяжелые условия: они потеряли свое самоуправление; высшие должности в их войске должны были отныне замещаться польскими шляхтичами по назначению властей; сами козаки могли избирать только низшую старшину. Никто не имел права итти без разрешения польского комиссара в Сечь; пойманного ждала смертная казнь. Категорически запрещались морские походы и т. д. На той же раде к ногам польских комиссаров были повергнуты, с целью унижить козаков, их регалии: хоругви, булавы и прочее.

Восстания в тридцатых годах окончились неудачей оттого, что козаки действовали недостаточно сплоченно, а главное — не сумели поднять за собой крестьянство.

Победители вновь прибегли к своему излюбленному средству — бесчеловечному террору.

— Я из вас восковых сделаю! — кричал Потоцкий, уставляя путь виселицами и устилая его телами засеченных.

«Культурная» шляхта пыталась посредством хитроумных софизмов оправдать свои варварские методы борьбы. Один из аргументов заключался в том, что вследствие козацких восстаний уничтожено много продуктов цивилизации. Но при этом паны и шляхта умалчивали о характере польской цивилизации: неразрывно связанная с рабовладением, эта цивилизация предоставляла все блага одному сословию за счет жизненных интересов широких масс, тем самым способствуя деградации всего общества.

Другой аргумент носит явно казуистический характер.

«Мы не совершаем никакой несправедливости по отношению к хлопам, — доказывали умудренные в иезуитских коллежах шляхтичи, — так как несправедливость может иметь место лишь относительно тех, кого мы подчиняем себе против воли. Но нет несправедливости там, где отдаются под власть добровольно. А долговременное терпение крестьян показывает, что они повинуются нам не против воли».

Только иезуиты могли назвать терпением и покорностью бесконечную серию восстаний, кровавую борьбу за свои права, которую упорно вел украинский народ.

Украинский народ доказал, что слово «раб» не может быть применено к его сынам. Поколение за поколением стремилось к свободе, неустанно вело неравную борьбу,

предпочитало опасность и мучительную смерть позорному игу иноземцев.

В этой борьбе народ доказал и другое: наиболее активная часть его, козачество, которое представлялось на первый взгляд лишь страшной разрушительной силой, таило в себе и огромную творческую энергию, не находившую себе путей. Освоение девственной степи являлось лучшим тому доказательством.

Регулярные части польской армии потопили в крови восстание Острияницы, как они топили все предыдущие. «Козацкая гидра» была придушена, но она не была, да и не могла быть задушена совсем. Слишком много было горючего материала, слишком много притеснений и мучений испытал украинский народ и слишком свободолюбив он был.

Не требовалось особой дальновидности, чтобы понять, что в скором времени неминуем новый взрыв, страшнее предыдущих. Все былые обиды, накапливаясь, подготовляли этот взрыв. Не могло быть сомнений, что — на берегах ли Днепра, на берегах ли Буга — вспыхнет новое восстание, обусловленное всем ходом векового исторического процесса. Не могло быть, конечно, сомнений и в том, что на гребень волны будет вынесен новый вождь, что в недрах народа, столь богатого энергичными и даровитыми натурами, найдется человек, который сумеет справиться с выпавшей на его долю исторической ролью.

Таким человеком оказался Чигиринский сотник Богдан Хмельницкий.

VI. ЧИГИРИНСКИЙ СОТНИК

В истории не сохранилось достоверных известий о происхождении человека, с именем которого связано одно из самых мощных, ожесточенных и героических народных движений.

Если верить автору «Истории Русов», Богдан происходит из довольно знатного рода; восприемником его был князь Сангушко. Но это вызывает сомнения. Автор специального исследования о происхождении Хмельницкого И. Каманин^[51] указывает, что в люстрации Киевского замка 1552 года упоминается Богдан Хмелевич, спустя восемьдесят лет — киевский мещанин Богдан Хмель, торговавший хлебом, затем его родственник Никифор, который, несомненно, состоял в родстве с гетманом Хмельницким, доказательством чего служит хотя бы то обстоятельство, что в Киево-Печерской лавре поминали и Никифора среди родных гетмана. Сам Богдан Хмельницкий нередко называл себя Хмелем. Имя Богдан было обычным в этом роду. Словом, на основании ряда соображений И. Каманин приходит к выводу, что Богдан Хмельницкий происходит из киевских мещан.

С другой стороны, историк В. Антонович утверждает, что семейство Хмельницких принадлежало к бедной служилой шляхте Волынского воеводства; в актах мы встречаем Петра Хмельницкого, слугу пана Подгорецкого, бежавшего тайно от своего господина, а также «уроженного Яна Хмельницкого, в воеводстве Волынском и поветах его не оселого и поземельной собственности не имеющего»^[52].

В недавнее время украинский историк, профессор Н. Петровский (М. Петровський) высказал мнение, что родина Богдана — город Переяслав^[53]. Однако

аргументацию этого взгляда нельзя признать достаточной. Н. Петровский выдвигает такие доводы: «Богдан женился на переяславке Анне Сомковой; крестник Богдана, Тетеря, был родом из Переяслава; князь Заславский называет Хмельницкого переяславским козаком; в переписи 1649 года есть сообщение о дворе Хмельницкого в Переяславе»^[54]. Эти доводы трудно счесть убедительными. Женитьба на переяславке розным счетом ничего не обозначает: разве женятся обязательно на землячках? К тому же, если верить Костомарову, Хмельницкий уже в ранней молодости бегал в Сечь и женился, вернувшись оттуда. Но по возвращении из Сечи он мог поселиться не в родном городе. Аналогично обстоит дело с Тетерей: можно стать крестным отцом, временно проживая в данном месте или даже находясь в нем наездом. Такие аргументы носят характер скорее домыслов, чем доказательств. Конечно, и домыслы играют свою полезную роль, но им нельзя приписывать значения достоверности. Наиболее веским представляется последний аргумент Н. Петровского, в основе которого лежат данные переписи 1649 года. Однако он решительно расходится с данными, приведенными в только что названных работах Каманина и Антоновича, из которых первый ссылается на киевские люстрации, а второй на волынские акты. Таким образом, хотя мнение Н. Петровского и заслуживает внимания, но принять его как окончательное пока нельзя.

Наиболее основательным представляется мнение, что Богдан Хмельницкий происходил из состоятельного украинского рода. Отец его, Михайла Хмельницкий, состоял на службе в должности Чигиринского сотника. Михаила Хмельницкий был лойяльным реестровым козаком, служил польскому правительству, в козацких войнах участия не принимал, и о нем был хорошего мнения не только его непосредственный начальник, пан

Данилович, но даже гетман Жолкевский. За свою верную службу он получил во владение хутор Субботов, расположенный недалеко от Чигирина.

Будущий гетман получил при рождении имя Зиновий; затем было добавлено еще и второе имя, Богдан, под которым он наиболее известен. Автор «Истории Русов» это второе имя объясняет желанием почтить память деда гетмана — Богдана; по другой версии, у Михайлы Хмельницкого долгое время не рождался сын, и когда, наконец, он появился, обрадованный отец назвал его Богданом, то есть «богом данным».

Зиновий-Богдан учился в Киевской братской школе, потом в основанном иезуитами коллеже в Ярославле (Галицком). По сравнению со своими соотечественниками он получил хорошее образование, и это сослужило ему в дальнейшем очень полезную службу.

Подросши, Богдан стал принимать участие в походах. В 1620 году он вместе со своим отцом участвовал в польско-турецкой войне, в рядах армий Жолкевского. Здесь он имел случай изучить военное дело и ознакомиться с воинскими качествами козаков и польских солдат. В октябре 1620 года, когда армия Жолкевского потерпела поражение под Цецорой, погиб и Михайла Хмельницкий.

Большинство историков полагает, что Богдан попал в плен именно в этой битве. Но с этим не согласуется указание, что в 1621 году, в дни, когда Сагайдачный сражался под Хотинном, Богдан руководил морским походом, разбил и потопил двенадцать турецких галер, а остальные преследовал до Царьграда. Об этом факте упоминает в одном из писем кошевой атаман Серко. Но от Цецорской до Хотинской битвы не прошло и года, а Богдан Хмельницкий сам заявлял, что провел в плену

два года. Поэтому надо предположить, что он попал в плен либо до Цецоры, либо после 1621 года.

Так или иначе, бесспорно, что он, подобно всем своим сверстникам, провел боевую молодость, понюхал вдоволь пороху и на суше и на море и два года томился в неволе. Возвратившись — благодаря выкупу или удачному побегу — на родину, он поселился в родном именье Субботове. Имеются сведения, что в 1629 году он вновь участвовал в походе на Царьград^[55]. Больше он, видимо, в походы не ходил, сделался зажиточным, солидным хозяином, женился на Анне Сомковой, одновременно нес службу в реестровом козачестве и в конце концов был избран чигиринцами на должность сотника, которую когда-то занимал его отец.

Неизвестно, участвовал ли Богдан в козацко-польских войнах. Имеются сведения, что незадолго до восстания Павлюка, в 1636 году, он был включен в депутацию, посланную козаками к королю; по тем же известиям, Богдан более или менее открыто принимал участие в восстании Острияницы и после подавления его опять ездил на переговоры с поляками (1636). Большинство историков придерживается этой версии, но она тем не менее представляется весьма спорной. Хмельницкий был к тому времени уже заметным человеком — Чигиринским сотником и образованным, авторитетным козаком; трудно допустить, чтобы в условиях свирепой расправы панов со всеми участниками восстаний ему все сходило с рук (тем более, если вспомнить, что у него были влиятельные враги, которые впоследствии подвергли его преследованиям даже без всякого основания).

Скорее всего, Богдан с присущей ему дипломатичностью держался особняком; симпатии его были на стороне козаков, но броситься в гущу борьбы за козацьи интересы он отнюдь не намеревался — в традициях его семьи была лойяльность по отношению к

правительству. Но он не примкнул и к числу тех, которые, ополячившись и устремясь к наградам, сделались душителями родного народа. Он оставался верен своей народности.

В книге Н. Петровского «Визвольна війна українського народу проти гніту шляхетської Польщі» имеется такое место: «Богдан Хмельницкий был в числе той части реестровых козаков и козацкой старшины, которая поддерживала польские власти в удушении восстания. Об этом свидетельствует, как отмечалось в исторической науке, нахождение его в составе старшины, назначенной Н. Потоцким под Боровицей взамен той, которая принимала участие в восстании».

Итак, по мнению автора, Богдан принадлежал к той части старшины, которая поддерживала польские власти при удушении восстания. В доказательство этого приводится то обстоятельство, что гетман Потоцкий ввел Богдана в новый состав старшины (на должность войскового писаря в 1637–1638 годах).

Однако вряд ли этот факт может служить основанием для столь далеко идущих выводов. Комплектуя старшину, Потоцкий, вероятно, старался ввести в ее ряды хоть несколько человек, пользующихся популярностью среди козачества — при условии, конечно, их лояльности к правительству. Именно поэтому и мог быть приглашен Хмельницкий. Бесспорно ведь, что при дарованиях Богдана он мог бы сделать большую карьеру у поляков, на самом же деле он исполнял обязанности войскового писаря только в течение короткого периода времени и снова вернулся к скромному положению Чигиринского сотника. Может возникнуть вопрос: что же заставило Богдана принять предложение Потоцкого? Думается, что на это может быть дан двоякий ответ. С одной стороны, Хмельницкому было небезопасно отказываться и тем как бы солидаризироваться с повстанцами; с другой же, он,

может быть, полагал своим долгом спасти хоть то небольшое, что будет возможно, подобно тому как Кутузов при Аустерлице не сложил с себя командования, дабы «сделать зло возможно меньше».

Но так или иначе вряд ли можно согласиться с выводом Н. Петровского.

Природный ум, большой опыт и служебное положение побуждали Богдана, вероятно, зорко наблюдать за развитием событий, но он предпочитал сохранять роль зрителя, а не участника.

Это не удалось ему.

Хмельницкий был на хорошем счету у польского правительства. Ему довелось несколько раз представляться тогдашнему польскому королю Владиславу, на которого он также произвел благоприятное впечатление^[56].

Однако чем больше почета и достатка он приобретал, тем сильнее разгорались зависть и враждебность окружавшей его польской шляхты. Ведь Богдан был украинцем, человеком русской народности. В глазах польских панов этого было достаточно, чтобы обречь человека на роль пария, чтобы беззастенчиво отбирать его добро и всячески третировать его.

В 1646 году Богдан, участвуя в битве с татарами, захватил в плен двух татар. Он лично отвез пленников к краковскому каштеляну, гетману Потоцкому, вероятно, чтобы продемонстрировать свое усердие. И вот в то самое время, когда он столь добросовестно выполнял свои обязанности, Чигиринский подстароста пан Чаплинский приказал конфисковать его лучшего коня — якобы за неуплату податей. Этим актом как бы подчеркивалось, что ревностная служба Богдана и благоволение к нему короля не меняют существа дела, не заполняют той пропасти, «которая лежит между ним и польскими шляхтичами».

Но этим дело не ограничилось. Вскоре новая, пуще прежней, угроза нависла над ним. На этот раз местная польская администрация посягнула уже не на коня, а на все имение Хмельницкого, на его родовой хутор Субботов.

У Хмельницкого потребовали документальных актов, дающих ему право на владение Субботовым; у него, разумеется, таковых не оказалось. Он сослался на давность, на показания старожилов, но администрация отказалась признать уважительными эти доводы. Вдобавок, Чигиринский подстароста Чаплинский, питавший к Богдану особенную неприязнь, выдвинул чисто политический аргумент:

— Хмельницкий — простой сотник, он не шляхтич и, следовательно, не может владеть населенными участками, то есть пользоваться шляхетными преимуществами.

В этом была вся соль: по отношению к человеку русской народности, незнатного происхождения, хотя бы он и состоял на службе у польского правительства, польское правосудие не знало справедливости.

Случай помог Богдану. Чигиринский староста Станислав Конецпольский умер, и его место заступил сын его, Александр Конецпольский. Уже предрешенный вопрос об отобрании Субботова затянулся. Воспользовавшись неожиданной отсрочкой, Хмельницкий съездил в Варшаву и добился у короля законного документа на владение хутором. В июле 1646 года ему был выдан королевский «привилий».

У короля были свои соображения, когда он выдавал этот «привилий». Его отношения с магнатами и шляхтой крайне обострились, и он хотел обеспечить себе в возможной борьбе содействие козаков. В том же 1646 году он выдал козацкой старшине тайно от панов грамоту, в которой декларировалось восстановление всех козацких вольностей. Однако старшины Ильяш и

Барабаш, дорожившие добрыми отношениями с польской администрацией, сочли ненужным оглашать эту грамоту, которая легко могла поссорить их с панами и развязать новую войну. Они попросту спрятали королевский документ, ничего не сообщив о нем широким козацким массам.

Выдавая грамоту Хмельницкому, король рассчитывал заручиться его поддержкой. Богдан, со своей стороны, полагал, что сумел отвести от себя удар. Но оказалось иначе — Чигиринские власти еще больше обозлились на строптивного козака и порешили во что бы то ни стало настоять на своем; королевскому же «привилию» они особой цены не придавали, тем более, что он был дан человеку русской народности, а когда дело касалось русских, польский закон отличался необыкновенной эластичностью. Была сделана даже попытка убить Богдана. Во время очередной битвы с татарами приятель Чаплинского, Дачевский, подобрался к Богдану сзади и ударил его мечом по голове. По счастливой случайности Хмельницкий остался жив, отделавшись незначительными ранениями. В объяснение Дачевский смущенно пролепетал, что принял-де Богдана за татарина.

Эпизод с Дачевским ясно доказывал, что хотя Хмельницкий, раздобыв себе королевский «привилий», вышел на первый раз победителем, но отношение к нему окружающей шляхты осталось таким же враждебным. Особенно ненавидел его попрежнему Чаплинский, сохранивший при Александре Конецпольском свою должность подстаросты.

Трудно установить в точности, в чем лежала причина непримиримой вражды Чаплинского к Богдану. В некоторых сочинениях встречается романтическая и путаная версия, будто дочь Чаплинского вышла замуж против воли отца за Богдана и будто король однажды, по жалобе Хмельницкого, велел обрезать у Чаплинского

один ус. Все это не вяжется с фактами и малоправдоподобно. Хмельницкий был женат на сестре переяславского козака (впоследствии наказного гетмана) Иоакима Сомко. От этой жены, которую звали Анной, он имел трех сыновей и двух дочерей. Когда Анна умерла, Богдан взял в дом другую женщину. Очевидно, здесь действительно существовало соперничество с Чаплинским, потому что впоследствии поляк увез к себе эту женщину. Во всяком случае, вражда между Хмельницким и Чаплинским увеличивалась с каждым годом, и уже спустя много лет, когда Богдан стал могущественным гетманом, он при обсуждении мирного договора с Польшей требовал выдачи ему Чаплинского.

Как бы там ни было, заручившись поддержкой своего начальника и других влиятельных шляхтичей, Чаплинский решил действовать напролом. Взяв с собой несколько десятков жолнеров, он отправился в Субботов.

Хмельницкий в тот момент отсутствовал — либо случайно, либо, проведав о готовящемся налете, ускакал в Чигирин просить защиты. Чаплинский ворвался в хутор, сжег мельницу и объявил, что Богдан не может считаться законным владельцем, а отныне полновластным хозяином здесь является он, Чаплинский. Дворня угрюмо слушала, поглядывая на вооруженных солдат. Только один человек решился открыто протестовать: то был десятилетний сын Богдана, Остап. С непосредственностью, присущей его возрасту, он осыпал незваного гостя градом обидных детских слов. Надменный поляк приказал немедленно выпороть ребенка; жолнеры тотчас принялись за дело. Экзекуция была настолько свирепой, что мальчик вскоре скончался.

Чаплинский между тем вывел из дома жену Богдана и вместе с ней уехал, оставив на хуторе своих управителей.

Итак, удар был нанесен, и даже более жестокий, чем Хмельницкий мог предполагать: родовой хутор отнят, любимая женщина уведена, сын засечен насмерть. В один день Богдан сделался нищим, обесчещенным человеком.

Все же у него хватило выдержки, чтобы вновь обратиться к властям. Он явился к Конецпольскому с жалобой на действия его подчиненного. Но это значило жаловаться волку на волчонка — налет Чаплинского, несомненно, был заранее санкционирован Чигиринским старостой и, скорее всего, не бескорыстно.

В записках одного современника^[57] говорится, что когда Конецпольский женился на панне Замойской и поиздержался на свадьбу, он велел разузнать, какие в его владениях существуют богатые жители. В числе некоторых других был назван Хмельницкий; тогда пан решил отнять у него поместье.

Рассказ этот очень походит на правду. Вероятно, Чаплинский обязался поделиться со своим патроном. Во всяком случае, Чигиринский староста очень холодно отнесся к пламенной жалобе Богдана и посоветовал ему обратиться насчет хутора в суд.

— А что касается женщины, — издевательски добавил он, — то она уже повенчана с Чаплинским по римско-католическому обряду. Да мало ли красавиц в Речи Посполитой! Поищи себе другую.

Хмельницкий, стиснув зубы, отправился в суд. Претензию его рассмотрели и, руководствуясь казуистическими статьями об оформлении землевладения, вынесли решение в пользу Чаплинского.

С редким хладнокровием и настойчивостью Богдан продолжал действовать легальными способами. В мае 1647 года он прибыл в Варшаву и передал дело в сенат. Следом за ним приехал и Чаплинский. Сенат, рассудив тяжбу, не принял никакого определенного решения, а вместо этого рекомендовал Хмельницкому выхлопотать

у Конецпольского формальные документы на владение Субботовым.

Круг замкнулся.

Хватаясь за последнюю соломинку, Хмельницкий вновь обратился к королю. Но что мог сделать король? Выдать второй, столь же бесполезный «привиллий»?

Впоследствии, в 1650 году, Хмельницкий сказал московскому послу Унковскому: «От прежних королей и от нынешнего короля обид не бывало, война у нас стала от панства, что паны всякими обидами и насильем и всякою неправдою напали, изобижали, земли отнимали и королевское денежное жалованье у нас отняли, и нам от великих панов всякие обиды стало не в мочь терпеть»^[58].

Хмельницкий начал склоняться к мысли, что не худо бы пощекотать чигиринскую шляхту саблями. Он припомнил рассказ о словах Наливайко. Поляки немилосердно избили за какую-то провинность отца Наливайко; старик прожил несколько дней со сломанными ребрами и умер. «А ведь отец у меня был один», с мрачной иронией сказал тогда Наливайко и начал собирать ватагу удальцов. «Повидимому, это единственное средство, к которому следует прибегать, имея дело с поляками», напрашивался естественный вывод.

По дороге из Варшавы Богдан осторожно зондировал почву, расспрашивая влиятельных козаков об их политических настроениях. Выяснилось, что почти все недовольны: козацкие полковники не выбирались более козаками, а назначались коронным гетманом; в старшину попадали сплошь польские ставленники, для зажиточного козачества тяжела была мысль, что путь к карьере отныне закрыт.

Политическая власть на Украине находилась целиком в руках панов: киевским воеводой был

Тышкевич, черниговским — Калиновский, подольским — Потоцкий и т. п.

О простом народе и говорить было нечего. Он страдал еще больше: кроме организованного, узаконенного насилия, случались украинские погромы. В Луцке, например, в 1634 году несколько недель длились насилия над русским населением.

Словом, человеку, желавшему поднять Украину против польских панов, можно было легко найти себе друзей и союзников, надо было только умело взяться. Богдан еще не решил окончательно, попробует ли он организовать мятеж, но с характерной для него дальновидностью и предусмотрительностью стал готовиться к этому.

Но до тех пор он продолжал свою одинокую борьбу против Чаплинского. Исчерпав все легальные пути, обив пороги всех судебных инстанций, он вызвал шляхтича на поединок. Чаплинский не принял вызова, а вместо этого напал ночью на Богдана. Первый удар пришелся по кольчуге, которую Хмельницкий носил под одеждой. Тогда Хмельницкий выхватил свою саблю и яростно устремился на врагов. Хотя он был один, а нападавших четверо, все они разбежались. Богдан остановил вспененного коня. В первый раз он добился хоть кратковременной, но реальной победы над своим недругом, и этим он обязан был своей сабле.

— Маю шаблю у руци! — вскричал он торжествующе. — Ще козацька не вмерла мати!

Этот эпизод послужил как бы толчком, последней каплей в чаше испытаний. Теперь жребий был брошен. Богдан решился организовать восстание.

Прежде всего он завладел королевской грамотой, сулившей козакам восстановление былых привилегий. В начале декабря того же 1647 года Богдан устроил в оставшемся у него маленьком домике в Чигирине пир, на который, в числе прочих гостей, позвал Барабаша.

Напоив Барабаша допьяна, Хмельницкий снял с него шапку и платок и послал к нему в дом своего слугу. Слуга разбудил жену Барабаша и передал, что ему приказано привезти королевскую грамоту; в доказательство подлинности своих слов он предъявил шапку и платок Барабаша. Уловка удалась: грамота была выкопана из тайника и передана посланцу^[59].

Итак, в руках Богдана оказалось сильное оружие. Но положение его сделалось очень опасным. Пан Конецпольский, до которого доходили известия о введущихся Хмельницким мятежных речах, и без того относился к нему подозрительно, теперь же он решил арестовать его. По приказанию Конецпольского, шляхтич Адам Радлинский отправился разыскивать Богдана и, настигнув его в местечке Бужине, заключил под стражу. Но судьба благоприятствовала Богдану: за него поручился его старинный приятель, Чигиринский полковник Кречовский, и другие видные лица — и Конецпольский велел освободить его.

Однако в любую минуту мог последовать вторичный арест. Богдан не стал ждать его. Отдав детей в «добрые люди» и взяв с собой только старшего сына Тимофея, он бежал из Чигирина.

Куда?

Как эпически повествует Самовидец, упоминая о событиях 1647 года, «сего року Хмельницкий Богдан начал у войску запорожском славным быти, однакож, убегаючи от ляхов смерти, принужден уступить за пороги».

За пороги! Постоянное средоточие взрывчатого материала — людей, только ждущих сигнала, чтобы в сотый раз броситься в бой за поправленные права, неизменное убежище гонимых и преследуемых.

Хмельницкий с очевидностью убедился, что в Польше простой человек, да еще русский, беззащитен перед шляхтой. Закон не защитил его ни от бесчестия,

ни от разорения. Даже король не помог ему. Оставалось или покориться, раболепно служить тому же Чаплинскому, или решиться бороться до конца.

Он избрал последнее.

Личная борьба его была возможна только как часть общей борьбы против беззаконий, творимых польской шляхтой. И Богдан отлично уяснил это.

— Я решил мстить панам-ляхам, — говорил он всюду по дороге на Запорожье, — не за свою только обиду, но за попрание веры русской и всего народа русского.

Это были искренние слова. Бедственное положение украинского народа было давно известно ему.

Он был уже немолод — ему было в то время, по крайней мере, пятьдесят лет. Но он умел страстно ненавидеть, а недостаток пылкости с избытком возмещался у него упорной, холодной расчетливостью и железной волей. «До булавы треба головы», гласила козацкая пословица.

Теперь козачество получило недостававшую ему голову — угнетенный украинский народ получил вождя.

VII. ЗАРЕВО

Кипящий котел, который уже полвека представляла собой Восточная Украина, никогда еще не бурлил так, как в момент бегства Хмельницкого в Запорожье.

Вопрос о земле приобрел в это время невероятную остроту. Козаки владели участками на правах давности; если отец какого-нибудь козака и надумывал в свое время выправить формальный документ на освоенный им участок, то этот документ чаще всего бесследно исчезал в непрерывной военной суматохе. Паны прекрасно были осведомлены об этом, но тем не менее цинично заявляли:

— У тех, кто не представит формальных актов на владение, поместья будут отобраны.

Вдобавок начали истекать пятидесятилетние льготные сроки. Льготы предоставлялись польскими помещиками, когда они стремились привлечь поселенцев для колонизации необжитых пустошей. Теперь положение изменилось. Проживавших дотол «безданно» крестьян обложили огромными поборами. Это позволило панам резко увеличить экспорт хлеба, но для широких масс явилось дополнительным тяжким бременем. В положении козаков произошло в это время ухудшение и в связи с тем, что правительство конфисковало у них морские челны, оставив только речные. Сделано это было по настоянию Турции. Для козачества, в первую очередь для Сечи, это было не только унижительно, но и означало невозможность «выгрести на Черное море».

Роптали и реестровые козаки. Не говоря о том, что в старшину проходили теперь польские назначенцы, реестровые были недовольны отказом правительства увеличить число их (с 6 до 12 тысяч человек). Кроме

того, им систематически недоплачивали жалованье: к 1648 году сумма невыплаченного реестровым козакам жалованья достигла 300 тысяч злотых.

В довершение ко всему козаки подвергались всевозможным беззастенчивым притеснениям. Сами паны признавали, что управление войска запорожского можно охарактеризовать словами: «всяческое беззаконие, казнокрадство, взяточничество». По заявлению Самовидца, присланные ляхами начальники так утеснили козаков, «что едва ли кто имел что-либо свое в дому, опричь жены».

Козаков заставляли отбывать панщину, подметать хозяйские дворы, топить печи и выполнять другую «незвычайную» работу.

Летописец Грабянко говорит:

«Имет ли кто зверя? Кожу дай пану. Имет ли рибу? Дай урочную дань оттуду на пана. От военных користей татарских коль или оружие в козака будет, дай хлопе на пана. Аще же когда случится на козака вина и малая, то такозими муками их казняху... и тако, в казнях сих проливающие измин меру неверних превосхождаху мучителством. И что есть мучителство Фараоне против поляков тиранству?»

Если таково было положение козаков, то еще хуже, разумеется, жилось простому народу. Тут сплелись в неразрывный узел гонения на веру, экономическая эксплуатация и всяческое принижение личности.

Но чем упорнее силились паны задавить «своеволие» украинского народа, превратить его в покорных рабов, тем сильнее росло сопротивление вольнолюбивого народа, готовность снова вступить на кровавую борьбу с притеснителями.

Умный и проницательный Хмельницкий отлично понял это. Сперва он, повидимому, испытывал некоторую неуверенность относительно того, как

встретят его в Сечи. Он даже подумывал направиться на Дон, к донским казакам.

— Если мне будет очень трудно, я уйду на Дон, — сказал он.

Брацлавский воевода Адам Кисель писал в Московию: «Некая часть, тисеча или мало що более, своевольников козаков черкасцев^[60] избегли на Запорожье, а старшим у них простой холоп, нарицается Хмельницкий; и думают донских козаков подбити на море. Гетман великий коронный и я с ним о том воре промышлять будем; еще ли убежит з Запорожа на Дон, и там бы его не приимати, не щадити, ни на море пустити»^[61].

Но итти на Дон не пришлось. Сечевики приняли Хмельницкого радушно^[62]. Богдан и прежде был не последним человеком на Украине, а издевательство, которому он подвергся, стало широко известно и вызвало горячее сочувствие. Поведение Хмельницкого по приезде в Сечь еще более укрепило симпатии к нему.

— Смотрите на меня, — говорил он запорожцам: — я уже ожидал отставки и покоя, а меня гонят, преследуют только потому, что так хочется тиранам; сына у меня варварски убили, жену посрамили, достояние отняли, лишили даже походного коня и напоследок осудили на смерть. Нет для меня другой награды за кровь, пролитую для их же пользы; ничего не остается для тела, покрытого ранами, кроме невинной смерти под рукой палача. К вам уношу душу и тело, укройте меня, старого товарища; защищайте самих себя — и вам то же угрожает.

Его голос, весь его вид свидетельствовали о неподдельной горечи и обиде. Отважные рубаки внимали ему с глубоким сочувствием. Впрочем, не все одинаково: часть запорожской верхушки не считала для себя выгодной войну с Польшей и поэтому косо смотрела на нового смутьяна. Дошло до того, что Запорожская

Сечь нарушила один из основных своих принципов — отказала прибывшему в приюте. Вот как это случилось.

Богдан держал себя в Сечи с характерной для него осторожностью — напряженно искал союзников и помощников, но вел агитацию исподволь. Стараясь усыпить тревогу поляков, он прибег к хитрости — распространил слух, что королю и сенату польскому будет отправлено прошение от войска запорожского о восстановлении «древних прав и вольностей». Выходило, что его пребывание в Сечи преследует единственно эту невинную цель.

В самом деле, поляки не сразу разобрались, где тут правда. Весь январь и февраль 1648 года Богдан невозбранно прожил в Сечи.

Поляки с тревогой наблюдали, как разгорается на Запорожье зарево нового восстания. Они, конечно, не представляли, во что выльется это восстание, какие примет грандиозные размеры. Но все же они зорко следили за действиями Богдана и сожалели, что своевременно не схватили его в Чигирине.

«Хмельницкий сидит на неприступном острове Буцке^[63], называемом Днепровским, — доносил один польский полковник гетману Потоцкому. — Он сильно укрепляется палисадом и рвами, провианта в изобилии».

В далекой Варшаве не понимали, как глубоки корни волнения. Канцлер Оссолинский писал польским командующим, что их страшит призрак. Но на месте было виднее. Даже самые близорукие паны скрепя сердце вынуждены были признать, что одним застрашиванием и местными репрессиями ничего не сделаешь.

На Украину начали стягиваться войска — готовилась экспедиция против Хмельницкого. Во главе этих войск встали коронный гетман Николай Потоцкий и его помощник — польный гетман^[64] Мартын Калиновский.

Потоцкого тревожили намерения Хмельницкого; он смутно ощущал в теперешнем движении что-то новое по сравнению с обычными козацкими волнениями. Он доносил королю, будто руководимые Богданом запорожцы хотят «сокрушить учрежденное вашей королевской милостью правительство и начальство старших и желают также самостоятельно властвовать на Украине, заключать договоры с иностранцами и посторонними государями и делать все, что только угодно их воле, и желанию».

Ни Богдан, ни тем более запорожцы в то время еще не ставили перед собой таких обширных целей. Они стремились пока только заставить панов и польские власти не нарушать старинных прав козаков, не чинить несправедливостей, не мешать морским походам.

Никто, в том числе и Хмельницкий, не помышлял о свержении королевской власти, о «самостоятельной власти на Украине» и о том, чтобы поступать по собственной «воле и желанию».

Но коронный гетман оказался прозорливцем: прошло немного времени, и Богдан, подталкиваемый ходом событий, размахом народной освободительной войны, и в самом деле выдвинул такую программу. Потоцкий тревожился, ибо он отлично знал, в каком состоянии находится терроризированная страна и какую благодатную почву найдет здесь призыв к восстанию.

— У Хмельницкого только три тысячи человек, — заявил он. — Но сохрани бог, чтобы он с ними вошел в Украину. Тогда бы эти три тысячи быстро возросли до ста тысяч и нам была бы трудная работа с этими бунтовщиками.

Стремясь предотвратить это грозное движение, Потоцкий вступил в переговоры с Богданом. Он был уверен, что «присутствие на Украине «близко тридцати тысяч войска збройного и панцырного и войска запорожского (то есть реестровых козаков. — *К. О.*)

шесть тысяч» окажется достаточно веским аргументом для Хмельницкого и побудит его уступить по всем пунктам. Но вышло иначе.

Потоцкий отправил к Богдану ротмистра Хмелецкого: коронный гетман торжественно приглашал беглого Чигиринского сотника прибыть к нему в ставку, обещал рассмотреть по справедливости все его жалобы и клялся, что ни один волос не упадет с его головы.

Богдан прекрасно знал, чего стоят обещания польских магнатов. Он не сомневался, что, явись он к Потоцкому, его тотчас схватят и предадут мучительной казни. Хмельницкий отнюдь не собирался последовать лестному приглашению коронного гетмана. Но от переговоров он не отказывался — они помогали ему затянуть время, отсрочить начало кампании. А каждый выигранный день означал для него приток нескольких десятков новых добровольцев и еще один шаг на пути к устройению его разноплеменной рати.

Поэтому Хмельницкий отправил польскому коронному гетману пространное письмо. В нем содержался подробный перечень обид, которым он, Богдан, подвергался. Но обиды эти толковались, так сказать, распространительно — как закономерный случай в массе бедствий, выпадающих на долю козаков. Во всяком случае, еще долгое время спустя козацкие Жалобы составлялись по типу и по форме этого послания.

В то же время Богдан пытался доказать, что все его действия против поляков вызваны необходимостью, несправедливыми преследованиями.

Вряд ли Хмельницкий надеялся на то, что поляки проникнутся его доводами. Скорее всего он добивался психологического эффекта: он полагал, что шляхтичи начнут упрекать друг друга в чрезмерной жадности и беззастенчивости. И еще одну цель преследовал Богдан: такая жалоба являлась настоящим обвинительным

актом против панского самоуправства и должна была, по мнению Богдана, поднять уверенность козаков в правоте своего дела.

И, наконец, это был отличный способ затянуть переговоры, оторочить начало военных действий. Недаром в письме Хмельницкого имеется много повидимому, нарочитых — неясностей. По выражению одного историка, «документ хотя и написан по пунктам, но факты в нем перемешаны между собою, рассказаны сплошь, как будто бы происходили одновременно или один вскоре после другого».

Расчеты Хмельницкого в значительной мере оправдались. Паны начали отыскивать между собою виновных, которые «этого пива наварили», на Конецпольского со всех сторон посыпалась обвинения, Потоцкий заспорил с Адамом Киселем, — словом, письмо Богдана дало толчок к развитию обычной шляхетской склоки.

В дело вмешался сам король. Он прислал на Украину комиссию, которая, понятно, ничего не выяснила и ничего не сделала: радикальных реформ паны не допустили бы, а паллиативы были бесполезны. Всевозможными полумерами уже все равно нельзя было успокоить глухо шумевшее море народной ярости.

Для всякого сделалось очевидным, что вооруженное столкновение неизбежно.

Польские власти категорически потребовали выдачи Богдана. Московский дьяк Кунаков, ездивший в том году в Польшу, сообщает, что гетман Потоцкий «послал в запорожское войско к старши́нам нарочного и писал к ним, чтобы Богдана Хмельницкого по той причине, что он заводит на короля рокош^[65], взяли и до королевского рассказа отдали за варту»^[66].

Итак: поляки требовали выдачи Богдана и подкрепляли это требование посылкой отряда. В массе своей запорожцы, конечно, всецело сочувствовали

Богдану и готовы были дать отпор ляхам. Но старшина не разделяла этого настроения. Правда, дело не дошло до выдачи — такое нарушение гостеприимства не имело прецедентов в Сечи, но Богдану было дано понять, что самое лучшее для него — бежать, пока не поздно.

Он так и сделал. С небольшой группой козаков он ушел вниз по Днепру.

Нужно было вести дело чрезвычайно обдуманно; отчаянная борьба, кратковременный успех и затем геройская смерть — это было в духе Наливайко, но не Хмельницкого. Он стремился не только к борьбе — он стремился к победе.

В течение некоторого времени он с группой своих приверженцев кочевал по Запорожью, заматая следы от польских лазутчиков, — скрывался на острове Томаковском, жил в урочище Микитин Рог и т. д. Это было трудное для него время. Никогда не мог он забыть этих скитаний, и спустя долгие годы, исполненные самых необыкновенных событий, он напоминал полякам о том, как «пан кастелян краковский^[67] преследовал его, когда он принужден был спасти свою жизнь в днепровских пещерах».

Бездомный, преследуемый могущественной Речью Посполитой, опиравшийся только на сочувствие широких козацких масс, которое, однако, не могло быть пока реализовано ввиду осторожного нейтралитета старшины, Хмельницкий в этом критическом положении проявил гордое мужество и неиссякаемую энергию. Он не соблазнился возможностью бежать на Дон, — он остался верен поставленной перед собой цели — бороться с панами-ляхами.

Прячась в камышевых зарослях, Богдан обдумал и начал претворять в жизнь обширный и смелый замысел.

Смогут ли козаки, в союзе с необученными ратному делу и плохо вооруженными «хлопами», разгромить польскую армию, являвшуюся в то время одной из

сильнейших в Европе? Трезвый ум Хмельницкого подсказывал ему, что это маловероятно; а между тем, если будет достигнут только половинчатый успех, то паны и шляхта вскоре оправятся и возьмут реванш. Нужен сокрушительный удар, который надолго отобьет у панов охоту вмешиваться в козацкие дела. А для этого надо найти себе могучего союзника.

Но с кем заключить союз? Естественнее всего было бы обратиться к Москве, стародавнему противнику Польши. Однако Богдан считал, что царь не легко решится на подобный шаг: переговоры затянутся, а для него был ценен буквально каждый день. Найти союзника было важно не только в военном отношении, но и в политическом, — это сыграло бы огромную роль в развитии восстания, устранило бы сомнения у колеблющихся. Существовало только одно государство, которое могло решительно и быстро соединить с козаками свои войска. То было Крымское ханство.

По тому времени это была грозная сила. Не только поляки посылали ежегодную дань в Крым, но даже Московское государство прибегало к этому средству в надежде откупиться от страшных набегов.

На Украине существовала меткая поговорка: «За кого хан, тот и пан».

Привлечь на свою сторону воинственные массы татар означало, по крайней мере, сравнять шансы козаков с шансами Польши, главные козыри которой заключались в сильной артиллерии в наличии многочисленных наемных отрядов.

Но как было заключить союз с татарами, с заклятыми, вековыми врагами? Однако Богдан, смотревший на вещи глубже, чем его предшественники, обладавший в гораздо большей мере качествами политика, сумел преодолеть естественный внутренний протест и решительно начал готовить союз с татарами.

Он знал, что этот союз вызовет в части козачества резкую оппозицию, даже возмущение; знал, что поляки используют этот шаг в своей агитации против него; предвидел и то, что татары не ограничатся военной добычей и станут разорять Украину. Но все это отступало на задний план в сравнении с прямыми выгодами союза. Богдан умел приносить жертвы во имя достижения той цели, которая представлялась ему важнейшей в данный момент. Так поступил он и сейчас.

Это был шаг мудрого и трезвого политика. Последующие события оправдали этот шаг. Однако они оправдали и худшие опасения Хмельницкого: татары стали чинить насилия над «союзной» Украиной. Богдан любой ценой стремился к победе над поляками. Но разоряемые татарами жители не могли понять всей глубины и сложности его замысла. Поэтому к огромной популярности, которую завоевал вскоре Богдан в широких массах, примешалось и горькое чувство обиды и разочарования. Такие настроения у части населения были понятны — они отражали чувства тех, на кого в наибольшей мере пали издержки длительной, тяжелой, но в конечном счете победоносной борьбы. Однако у Хмельницкого имелось достаточно воли и характера, чтобы противостоять им и не отступать от своего замысла.

Но мало было решиться на союз с татарами. Предстояло осуществить его. Момент был очень удобен для целей Хмельницкого. Население Крыма страдало от неурожая, мурзы и простые наездники стремились к войне: на войне можно было набрать яссырь. Приглашение татар козаками, сулившее богатую добычу, должно было особенно соблазнить их в этих условиях.

К тому же как раз в указанный период поляки отказались платить обычную дань. Коронный канцлер Оссолинский сообщил крымскому хану:

«Да будет Вашему Ханскому Высочеству ведомо, что вы имеете дело с королем, который умеет охранять свой народ, а не платить дань». Чтобы подкрепить это заявление, Александр Конецпольский (предпринял в октябре 1647 года поход против крымских татар.

Все это благоприятствовало плану Хмельницкого.

В марте 1648 года его послы появились в Крыму. Хан встретил их милостиво, одарил кафтанами и стал обсуждать проект совместных действий.

Польское правительство встревожилось. Была пущена в ход сложная дипломатическая машина: в Константинополе пригрозили, что если татары соединятся с козаками, то польское войско обратит свое оружие против турок. Из Константинополя прибыл в Крым курьер с советом воздержаться от войны с Польшей.

Крымский хан Ислам-Гирей III поступил лукаво: он не выступил сам, но передал Хмельницкому, что тот может пока договориться с перекопским мурзой Тугай-беем, самым отважным и воинственным из всех крымских мурз.

Тугай-бей с четырехтысячным отрядом двинулся в Украину. Переправившись через Днепр, он остановился на Бузулуке. Хмельницкий в это время выехал в Сечь ^[68].

На этот раз ему не указали оттуда обратного пути. По выражению летописца, «все войско, зостающее на Запорожу, пристало и Хмельницкого себе за старшого приняли».

Со времени поспешного отъезда Богдана из Сечи прошло немного времени. Но в этот короткий срок Богдан проделал хитроумный маневр, плоды которого теперь мог пожинать.

Он разослал по Запорожью своих приверженцев, которые повели искусную агитацию. Видную роль в этой агитации играла теперь похищенная у Барабаша грамота: агенты Хмельницкого всюду повествовали, что

король выдал «привилий» на восстановление козацких вольностей, «на робление челнов на море мимо ведомости гетманов коронных» (на постройку морских челнов без разрешения польских гетманов) и что вообще этим «привилием» козакам разрешалось бороться за свои права.

Козаки враждовали с панами и шляхтичами, однако королевскую власть они еще уважали. Весть о том, что Богдан владеет королевским разрешением на бунт против панов, произвело большое впечатление. Ей тем легче поверили, что хотели верить.

Польские власти приняли свои меры: они расставили посты по всем дорогам, чтобы препятствовать приливу людей к Хмельницкому, начали разоружать крестьян, усиленно ловили и немилосердно казнили разосланных Богданом агентов или просто «смутьянов», ведших «кламливые»^[69] речи; русскому населению в городах и селах было запрещено собираться в кучки; если заставали сборища в домах — будь то даже вечеринка или свадьба, — то всех присутствующих жестоко пороли. Но эти меры не приводили к успеху: наученные горьким опытом былых экзекуций, жители показывали вид смирения; козаки лицемерно осуждали тех, кто бежал к Хмельницкому. Но это была обманчивая покорность.

Сердца у всех кипели злобой. То и дело какой-нибудь бродячий музыкант или идущий по обету монах тайно от польских лазутчиков собирал крестьян и разжигал их яростными речами.

«Поругана вера святая! — восклицали агитаторы Богдана. — Униаты стоят с ножом над шеею. Над просьбами нашими сейм глумится. Нет ничего, чего бы не решился с нами сделать шляхтич. А что творят жолнеры! Под предлогом укрощения непокорности ходят по селам и часто целые местечки истребляют дотла, как будто замыслили истребить весь род наш...

Все эти речи находили себе живой отголосок. «Нетрудно было взволновать козаков, — писал польский историк: — как соловью пенье, так им мятежи были свойственны».

Понимал и Потоцкий, что затравленным козакам «свойственны» мятежи. Не довольствуясь прежними мерами, он издал универсал: «Оповещаем всех и приказываем, чтобы те, которые бежали с Хмельницким, равно и те, которые ушли к нему после, воротились в свои жилища в надежде прощения своих проступков; а если кто осмелится бежать в Запорожье, тот за свою вину отвечает имением и жизнью жены и детей».

Угроза не осталась на бумаге; паны начали претворять ее в жизнь. Однако и эта варварская мера не помогла. Тот же Потоцкий заявил королю, характеризуя создавшееся на Украине положение:

«Не было ни одной деревни, ни одного города, в котором бы не раздавались призывы к своеволию и где бы не замышляли на жизнь и имущество своих панов и державцев».

Широкие отклики, которые нашел среди украинского народа призыв Богдана, возымели результат. Влияние Хмельницкого в Сечи значительно возросло. Старшина вынуждена была считаться с этим. Когда Богдан приехал, ему устроили торжественную встречу. «Когда кошевой узнал о выезде Хмельницкого из Крыму, — пишет летописец Величко, — то стянул с лугов, веток и речек все войско низовое запорожское, конное и пешее, объявивши, что есть необходимость для пребывания их в Сечи, а для чего, того не сказал до возвращения Хмельницкого на кош».

Богдан привез с собою несколько татар — делегатов Тугай-бея. Они должны были во всеуслышание подтвердить готовность перекопского мурзы сражаться против Польши вместе с козаками. «Когда перед заходом солнца... прибыл Хмельницкий из Крыму до

Сечи, — продолжает Величко, — имея с собой четырех татар значных, от Тугай-бея приданных, тогда атаман кошевой со своею атаманьею куренною радостно его приветствовали. Когда ужк уведомились от него о склонности ханской помогать козакам, тогда старшина решила, чтобы на завтрашний день войско конное, — а пешее уже все было в Сечи, — по полю и лугам близко к Сечи пребывающее, собрать».

Рада, на которой обсуждался вопрос о союзе с татарами, была очень бурная. Но в конце концов точка зрения Хмельницкого возобладала, и его самого стали рассматривать на Сечи как «старшого»^[70].

Спустя три дня Хмельницкий выступил из Сечи навстречу польскому войску. В пути он ежедневно получал крупные пополнения. Из близлежащих районов Украины, куда проник слух о происходящих в Сечи событиях, качали притекать волонтеры. Многие из них приходили вооруженными.

Из своей многочисленной дворни паны составляли дружины, используя их главным образом при отражении татарских набегов. Экономя таким образом, на военных расходах, паны не разоружили дворню; больше того, они стремились, чтобы «хлопы» не забывали военной выучки. Но так как дворовые крестьяне ненавидели в большинстве случаев своих господ в такой же мере, как и крестьяне, проживавшие в селах, то при всяких внутренних волнениях паны не могли полагаться на дворовых. Один из крупнейших магнатов, Иеремия Вйшнсвецкий, содержал 10 тысяч вооруженных дворовый. Но про него первого поляки сказали:

— Он не полагается на свою дружину, потому что — Русь!

Вишневецкий раньше других понял, что удержать дворню на своей стороне в начинающейся схватке польские помещики будут не в состоянии, и стал разоружать свою дружину. (Кстати сказать, он не

ошибся: вся его дружина действительно перешла вскоре на сторону козаков.)

Коронный гетман мобилизовал реестровых козаков под командой Барабаша. Реестровым не доверяли: от них потребовали специальной присяги, что они не перейдут на сторону бунтовщиков. Мера эта, впрочем, оказалась бесполезной.

В польском лагере была заметна нервозность, даже некоторое смятение: все чувствовали, что на этот раз дело затевается нешуточное.

— Тяжка эта несчастная война с козаками! — горестно воскликнул один шляхтич.

Другой, словно вторя ему, меланхолично добавил:

— С ними будет продолжительная и трудная война.

VIII. ДВЕ ПОБЕДЫ

Получив известие о том, что Хмельницкий выступил из Запорожья, коронный гетман Потоцкий созвал военный совет.

Польный гетман Калиновский рекомендовал двинуться со всеми силами навстречу козакам и принудить их к генеральному сражению. Большинство не согласилось с ним.

— Неблагоразумно, — говорили они, — выводить все войско в пустыню, не обеспечив достаточно тыл: население всюду враждебно нам. Лучше послать лишь часть войск, — вероятно, и тех хватит для одержания победы. А в случае нужды им можно будет подать помощь.

Потоцкий присоединился к этому мнению. Он рад был досадить Калиновскому, с которым непрестанно враждовал. Кроме того, им руководило еще одно соображение.

— Стыдно, — заявил он, — посылать большое войско против шайки подлых хлопов; чем меньше будет отряд, который истребит этот сброд, тем больше славы.

Был выделен отряд, который 11 апреля выступил в поход. Начальником отряда был поставлен двадцатилетний сын Потоцкого — Стефан; в помощь ему дали опытного вояку, Шемберга.

— Иди, и пусть история напишет тебе славу, — высокопарно напутствовал коронный гетман своего сына. — Пройдите степи и леса, разорите Сечь, уничтожьте дотла презренное скопище и приведите зачинщиков на праведную казнь.

Стефан Потоцкий разделил свое войско на две части. Пять тысяч реестровых козаков были отправлены вниз по Днепру в больших челнах — байдаках. Командовали

ими члены старшины реестровых Ильяш и Барабаш, к которым были приставлены польские комиссары. В байдаках ехало, кроме того, около тысячи наемных немецких пехотинцев.

Другая часть, в составе 4-5 тысяч человек, двинулась параллельно Днепру по суше. Хоругви польских жолнеров и на вербованных среди украинского населения драгун были перемешаны здесь с сильными соединениями наемных рейтаров. В рядах ехало много знатных шляхтичей (между прочим, Чарнецкий, прославившийся впоследствии как искусный, но кровожадный полководец). Этот отряд был снабжен артиллерией, а в арьергарде его тянулась длинная вереница телег с припасами.

В летописи 1648 года записано: «Того ж року саранча барзо великая на усей Украине была и барзо шкоди великие починила».

Войско Стефана Потоцкого шло по опустошенным саранчою полям, и вслед ему неслись глухие проклятия голодных крестьян.

А навстречу, из Запорожья, двигалось ополчение Хмельницкого — около 8 тысяч человек. Основное ядро составляли запорожцы, остальную часть — пробравшиеся мимо польских застав козаки и крестьяне; некоторые из них имели самопалы, а другие только самодельные копья и топоры. Немного поодаль следовала орда Тугай-бея: лукавый союзник хотел сперва выяснить, на чьей стороне окажется в предстоящей битве победа, и в зависимости от этого вступить в бой или удалиться восвояси.

Для Хмельницкого исход первого столкновения имел громадное значение. За спиной молодого Потоцкого стояло войско коронного гетмана, стояла вся польская армия. Хмельницкий же в случае поражения не мог рассчитывать на чью-либо поддержку. Татары тотчас покинули бы его, а может быть, даже принялись бы

совместно с поляками избивать козаков. Десятки тысяч людей, втайне сжимавших кулаки и только ожидавших удобной минуты, снова были бы обречены на ожидание; поражение подорвало бы восстание, подобно тому как ветер рассеивает не успевшую еще пролиться тучу.

Летописец Величко сообщает, что сперва Богдан собирался двинуться на Чигирин, дабы расправиться с Чаплинским. Если таково и было первоначальное намерение Богдана, то он без колебаний изменил его, отложив личную месть ради интересов общего дела.

Положение складывалось следующим образом. Реестровые козаки и немецкие пехотинцы плыли по направлению к крепости Койдак, где должны были соединиться с крепостным гарнизоном и дожидаться там следовавшего сушей отряда. По плану польского командования, этому отряду надлежало держаться в виду берега и двигаться с той же быстротой, что и байдаки. На самом деле вышло иначе. Байдаки быстро неслись по течению, а не любившие утруждать себя шляхтичи подвигались медленно, «наслаждаясь, — по выражению летописца, — весенней прохладой». В результате этот отряд значительно отстал от плывших водою реестровых: восемь дней понадобилось ему, чтобы пройти 70 верст, отделявших его от урочища Желтые Воды. Когда приблизились к этому урочищу, названному так вследствие глинистой почвы, окрашивавшей в желтый цвет глубокое озеро и протекавшую речку, то здесь уже стояли козаки^[71].

Узнав о наступлении Стефана Потоцкого и правильно разгадав его планы, Хмельницкий с замечательной быстротой составил план, свидетельствующий столько же об его решительности и смелости, сколько о глубине понимания им подлинного настроения отдельных борющихся групп. Его замысел был основан на разновременности приближения обоих польских отрядов. Он надеялся, что ему удастся перетянуть на

свою сторону реестровых козаков: он знал, как велико среди реестровых недовольство установленными порядками.

Приказав козакам «отабориться» на Желтых Водах, но не атаковать поляков, он покинул лагерь и поскакал к Днепру, где, по донесению его разведчиков, уже показались передовые польские байдаки.

Встретив на Желтых Водах козацкое войско, поляки построились в боевой порядок и ожидали немедленной атаки. Но ее не последовало. В нетерпении шляхтичи стали разъезжать перед четырехугольником козацких возов, бросая насмешливые реплики и вызывая козаков на герцы. Горячие запорожцы волновались, но, соблюдая наказ Богдана, не втягивались в битву. И вдруг 7 мая^[72] в козацкий лагерь стройными рядами въехали тысячи свежих бойцов. То были реестровые.

Всполошившиеся поляки узнали грозную весть: пока они занимались герцами, Богдан встретил близ урочища Каменный Затон передовые байдаки и, не открывая военных действий, вступил в переговоры с находившимися в них козаками.

В этих переговорах была сразу найдена общая почва. Одним из байдаков командовал Кречовский — тот самый, который некогда дал возможность Богдану скрыться от ареста. Он без колебаний примкнул к восставшим. Вместе с ним и весь авангард реестровых перешел на сторону Хмельницкого.

— Обещаем тебе, — заявили они Богдану, — склонить всех плывущих за нами козаков; все пойдем войной на поляков, а присяга нам не присяга: ее вынудили у нас насильно.

Хмельницкому нечего было более тут делать. Он уехал обратно на Желтые Воды, поручив дальнейшие действия ловкому и обходительному козаку Ганже.

Когда подплыли остальные байдаки, Ганжа и Кречовский созвали «черную» раду (созванную не

начальниками, а по инициативе снизу). Начались страстные прения.

— Мы идем за веру и козачество и за весь народ русский, — провозгласил Ганжа, высоко поднимая знамя. — Короне ли польской пособлять станете, которая заплатит вам неволею, или матери своей Украине?

Один за другим выступали козаки и напоминали своим товарищам о тех гонениях, которым подвергали ляхи их самих и весь украинский народ. Как выражается один польский летописец, на всех челнах «вспыхнул огонь ярости и гнева и у всех шести тысяч стал один ум, одно сердце». Реестровые рвали в клочья польские знамена и бросали их в реку. Почти все, известные своей преданностью Польше, были изрублены: Барабаш, Ильяш, Олеско, Гайдученко и много других, ревностно служивших панству. Затем реестровые напали на немецких наемных рейтаров и частью уничтожили их, частью рассеяли.

Получив известие о случившемся, Хмельницкий попросил Тугай-бея предоставить запасных («заводных») татарских коней для перевозки реестровых в козацкий лагерь. Сидя на белом аргамаке, он торжественно встретил новое пополнение своего войска.

— Интересы и нужды наши, — сказал он, обращаясь к выстроившимся реестровым, — одни суть с пользами и нуждами вашими; мы подняли оружие не для корысти какой или пустого тщеславия, а единственно на оборону отечества нашего, жизни нашей и жизни чад наших, а равно и ваших. Все народы, живущие во вселенной, защищали и будут защищать свою свободу. Зачем же нам влачить тяжкие оковы рабства в дремоте и постыдном невольничестве в собственной земле нашей? Поляки отняли у нас честь, права, имущество; остается при нас одна жизнь, да и та ненадежна и несносна нам

самим. Что же это за жизнь, когда она преисполнена горестей, страхов и всегдашнего отчаяния?

В ответ на горячую речь Богдана реестровые поклялись сражаться до конца за общее дело.

Поляки были удручены неожиданно изменившимся соотношением сил. Они послали гонца в главную ставку с просьбой о подкреплении: до прибытия подкреплений они рассчитывали отбиться, используя лучшее вооружение и особенно артиллерию (у Хмельницкого имелось всего четыре пушки). Но Богдан не дал им времени. На утро следующего дня он назначил штурм неприятельских позиций.

Перейдя проток Желтые Воды^[73], козаки дружно ударили на врага. Их встретил смертоносный пушечный и ружейный огонь из имевшихся у поляков 27 пушек. Устилая землю трупами, козаки вели под огнем атаку, стремясь дорваться до рукопашной схватки. Четырехтысячный отряд Тугай-бея был послан Хмельницким в тыл неприятелю; но в первый день боя он не принимал участия. Поляки стойко держались, но в середине дня драгуны, состоявшие из украинцев, перешли на сторону своих сородичей. Стефан Потоцкий увел остальное свое войско за земляной бруствер, под прикрытие артиллерии.

На другой день битва возобновилась. Тугай-бей атаковал поляков с тыла. Козаки, обложив со всех сторон польский лагерь, отрезали осажденных от воды. Пошел дождь; порох отсырел, и жолнеры в значительной степени утратили свое преимущество. Шляхтичи впали в уныние, и Стефан Потоцкий тщетно старался поддержать в них мужество.

Хмельницкий, однако, сообразуясь с политической и военной обстановкой, не собирался истреблять польское войско. Его цель в это время сводилась к тому, чтобы хорошенько припугнуть панов, вырвать от них побольше уступок; с этой точки зрения чрезмерно раздражать Речь

Посполитую было вовсе нежелательно. Богдан подъехал к валам, за которыми укрылись поляки, и, не обращая внимания на свистевшие вокруг пули, предложил осажденным сдаться. При этом он добавил, что надо спешить, пока в дело не вмешались татары.

У поляков не оставалось выбора. Как ни постыдны казались им подобные переговоры с «хлопами», которых они рассчитывали привести в цепях, они сочли за лучшее отбросить свое высокомерие. К Хмельницкому прибыл в качестве парламентаря Чарнецкий.

Богдан оказал ему вежливый прием и выставил условия сдачи: неприятель должен выдать свою артиллерию.

Условие было принято: поляки отвезли в козацкий лагерь свои пушки и спешно двинулись восвояси. Козаки не тревожили их. Внезапно поле покрылось скачущими татарами: это Тугай-бей, не желая упустить легкую добычу, ударил врасплох на отступающих, заявив, что соглашение, заключенное Хмельницким, для него необязательно.

Трудно сказать, действовал ли он по собственному почину или за его спиной стоял Богдан. Для Богдана нападение татар представляло двойную выгоду: он окончательно избавлялся от армии Стефана Потоцкого и укреплял связь с татарами (получив большой ясырь, они должны были сделаться более надежными союзниками).

Внезапное нападение татар окончательно погубило и без того наполовину развалившееся войско Стефана Потоцкого. Побросав оружие, поляки сдались в плен; Стефан умер от полученных ран. Хмельницкий добился от татар передачи ему некоторых знатных шляхтичей и отправил их в Чигирин, уже занятый к этому времени козаками.

Так окончилась первая битва Хмельницкого с поляками. Одержанная победа сыграла большую роль в

развитии козацкого восстания. Народная память сохранила об этой битве живые воспоминания.

Чи не той то хмель, що коло тичин вьється?
Гей то Хмельницький, що з ляхами бьється.
Гей поїхав Хмельницький к Жовтому Броду,
Гей не один лях лежить головою в воду.
Утікали ляхи, погубили шуби,

Гей не один лях лежить, выщеривши зуби.
Становили ляхи дубовий хати —
Прийдеться ляшенькам у Польшу втикати.
Утікали ляхи в деякии повки,
Ляхів їли собаки и сіри вовки.
Гей там поле, а по полю цвіти,
Не по однім ляху заплакали діти.
Гей там річка, річка, через річку глиця,
Не по однім ляху зосталась вдовица.

В продолжение двух дней после Желтоводской битвы Хмельницкий приводил в порядок свое войско, ежечасно пополнявшееся все новыми толпами крестьян. Ему досталась от поляков артиллерия: 12 полевых орудий и 15 водных арматок (легких малокалиберных пушек). Арматки он установил на двухколесных повозках, запряженных одной лошадью (прообраз знаменитых тачанок). Вслед затем он двинулся по направлению к Черкасам, где расположились силы коронного гетмана.

В этот ответственный для польского государства момент магнаты и шляхтичи продолжали растрачивать

силы и время на распри и пустую борьбу самолюбий. Пирь сменялись пирами.

Каждый из приезжавших панов устраивал пышный банкет, стараясь превзойти других обилием яств и роскошью привезенной на возах золоченой посуды.

Отсутствие вестей от Стефана вначале никого не беспокоило. Но мало-помалу надменное спокойствие шляхтичей было нарушено: со всех сторон ползли нехорошие слухи о будто бы происшедшем сражении и о том, что повсюду — в каждом селе, в каждом городе — народ, несмотря на все строгости, берется за оружие. Магнаты пришли к досадному выводу, что начинается мятеж. Они ошибались — это начиналось общее восстание.

Неопределенность и тревожные слухи побудили, наконец, гетмана Потоцкого отдать приказ о походе. Войско двинулось вслед за армией Стефана, то есть навстречу наступавшему оттуда Хмельницкому.

Через два дня пути встретили беглеца — «недобитка» — из-под Желтых Вод. Его рассказ поразил всех, как удар грома с ясного неба: паны считали вообще маловероятной неудачу Стефана, известие же о катастрофических масштабах этой неудачи ошеломило их. Встреча с Хмельницким, еще недавно казавшаяся самонадеянным полякам пустым делом, сразу показалась им столь грозной, что они решили усилиться перед ней бóльшими подкреплениями. Войско повернуло обратно и поспешно отступило в Корсунь, где было решено ждать подкреплений.

Но Хмельницкий действовал с энергией первоклассного полководца. Впитывая на пути свежие отряды добровольцев, он быстро двигался в глубь страны и вскоре оказался в Смиле, в 40 верстах от Корсуни.

Поляки окопались между Корсунью и Стебловым; пять мощных батарей, державших под обстрелом всю

равнину, подкрепляли их позицию. Все окрестные деревни были выжжены дотла из опасения, чтобы козаки не использовали их в своих целях. Войско Богдана облегло огромным табором польские позиции. В польском лагере господствовало подавленное настроение. Паны без пользы кичились друг перед другом. Потоцкий попрежнему враждовал с Калиновским; ближайшая помощь, на которую можно было рассчитывать, — отряд Иеремии Вишневецкого находился еще у Переяслава; вдобавок, разнесся слух о смерти короля Владислава^[74]. «У нас тогда была страшная безалаберщина, — записывал один польский современник, — несмотря на то, что неприятель стоял над шеей, что со всех сторон собиралась к Хмельницкому козацкая саранча, а русские хлопы провозили мимо панского лагеря съестные припасы в стан Хмельницкого и гласно величали его спасителем своего народа и своей религии».

Применяя ту же тактику обходов и засад, Богдан направил шеститысячный отряд под начальством полковника Кривоноса в обход неприятелю в лесистое урочище Крутая Балка, под деревней Гроховицы.

15 мая начался приступ. В этот раз татары активно участвовали в бою. После ожесточенной схватки обе стороны сохранили свои позиции. Однако Потоцкий, не надеясь на то, что его войско сумеет устоять против более многочисленных сил Хмельницкого, приказал покинуть укрепленные окопы и начать ночью отступление^[75].

Спешив конницу, поляки двинулись по направлению к Богуславу. Козаки и татары следовали за ними, ограничиваясь перестрелкой. Но когда польское войско втянулось в лес и достигло Крутой Балки, на него обрушился отряд Кривоноса; в то же время со всех сторон пошли в атаку главные силы Хмельницкого. И здесь, как и при Желтых Водах, драгунские роты,

набранные среди украинского населения, перешли на сторону козаков. Условия местности были также не в пользу поляков; неповоротливые в своих тяжелых латах, шляхтичи не успевали отражать проворных противников. Почти весь обоз их погиб — они не сумели переправить его через устроенные кривоносцами ямы и засеки. В довершение часть польских пушек свалилась в канаву, тянувшуюся вдоль дороги.

В разгар смятения один из панов, князь Корецкий, решив, что организованное сопротивление все равно ни к чему не приведет, собрал 2 тысячи всадников и попытался пробиться сквозь ряды козаков и татар. Ему это удалось, хотя и ценою гибели чуть не половины его отряда; но для оставшихся оказалось невозможным заполнить пробел, образовавшийся в их построении. Один за другим жолнеры и шляхтичи складывали оружие. Паны мрачно засели в кареты, ожидая, пока свершится их участь.

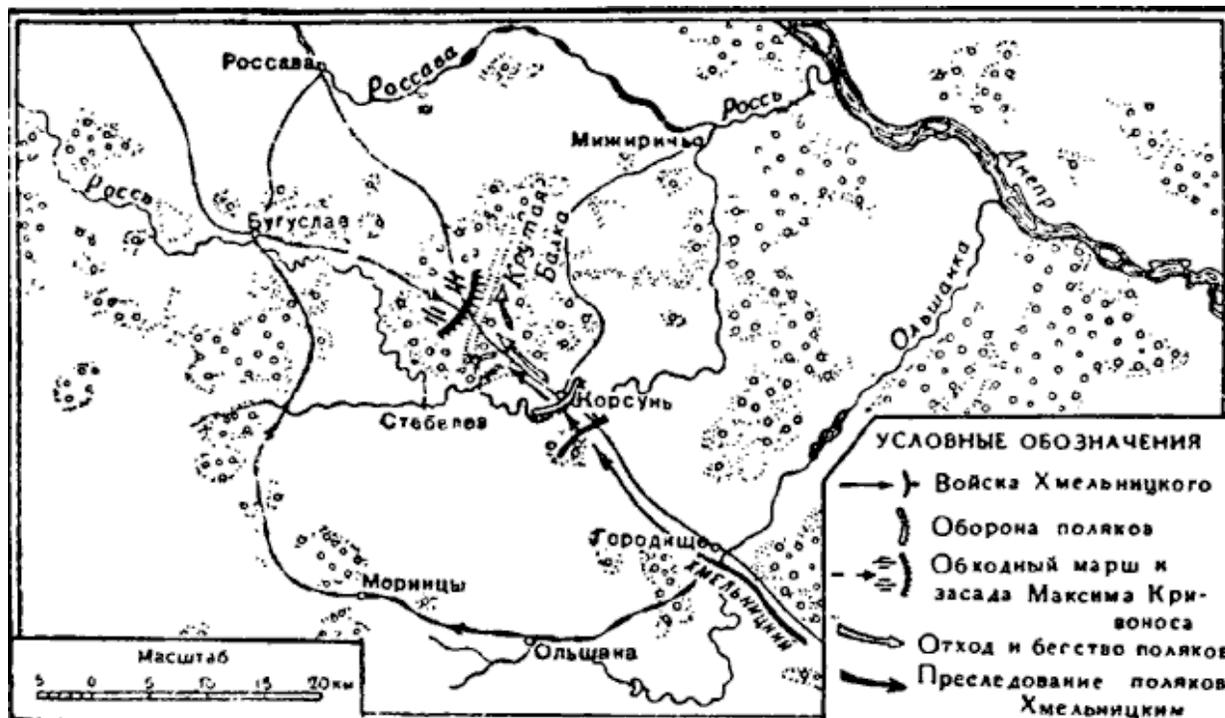

Схема сражения при Корсуни.

Около 8 тысяч человек, в том числе оба гетмана — Потоцкий и Калиновский, множество родовитых панов и шляхтичей, были взяты в плен в этой битве. Хмельницкому досталась вся польская артиллерия, три драгоценные булавы, четыре бунчука и девяносто четыре знамени — весь великолепный обоз панов. Добыча была так велика, что каждый воин из войска Богдана получил изрядный куш и так разукрасился, что все войско сделалось подобным, по словам летописца, «нивам красноцветущим, голлендерским маком засеянным».

Ценные подарки были посланы в Сечь: 1300 талеров^[76] на сечевую церковь, 1000 талеров «товариству на брагу» и т. д. Не забыл Богдан и себя, он отослал в Чигирин 13 возов, нагруженных разным добром.

Но главное, конечно, было не в добыче. Главное последствие Корсунской битвы заключалось в том, что здесь были уничтожены основные силы Речи Посполитой, собранные в Украине. Корсунь и Желтые Воды нанесли тяжкий удар военному могуществу польского правительства и еще более тяжкий удар его политическому авторитету. Оказалось, что грозное войско наемников и блестящих шляхтичей вовсе не так непобедимо. Оказалось, что добрый удар топором по голове оглушает пана так же, как и простого «хлопа». Рухнула плотина страха, и гневная народная стихия, бурля, вырвалась на свободу.

Скрепя сердце паны признали факт: дело идет не о бунте, на Украине — восстание. Киевский воевода Тышкевич писал сенату: «Неприятель все больше ширится и крепнет, так что каждого хлопа приходится считать врагом, каждый город, каждую деревню — вражеским гнездом».

Хмельницкий не покладая рук работал над тем, чтобы раздуть начавшийся пожар. Он знал, что поляки примутся тушить его с удвоенной энергией, как только соберутся с силами, и старался наилучшим образом использовать остающееся до тех пор время.

Спустя 12 дней после Корсунской битвы, 28 мая 1648 года, он издал универсал, явившийся своего рода программным манифестом. Этот документ настолько интересен, что его стоит привести хотя бы в кратких выдержках:

«Зиновий-Богдан Хмельницкий, гетман^[77] славного войска реестрового запорожского и всею по обеим сторонам Днепра сущей Украины Малороссийской, вам всем малороссийским по обеим сторонам Днепра шляхетным и посполитым большого и меньшого чина людям, а особливо шляхетно-урохоным козаком, истой братии нашей, сим ознаймуси, иж не без причин мусили есьмо зачати войну и поднята оружие наше на Поляков...»^[78]

В этой первой фразе универсала достойно внимания настойчивое подчеркивание, что гетман обращается «особливо к шляхетно-урохоным козаком, истой братии нашей». Тут ясно видно, на кого преимущественно рассчитывал опереться Хмельницкий и чьи интересы были для него в это время наиболее дороги: интересы зажиточных козаков, из среды которых формировалась и козацкая верхушка. Остальная масса козачества, а тем более «посполитые», крестьяне и мещане, разные «меньшого чина люди» были по своему значению на втором плане. Богдан относился к беглым «хлопам», отовсюду стекавшимся в его войско, совсем не так, как относился к ним, скажем, Иван Болотников — подлинный крестьянский вождь, за сорок лет до описываемых событий возглавлявший крестьянское восстание. По всему своему мировоззрению Богдан не мог ставить знака равенства между «хлопом» и «шляхетно-

уроженным» козаком. Здесь, отметим, таился зародыш будущих конфликтов, едва не погубивших все дело Хмельницкого и оказавших огромное влияние на ход последующих событий.

Возвратимся, однако, к универсалу.

Польский король Владислав именуется в нем «паном нашим милостивым и отцом ласковым». Богдан изображает дело так — и, несомненно, он сам в значительной мере разделял это убеждение, — что война ведется против панов, против помещиков, старост и арендаторов, несправедливо притесняющих украинский народ; но эта война никак не направлена против короля, являющегося олицетворением закона, ею не преследуется цель нарушить тесную связь Украины с польской государственностью, восстание не направлено против основ Речи Посполитой.

Таково было настроение Богдана и огромного большинства его сподвижников в этот первый период движения. Богдан тем определеннее провозглашал во всеуслышание эти свои принципы, что, как обычно, хотел ослабить внутреннее единство врага и предотвратить консолидацию его сил.

Универсал далее напоминает населению про нанесенные ему поляками «обиды, тяжести, озлобления и разорения», делавшие неизбежной вооруженную борьбу.

Хмельницкий объясняет, что если бы он прежде издал подобный универсал, то поляки успели бы подготовиться. Поэтому он счел необходимым выступить внезапно. «А теперь, як видите, вам всим общемалороссиянам о том доносим, так и до кампании военной на предлежащее с ними ж поляками дело военное вас вызываем и заохочуем. Кому мила вера благочестивая, кому из вас любима целость отчизны вашей, Украины Малороссийской, и честь ваша шляхетская, от поляков уничтожаемая, весьма

посмеиваемая, попираемая и поругаемая, тот всяк... рачи^[79] к нам в обоз, под Белую Церковь, на добрых конех и с исправным оружием неоткладно прибувати».

После пылкого призыва Хмельницкий добавляет:

«Но если не зволите допомогти нам в настоящей военной кампании, то ведайте, ижь як поляки нас одолеют, певне и вас всех малороссиян... не только огнем и мечом зруйнут и спустошат, але и всеконечным веры нашея... искоренением, останки ваши и чад ваших в плен загорнут и в непременяемую всегдашней неволе облекут одежду. Лучше убо и благополезнейше нам за веру святую православную и за целость отчизны на пляцу военном от оружия бранного полягти, нежьли в домах своих яко невестюхам^[80] побиенным быти».

Затем в универсале приводятся различные соображения в пользу того, что украинский народ должен одержать на этот раз победу над ляхами, и вновь повторяется клич: «Под Белую Церковь! На войну!»

Универсал Богдана Хмельницкого упал на благодатную почву стремительно развивавшегося восстания. Многие тысячи людей откликнулись на призыв гетмана. Волнение охватило самые отдаленные районы. В сущности, вся Южная Русь всколыхнулась при вести об универсале и первых битвах Хмельницкого.

Не везде это движение протекало успешно: в далекой Галичине паны сумели ослабить или даже парализовать его. Но в Восточной Украине, где был очаг восстания, они уже не могли ничего поделать.

Потоцкий был прав, предвидя, какую опасность для Речи Посполитой создаст появление Хмельницкого в терроризированной, но не желавшей подчиниться стране. Отдельные протесты, глухие угрозы, партизанские вылазки — все это соединялось воедино,

как соединяются робкие змеящиеся языки огня в
бушующем пламени пожара.

ІХ. ПЛАМЯ

«И так народ посполитий на Украине, послышавши о знесенню войск коронных и гетманов, зараз почали ся купити в полки, не только тие, которые козаками бывали, але кто и негди козацтва не знал»^[81].

В этих словах летописца хорошо передано настроение, охватившее все коренное население Украины. Собираться в «купы» — небольшие отряды — и мстить за все унижения — к этому стремился теперь стар и млад. Во главе такой купы становились обычно местные представители власти: войты, отаманы, иногда мелкопоместные православные дворяне (околичная шляхта). Это делалось часто по настоянию масс, в глазах которых подобное руководство придавало движению вид законности. Отказаться, если кто из них и хотел бы, не решались — из боязни быть убитым. Впрочем, нередко уже в этот начальный период восстания во главе куп становился простой козак, или «хлоп».

Деятельность таких отрядов развивалась на незначительной территории — одно-два села. Истребляли шляхту и старост, начисто грабили и жгли их имения; заодно доставалось и крестьянам, оставшимся верными помещику и не желавшим примкнуть к движению.

Внутренняя логика народного восстания не оставляла никому возможности соблюдать нейтралитет, держаться в стороне от быстро развертывающихся событий. «В это время, — повествует летописец, — большая скорбь и поруганье были значным людям всякого сословия от посполитых людей, а особенно от голытьбы, так что хотя бы иной значный человек и не хотел вступать в это козацкое войско, ему все же

приходилось делать это ради того, чтобы избавиться от посмеяния и нестерпимых бед в виде побоев и чрезмерных требований кормов и напитков, вследствие чего и эти люди должны были приставать в войско к козачеству».

Но подавляющее большинство жителей примыкало, конечно, к восстанию не страха ради, а вследствие искренней ненависти к притеснителям. Хмельницкий проявил дарования крупного военного деятеля. Испытывая острый недостаток в грамотных людях, он все же сумел наладить организацию прибывающих: их записывали в козаки, объединяли в сотни и полки, находили начальников и посылали в определенные районы.

Отряд под начальством Ганжи был послан к Тульчину; туда же направлен отряд Остапа. Кривонос отправился под Махновцы, Гладкий — на Полесье, Голота — в Белоруссию, Гайгура и Вовгура — под Киев. Каждый из этих отрядов обладал полной инициативой и самостоятельностью; в то же время Богдан координировал их действия.

Однако далеко не все повстанцы шли в армию Хмельницкого. Очень многие предпочитали партизанить на свой страх и риск. Несколько куп объединялось между собою, образовывало более или менее крупный отряд — так называемый загон и предпринимало опустошительный рейд по округе.

К такому загону примазывались иногда темные личности, стремившиеся не столько сражаться с поляками, сколько пограбить население занятых территорий. В бою предводителям загонов удавалось поддерживать дисциплину, но в остальное время они не могли, а иногда и не хотели контролировать поведение повстанцев.

Войско Хмельницкого также не представляло собою регулярной армии. Однако в нем был твердый костяк из

привыкших к дисциплине козаков, были авторитетные полковники, была сильная направляющая воля самого Богдана, умевшего среди событий текущего дня не терять перспективы.

В партизанских же загонах, борьба которых носила местный характер, было много героизма, но оваянного губительным дыханием анархии. Оттого разумное и целесообразное переплеталось с ненужным и нелепым; храбрость переходила в отчаянность, суровость — в лютость.

Вот как описывает Н. И. Костомаров деятельность таких партизанских отрядов: «Обыкновенно, как скоро козацкий загон появлялся в панском местечке или селе, подданные принимали гостей, как избавителей, соединялись с ними и устремлялись на палац или двор своего владельца... сожигали панское жильё, а имущество разделяли с крестьянами, вознаграждая их за долговременные поборы и панщину. Соседние дворяне, едва услышали о корсунском поражении, складывали поспешно на возы свое имущество и бежали *с одними душами*, по выражению современного дневника, из Руси в Польшу, покинув свои замки и укрепленные дворы. Но не часто удавалось такое бегство: «каждый хлоп — нам неприятель, каждое русское местечко и селение — гнездо врагов», говорит дворянин-современник; на каждой тропинке готовы были встретить беглецов недобрые гости с булатными, обоюдоострыми саблями или с дубинами... Случалось и так, что в то время, когда козаки лежали мертвецки пьяными, в разоренный замок или местечко вбегали дворяне с вооруженными толпами и, в свою очередь, терзали их.

...Ненависть ко всему польскому простиралась до того, что гибли православные ремесленники и торговцы за то единственно, что, следуя тогдашнему обычаю, носили польское платье или закидывали на польский

лад в речах. «Не один молодой франтик, — говорит летописец, — который подбривал голову и отпускал наверху головы чуприну, заплатил жизнью за свое щегольство».

То обстоятельство, что данное восстание ознаменовалось особенными жестокостями, обусловлено глубокими историческими причинами.

Прежде всего сказалась вековая ненависть украинского народа к его поработителям. Вряд ли какой-нибудь другой народ в Европе испытывал в то время такой двойной гнет — национальный и социальный, — как народ Украины. Не было, кажется, мук, которых не узнал бы он под владычеством польских панов. Это, конечно, не могло не отразиться на ходе событий, когда столь долго подавляемые силы восстания нашли, наконец, себе выход.

Затем сказалось и то, что борьба протекала крайне напряженно: успех клонился поочередно то на одну, то на другую сторону. При этом, когда верх одерживали паны, они учиняли столь ужасную и свирепую расправу, в сравнении с которой бледнеют все действия, творившиеся восставшими. Там, где господствовал лозунг «Смерть за смерть», естественно возник и лозунг «Пытка за пытку».

Жестокости, о которых повествуют современные летописцы, творило, по преимуществу, не войско Хмельницкого в собственном смысле слова, а партизанские купы и загоны. Важно провести четкую грань между действиями таких загонов и основной армии Хмельницкого. Это опровергает преувеличенные обобщения, делавшиеся некоторыми, особенно польскими историками.

Из этого, понятно, не следует, что основное ядро народной армии — козаки Хмельницкого совершали восстание, так сказать, в белых перчатках. Но здесь жестокость, обусловленная всем течением событий,

предшествовавших и сопровождавших восстание, умерялась наличием дисциплины, присутствием ряда людей, в первую очередь самого Богдана Хмельницкого, не одобрявших бесцельного пролития крови. Не то было в загонах и купах: там часто некому было умерить, ввести в русло ярость исстрадавшихся масс.

Однако при всех ненужных жестокостях деятельность партизанских загонов имела весьма положительное значение, поскольку она способствовала очищению Украины от польской шляхты.

Начальниками наиболее крупных загонов были: в районе Литвы и Припяти — полковник Богун; в Белоруссии — Небаба, Кривошапка и Хвесько; в Подолии — Ганжа, Половьян и Морозенко; в Галичина — генеральный обозный Носач и полковник Дорошенко; в районах Киева и Слуцка — Кривонос, Шаблюка, Гайгура и Вовгура; в Черниговщине и Полесье — Буйнос, Гладкий и Худорбай. Все они держали связь с главными силами Хмельницкого.

Народное восстание всегда выдвигает талантливых полководцев. Так было и на этот раз. Не один из перечисленных отаманов отличился в битвах с драгунами и наемными рейтарами. Однако самыми даровитыми, самыми изобретательными в нападении и защите были полковники Максим Кривонос и Иван Богун.

Кривонос был подлинным крестьянским вождем. Мы не знаем, насколько отчётливо представлял он себе задачи восстания. Но вследствие своей кровной связи с крестьянскими низами он с первых же дней жаждал гораздо более глубоких социальных перемен, чем Хмельницкий, озабоченный в этот период главным образом нуждами козачества. Вместе с тем Кривонос являлся и самым непримиримым, самым беспощадным врагом панов и всего, что было связано с панщиной. В народе он имел репутацию «характерника», то есть

заговоренного от пуль. Бесстрашие сочеталось в нем с неукротимой энергией.

Для иллюстрации его образа действий достаточно описать осаду Бара. В стенах этого города собралось много шляхетских семейств; первый приступ кривоносовского загона был отбит «с великою потерей людей с обеих сторон». Тогда Кривонос приказал набросать в ров побольше мокрого сена и зажечь его. Густой дым окутал часть городских стен; несколько имевшихся у козаков пушек открыли стрельбу по тем же стенам. Защитники Бара были убеждены, что здесь ведется генеральный штурм, и почти все собрались для обороны этого участка. Между тем козаки незаметно приблизились к другой стене и внезапным, стремительным натиском овладели ею. Город был взят и подвергся страшному разрушению.

«...А козаки за ляхами пошли и места, где ся боронили, поплюндровали... Кривонос из ыншимы, полковниками Немиров, Животов, Махновку, Бердичев (попустошили)... В Полоном, в Константинове — Старом кровью реки плынули»^[82].

Так скупыми штрихами описывает один летописцев происходившие события.

Народные толпы яростно штурмовали панские замки, мстя за свои обиды, не жалея ни своей, ни чужой крови. Шляхтичи бросали на произвол судьбы именья и увозили свои семьи в Варшаву и в Краков. Кто был победнее, часто не успевал бежать. По образному выражению Натана Гановера, «если пламя охватило кедры, то что станет с приземистым мхом?»

Эти события разыгрывались в условиях жестокого голода.

Летописец сообщает: «Того ж року и неврожай был, бо на весне три месяцы дождю не было. Але ярина добра была, и тым же ся толко люде и ратовали».

Трехмесячная засуха и прилет саранчи вызвали этот голод.

И тут в зловещую симфонию криков ярости, воплей убиваемых и стонов голодных вплелся еще один грозный звук: военная труба Иеремии Вишневецкого.

Остатки разбитых польских армий, изгнанные из своих поместий папы и шляхтичи, спешно набербованные отряды иностранных наемников все стеклись под его стяг.

Отец Иеремии, Михаил Вишневецкий, принадлежал к одному из знатнейших на Украине православных родов (в числе его предков был и знаменитый Дмитрий Вишневецкий-Байда). Однако на Иеремию во всей полноте сказался процесс ополячения южнорусского дворянства. В 1614 году, когда он был совсем маленьким ребенком, его обратили в католичество. Воспитывался он в Львовской коллегии иезуитов; иезуиты сумели превратить его в ревностного католика. Подросши, Иеремиа Вишневецкий много разъезжал по Европе, изучал там, особенно в Нидерландах, военное дело. В 1632 году он возвратился на Украину.

Вишневецкий женился на одной из первых красавиц Польши, Гризельде Замойской. После этого брака его владения составили чуть не половину всей Левобережной Украины. Но Иеремию и этого показалось мало — он захватил у Конецпольского Гадяч. А когда тот передал дело в сейм, Иеремиа приехал на заседание в сопровождении четырехтысячной дружины. Этот аргумент возымел свое действие. Гадяч остался за Иереимией, но Конецпольский и многие другие магнаты остро возненавидели его.

Честолюбивый, властный, чувствовавший в себе недюжинные дарования, Иеремия презирал других панов; еще неизмеримо больше презирал он простой люд, «быдло»: иезуиты привили ему ненависть ко всему русскому. Он не знал компромиссов, полумер. В 1634 году он участвовал в походах на Севск и Путивль и поразил всех своей жестокостью. Нетрудно было угадать, как станет он вести себя в борьбе против восставших «хлопов».

Когда начались народные волнения, Вишневецкий находился в своем любимом имении, в Лубнах. Он тотчас приступил к организации карательного отряда. Собрав окрестных шляхтичей, расквартированных жолнеров и наемников, он сколотил почти восьмитысячный отряд и с этими силами отправился усмирять страну. Он разгромил несколько небольших загонов, предал огню много сел; но, вопреки его ожиданиям, восстание не только не угасало, а разгоралось все сильнее. Почти вся дворня Иеремии перебежала к повстанцам. Придя в ярость, он велел вешать без разбора всех козаков, попадавших ему в руки. В местечке Погребищи князь Вишневецкий вырезал или посадил на кол, все мужское население. В отместку за избиение ксендзов он приказал вырвать буравом глаза у православных священников.

— Вот чем следует гнать козаков! — восклицал он, побрякивая саблей.

Бесплодность усилий приводила его в исступление. Выступив из Погребищ, он послал в принадлежавший ему город Немиров за провиантом. Жители города не впустили его посланца. Тогда Иеремия со всем своим войском подошел к непокорному городу и взял его штурмом. Собрав все население на площади, он стал вершить расправу. Неизменно присутствуя при казнях, князь Вишневецкий приказывал сажать на кол,

четвертовать, распинать, растесывать пополам, варить в кипятке.

— Мучьте их так, чтобы они чувствовали, что умирают, — мрачно повторял он утомленным палачам.

Даже татары не проявляли никогда такой дьявольской изобретательности в придумывании пыток, как князь Вишневецкий, вполне оправдавший данное ему магометанами прозвище Кючюк Шейтана (дьявола).

После «усмирения» немировцев Иеремия, по просьбе киевского воеводы Тышкевича, двинулся спасать осажденное Кривоносом владение Тышкевича — Махновку. Произошло упорное сражение, в котором повстанцы одержали решительную победу. Кривонос лично гнался за Иеремией и едва не проколол его копьем, но Вишневецкому удалось ускакать.

Вишневецкий отступил в Константинов и пополнил там свою сильно поредевшую рать свежими отрядами шляхтичей. Кривоносовцы, овладев местечком Полонным, устремились вслед Вишневецкому.

Под Старо-Константиновом произошла вторичная встреча. Повстанцы наступали, прикрывшись, по казацкому обычаю, табором. Кривонос бился в переднем ряду.

— Ну-те, молодцы-отаманы, — кричал он своим сподвижникам, ну, Половьяне, Остапе, Демко, от теперь маемо в руках Яремку!

Однако Иеремия на этот раз перехитрил Кривоноса. Заманив козаков в невыгодную для них позицию, он разом ударил на них со всех сторон и обратил в бегство. На следующий день битва разгорелась с новой силой, и снова Вишневецкий заманил кривоносовцев в засаду и обрушился на них с такой яростью, что, по выражению одной польской летописи, «кровью неприятельской пенились поля, трупами заваленные»^[83].

Во время преследования повстанцев поляки взяли в плен одного из ближайших соратников Кривоноса,

козака Половьяна. Иеремия начал допрашивать его, что на языке того времени означало пытку. Терзаемый раскаленными щипцами, обваренный кипящей смолой, козак твердил:

— Мы получили от Хмельницкого письмо, в котором он велел нам забавлять вас до тех пор, пока подойдет с огромными силами.

В конце концов Вишневецкий поверил в правильность его показания. Посадив еще живого козака на кол, он двинулся к Збаражу.

На самом деле Половьян говорил неправду; в расчеты Хмельницкого никак не входило двигать всю свою армию против Иеремии. Кривонос, подобно многим другим предводителям загонов, действовал самостоятельно. Своей ложью Половьян надеялся побудить врага уступить Волынь повстанцам. Это ему удалось: ценой нечеловеческого напряжения воли он ввел в заблуждение даже такого проницательного врага, каким был князь Вишневецкий.

Все же предпринятая Иеремией кампания не осталась безрезультатной. Шляхтичи приободрились.

— Не помогай, боже, ни нам, ни врагам нашим, и ты увидишь, как мы их перерубим, бахвалились они.

На помощь шляхте пришло зарубежное дворянство. 800 французов, набранных польским полковником Христофлем Пржиемским, служившим когда-то во французской армии, прибыли для борьбы с «мятежниками».

Пламя восстания разгоралось все ярче. На Волыни им были сплошь охвачены громадные владения князей Корецкого и Браницкого. Опустошению подвергся Могилев. В Белоруссии Небаба овладел Пинском и вырезал там всех католиков. Однако литовский военачальник Волович выбил Небабу из Пинска и, в свою очередь, перерезал и пересажал на кол все русское население. В Западной Руси появились отряды

карпатских крестьян, вовсе не связанных с козаками, но поднявшихся против панов при вести о восстании.

По всей стране бушевали пожары, потоками лилась кровь и раздавались стенания пытаемых. Но сквозь стоны и ружейную трескотню явственно пробивалось то, что один из современников выразил следующими словами:

— Вся Русь дышит злобою ко всему католическому и шляхетскому.

В ожесточенной, смертельной борьбе, с невероятным напряжением всех сил добывал себе украинский народ освобождение от панского ига и национальную независимость.

Х. КОРМЧИЙ У РУЛЯ

Хмельницкому было хорошо известно, какие неистовства совершают и враги украинского народа и сам народ. Но потому ли, что он сам внутренне солидаризировался с яростным ожесточением народа, потому ли, что он не прочь был обессилить шляхту и дать ей такой урок, которого она долго не сможет забыть, потому ли, что он опасался, как бы обуздание экстремистов не привело к отходу от него хоть некоторых групп, а всякое ослабление было очень опасно в этой напряженной, беспощадной борьбе, — но он мало делал для того, чтобы сдержать наиболее необузданных.

Дальновидный политик, он твердо и уверенно проводил намеченную им линию. Он знал, что правительства соседних государств зорко наблюдают за ходом восстания, оберегают от «заразы» своих «хлопов» и не допустят потрясения основ в польском королевстве; его письма имели непосредственной целью успокоение этих правительств. Он знал и то, что среди панов нет единодушия и его грамоты помешают их объединению, усилят рознь и вражду. Вместе с тем он и в самом деле полагал еще, что народ должен вести борьбу только с магнатами; они, эти «королевята», являлись фактическими господами в стране, и в них видел Богдан все зло; что же касается короля, то он и не помышлял пока о свержении его власти: он стремился лишь добиться, чтобы она была возможно менее обременительной, но уничтожить ее вовсе не собирался.

С этой точки зрения истребление и разгром всего польского на Украине должны были беспокоить Хмельницкого: это был чересчур сильный удар сравнительно с теми целями, которые он в то время

преследовал. Цели эти, в основном, сводились к уничтожению религиозной унии и восстановлению козацких вольностей: право владеть дедовскими участками, строить морские челны, проводить в старшину своих кандидатов и т. п. Но для этого вовсе не нужен был такой стихийный взрыв, какой разразился на Украине. Он мог только раздражить правительство Речи Посполитой, затруднить переговоры с ним.

По всем этим соображениям Богдан и прибег к исключительно сложной и тонкой тактике. Эту тактику далеко не всегда умели понять последующие историки и тем более не могли разобраться в ней его современники.

Динамика восстания увлекает его на запад, в глубь Польши, и побуждает к энергичным действиям. Он должен считаться с этим, чтобы не восстанавливать против себя массы, а также чтобы не дать рассыпаться его плохо спаянной огромной армии; если бы она оставалась в бездействии, в ней возобладали бы центробежные силы, отпочковались бы бесчисленные загоны — и армия как грозная сила перестала бы существовать. Но, с другой стороны, он не хочет использовать все имеющиеся в его распоряжении средства, всю огромную потенцию восставшего народа. Не хочет — потому что это не соответствует в данный момент его целям.

Однако даже та сила натиска, которую он считал целесообразной, должна была, как он понимал, столкнуться с упорным сопротивлением Польши; и вот Богдан начинает усыплять поляков, посылая им успокоительные письма, вступая с ними в миролюбивые переговоры, и в то же время пользуется их пассивностью для продолжения восстания. Это его тактика против поляков.

Он обращается к московскому царю, прося его принять Украину под свое покровительство, но так как он понимает, что соединение с Русским государством не

может быть достигнуто немедленно, он одновременно ведет переговоры с Турцией, крымским ханом и Польшей, хотя из перехваченных писем ему известно, что Польша восстанавливает против него всех соседей и в первую очередь Московское государство.

Нужно было обладать огромной уверенностью в себе, в своем личном авторитете среди полковников и бесшабашных толп удальцов, обладать колоссальной изворотливостью и ловкостью, громадной волей и храбростью, чтобы решиться на такую опасную игру. Это постоянное балансирование на острие ножа было тем более рискованным, что Богдан, строго говоря, не имел помощников; его соратники были преданы ему, но немногие из них поняли бы всю лукавую сложность его замыслов, а некоторые из них, например Кривонос, отражавший настроения и чаяния крестьянства, попросту воспротивились бы ей. Поэтому он не считал нужным посвящать их в свои истинные намерения.

Тем изумительнее виртуозность и уверенность, с которыми недавний сотник, всего несколько месяцев назад известный лишь в узком кругу козаков, осуществлял теперь глубокую и сложную политику, управлял массами и с достоинством вел переговоры с крупнейшими европейскими державами.

Какими же приемами и методами осуществлял Хмельницкий свои замыслы?

2 июня, то есть спустя две недели после Корсунской битвы, он отправляет письмо королю ^[84]. Собственно, отправлять было некому: король Владислав выехал из Литвы в Варшаву, чтобы созвать срочный сейм, но по дороге заболел перемежающейся лихорадкой и скоропостижно скончался (10 мая). Однако Богдан

сделал вид, будто ему неизвестно о смерти короля: он все время подчеркивал, что воюет не с королем, а с панами, и потому обращаться теперь к ним с мирными предложениями ему не пристало.

Послание, адресованное покойному королю и рассчитанное на прочтение в сейме, было составлено в самых почтительных выражениях. «Подданство, верность и козацкую нашу службу смиреннейше приносим вашему королевскому величеству, — писал гетман, только что разгромивший две польские армии. — Хотя мы уж и наскучили своими беспрестанными жалобами, но все еще не видим вашего долгожданного ответа и не чувствуем облегчения».

Далее Богдан перечисляет обиды, чинимые козакам старостами и помещиками: у козаков отбирают землю, мельницы, коней и даже не позволяют жаловаться, называя просьбы гордыней, а жалобы бунтом; темницы полны заключенными козаками; комиссары козацкого войска вместо заступников являются утеснителями и т. д. и т. д.

Козаки вынуждены были просить помощи у крымского хана, а тут, волею божией, «при сухих дровах досталось и сырым».

Письмо заканчивается просьбой простить козакам их вину и обещанием отблагодарить короля верной службой.

Подписано: «Богдан Хмельницкий, Старший войска Запорожского».

Отвезти этот замечательный документ, в котором победитель сознательно принял тон побежденного, было поручено трем членам старшины: Вешняку, Мозырю и Волдырю. Письмо являлось декларацией; практическая часть миссии трех полковников была изложена в преподанной им подробной инструкции, в которой перечислялись по пунктам обиды, переносимые козаками, и их требования. Вот эти пункты:

«1. Паны державцы и украинские урядники обходятся с козаками не как с рыцарями, а как с рабами. 2. Хутора, нивы, мельницы и все, что понравится, паны отбирают у них, а их самих заключают в тюрьмы, мучат, убивают. 3. Собирают с козаков, проживающих в королевских имениях, точно с мещан, десятину и поволовщину. 4. Не позволяют козакам содержать у себя старых отцов и матерей. 5. С козацких вдов, хотя бы их сыновья были на службе, требуют подати и немилосердно грабят. 6. Козацкие полковники не препятствуют этим утеснениям. 7. Жолнеры забирают у козаков скот и фураж. 8. Козакам не позволяют свободно ловить зверей и рыб. 9. Полковники, вкуче с жолнерами, забирают себе лучшую часть козацкой военной добычи, оставляя лишь малоценное. 10. По всякому поводу вынуждают с козаков взятку. 11. Король разрешил увеличить реестр с шести до двенадцати тысяч, а также разрешил козакам ходить в море, но ни то, ни другое не выполнено. 12. Войско не получало пять лет жалованья, которое просит теперь выплатить. 13. Просят ни в чем не нарушать древней греческой религии и возвратить православным все церкви, переданные униатам. 14. Просят сохранить за войском все льготы, дарованные прежними королями».

Такова была программа, составленная Хмельницким и привезенная в Варшаву козацкими делегатами.

Самое характерное в ней то, что, даже разгромив польские армии, Хмельницкий и его сподвижники не думают ни об отделении от Речи Посполитой, ни об уничтожении панского гнета над украинским народом. Вся программа состоит из перечисления частных войсковых обид, и только в одном пункте, тринадцатом, указывается на обиду общего характера. Но, как справедливо заметил один историк, «обиды, испытанные козаками от панов, не имели ничего специфически козацкого; те же обиды испытывал и весь народ, только

в последнем случае это были уже не обиды, а тяжелое и притом признанное народом порабощение».

На борьбу, начатую козачеством прежде всего в своих интересах, отозвался весь народ. Десятки тысяч «хлопов» и мещан стекались под знамена Хмельницкого.

Борьба против шляхты уже стала общенародной. «Общенародно то движение, — писал Ленин, — которое выражает объективные нужды всей страны [...] Общенародно то движение, которое поддерживается сочувствием огромного большинства населения»^[85].

А Богдан еще не понимал совершившихся событий, не придавал должного значения могучим чаяниям масс и заботился почти исключительно об интересах козачества. Поэтому с первых своих шагов восстание было чревато глубоким внутренним кризисом.

Послы Хмельницкого прибыли в Варшаву, когда там царил полная растерянность: смерть короля, умевшего ладить с козаками, потеря войска и гетманов, бегущие из Украины шляхтичи — все это делало положение правительства очень тяжелым. Правда, вскоре наступило некоторое успокоение: Хмельницкий все еще стоял под Белой Церковью, предъявленные им требования оказались на поверку довольно скромными.

К польским магнатам вернулась обычная надменность. Собравшийся сейм отказался принять послов Богдана. Сейм вотировал войну против козаков и сбор с этой целью тридцатитысячного войска. Но и здесь паны не сумели обойтись без распри. Всем было известно, что войско хочет видеть коронным гетманом Иеремию Вишневецкого, бесспорно лучшего из тогдашних польских военачальников. Но у него было чересчур много врагов. Сенаторы даже не обсуждали его кандидатуры, а после долгих дебатов поручили командование новой армией триумвирату. Это были князь Доминик Заславский, потомок рода Острожских, старый, изнеженный и малоспособный человек,

Александр Конецпольский, смелый, но неопытный в военном деле, и Николай Остророг, дипломат и ученый, но никак не полководец.

Разрешив таким образом свою главную задачу, сейм призвал делегатов Хмельницкого. Выполняя данную им инструкцию, делегаты держались очень скромно, во всем винили украинскую администрацию, так безбожно притеснявшую козаков, что никакого житья не стало. Тут прибыл в Варшаву один из находившихся в козацком плену панов (Собесский), которого Богдан освободил из плена. Собесский, со своей стороны, передал, что в разговоре с ним Богдан заявил:

— Я с товариществом терпели обиды и оскорбления, а правосудия негде было получить. Набрался бы целый сундук просьб наших к королю. Король и рад был бы оказать нам справедливость, да короля в Польше не слушают. Поэтому он сам велел нам добывать вольность саблями.

Расчет Богдана оправдался: среди панов начались бурные споры. Канцлера Оссолинского начали обвинять в том, что он, совместно с покойным королем, спровоцировал козацкий мятеж; украинских старост упрекали в чрезмерных притеснениях козаков. Организация армии подвигалась туго.

Среди сенаторов сформировалась группа, советовавшая пойти на уступки козакам и покончить дело мирным путем. Во главе этой группы стоял один из наиболее опытных и лукавых польских дипломатов, Адам Кисель.

Этот человек, в течение многих лет неизменно участвовавший во всех переговорах польского правительства с козаками и с Москвою, происходил из русского рода [\[86\]](#).

— Я происхожу от русских ребер, — часто говорил он козакам.

— Да, но эти ребра давно покрылись польским мясом, — возражали козаки, неоднократно убеждавшиеся в коварстве Киселя.

Ко времени восстания Хмельницкого Киселю было без малого семьдесят лет. Давно забывший о русской народности своих отцов, душой и телом преданный Речи Посполитой, Кисель сперва был одним из самых ярких врагов Богдана и пытался заключить военный союз против него с московским правительством.

В апреле 1648 года он сообщал московским боярам:

«Довлеет вам знать, что никогда холопская рука, особенно изменническая, не в состоянии подвизаться против своих господ; и этот холоп, черкасский изменник, если не сбежит на-днях со своею дружиною в Крым, то поплатится головой: полем и Днепром пошли на него войска. Если даже станут помогать козакам поганые — бог будет с нами; все мы готовы... приветствовать поганские головы острыми польскими саблями».

Однако прошло всего несколько недель, и от этой хвастливой тирады ничего не осталось. «Острые польские сабли» оказались беспомощными против козацких, и обладатели их были бесславно биты под Желтыми Водами и Корсунью.

Тогда Адам Кисель резко меняет фронт. С той минуты, как он понял истинные размеры восстания, он лучше, чем большинство польских панов, отдал себе отчет в трудности борьбы с восставшими. Он пришел к выводу о необходимости «пойти на мировую» с восставшими, конечно, обманув их при этом, как это многократно проделывало польское правительство. На этот раз обмануть козаков посулами, лестью, угрозами, эфемерными обещаниями и незначущими уступками оказалось не так-то просто; этому препятствовали небывалый доселе размах движения, укрепившееся у козаков недоверие к панскому слову и присутствие среди них Богдана Хмельницкого.

Стараниями Киселя и поддерживавшего его канцлера Оссолинского было достигнуто постановление сейма: не прерывая военных приготовлений, отправить к Хмельницкому депутацию с мирными предложениями. В состав депутации вошел сам Кисель ^[87].

Началась иезуитская игра, в которой на сей раз польские дипломаты встретили себе достойного противника, проникавшего во все их замыслы.

Кисель послал Богдану письмо с мирными условиями. То были условия не побежденных, а полновластных победителей: козакам предлагалось освободить немедленно всех пленных шляхтичей, разорвать союз с татарами, выдать предводителей загонов и т. п.

Со своей стороны, паны обещали создать комиссию для определения козацких прав и вольностей.

Эти требования раздражили Хмельницкого; еще большее возмущение вызвали они в козацкой раде. Начался ропот: Богдана стали все более открыто обвинять в том, что он слишком церемонится с поляками.

А тут возникли два новых обстоятельства. Под влиянием настояний польского правительства, подкрепленных Францией, турецкий султан написал в Крым, чтобы Тугай-бей со всем войском немедленно вернулся обратно; вся Орда покинула козацкий стан и двинулась в Крым. Помимо того, польское правительство, рукою того же Киселя, обратилось к Москве с пространной нотой, в которой доказывалось, что поднятый Богданом мятеж может легко переброситься в пределы Московии и надо подавить его соединенными усилиями обоих правительств.

Письмо в Москву было перехвачено козаками и доставлено Хмельницкому. Теперь не оставалось сомнений в том, что паны, как обычно, хитрят, стремятся ослабить восставших, оторвать от них союзников,

восстановить против них соседние государства, а затем потопить восстание в крови.

Но и Хмельницкий принимал свои меры. Послание Киселя в Москву явилось в значительной мере результатом того, что за несколько недель перед этим Богдан сам обращался в Москву.

В начале июня, то есть спустя каких-нибудь две-три недели после решительных побед над двумя польскими армиями, через шесть дней после отсылки на имя короля Владислава письма с обещанием послужить Речи Посполитой.

Богдан отправил московскому царю просьбу оказать ему военную помощь, обещая за это, хотя и в неопределенных выражениях, признать власть Москвы. Здесь сказались дальновидность Богдана, предугадавшего, сколь упорной окажется борьба с Польшей, и осторожность, побуждавшая его всегда заблаговременно искать союзников. Хмельницкий уяснял себе, что союз с татарами гораздо менее надежен, чем союз с сильной Москвой. Он знал также — об этом будет сказано ниже, что на Украине очень популярна идея тесного, органического союза с Московской Русью.

И, торопясь осуществить этот новый союз, он не замедлил обратиться к царю, перед которым робели многие короли из древних владетельных родов, который грозил войной, если в его титуле пропускалось хоть одно слово, даже одна буква (нельзя было, например, писать: «многих государств и земель... государь и обладатель», а нужно было: «облаадатель» — через два аза).

Вот это письмо:

«Наияснейший, вельможный и преславный царь Московский, а наш многомилостивый государь и добродей.

...Творец избавитель наш Исус Христос, усилився обид убогих людей и кровавых слез сирот бедных... свободити нас изволил: которую яму ископали было под нами, сами в то впали — что два войска с великими таборы их помог нам господь-бог одолети и трех гетманов живых взяти с иными их сенаторами.

...Желали бы есми себе самодержца-государя такого в своей земле, как ваша царская велеможность, православный христианской царь; в чем уверяем ваше царское величество, естли бы была на то воля божия, а поспех твой царской — тотчас не медля на государство то наступати, а мы со всем войском запорожским услужить вашей царской велеможности готовы есмя. До которого есми с нижайшими услугами своими, как наприлежнее отдаемса, а имянно: будет вашему царскому величеству слышно, есть ли ляхи сызнова на нас восхотят наступати, в тот же час как скорее поспешайся с своей стороны на них наступати, а мы их за божиею помощью отсель возьмем, и да усправит бог из давних веков глаголанное пророчество, которому мы сами себя вручивши, до милостивых ног вашему царскому величеству яко наунижен но и покорно отдаемса.

Писан с Черкас, 1648-го, июня в 8 день».

Для того чтобы подкрепить это послание, гетман предпослал ему письмо, обращенное к воеводе Хатминскому, князю Семену Волховскому. «Хочете ли нам быти приятелями, — писал он ему 2 июня 1648 года, — тоды нам на помочь прибывайте, а мы вам так же, когда се в чем трафить може, повинны будемо тым же способом за услугу вашу... заделовать и обслуговать»^[88].

Если бы московское правительство, получив это письмо, проявило больше решительности, многое сложилось бы по-другому, и много человеческих жизней было бы спасено. Но оно осталось верно своему

всегдашнему правилу: во всем соблюдать политическую осторожность. Для того чтобы втянуться в войну с Речью Посполитой, нужны были веские основания и солидные гарантии. А Хмельницкий еще не мог представить таких гарантий. Много козацких гетманов начинали с блестящих успехов, но через короткий срок оказывались разбитыми наголову. Поддержка их все равно не дала бы результатов, и ради нее никак не стоило нарушать мир с сильным соседом. К тому же московское правительство опасалось, как бы борьба украинского народа за свои социальные права не перебралась в Россию и не вызвала острых волнений крестьян. Наконец, надо учесть, что в этот момент во многих городах Московского государства происходили восстания, и правительству было не до войны. В Москве волнения приняли такой характер, что царь заискивал перед «черными людьми».

Тем не менее Кисель, обеспокоенный уже самым фактом сношений козаков с Москвою, поспешил со своим письмом, в котором всячески чернил восстание и его вождей. Перехватив это письмо, Богдан вынужден был согласиться с козацкой старшиной, что мирные переговоры с Польшей обречены на неудачу.

Однако он разошелся со своими помощниками в выводах из этого факта. Полковники требовали немедленного прекращения переговоров и возобновления войны. Богдан же, по своему обычаю, искал путей к тому, чтобы добиться нужных результатов с наименьшей затратой сил. Средство к этому он видел в дипломатической игре.

Не упоминая о перехваченном письме и не жалуясь на происки Польши в Константинополе, он слал Киселю послания с изъявлениями своего расположения.

Был уже август. Вся Украина пылала ослепительным пламенем восстания. Кисель, несмотря на наличие у него конвойного полка, не решался отправиться в ставку

Богдана и посылал одного гонца за другим, требуя перемирия и наказания «виновных». Хмельницкий выражал сожаление по поводу каждого сообщенного ему случая «насилия», но сваливал всю вину на Иеремию Вишневецкого.

«Мы отступили и татар отпустили, писал он, — а Вишневецкий бросился на нас совсем не по-христиански и не по-рыцарски, варварски тиранил и мучил христиан. Оно не диво, если бы делал это простак какой-нибудь, например Кривонос наш, но между Вишневецким и Кривоносом большая разница».

Иеремия, в самом деле, резко протестовал против переговоров с восставшими. Переговоры, по его мнению, могли только «возбудить в рабских сердцах охоту к дальнейшему своеволию». Прекратить свои свирепые экспедиции Вишневецкий отказался. Но дело заключалось, конечно, не в Иеремии. Восстание ширилось и росло. Трудно было остановить его в момент его наибольшего подъема, а теперь, уверившись в двуличии панов, Хмельницкий и не склонен был совершать подобной попытки.

Хмельницкий вел переговоры, писал письма, применял даже в угоду Киселю репрессии против некоторых своих сподвижников (так, он демонстративно велел приковать Кривоноса к пушке), но все это лишь с целью выиграть время. Пока Кисель вел безрезультатную переписку, а новая польская армия не открывала военных действий, Хмельницкий тоже не предпринимал широких операций, но толпы восставших, бесчисленные загоны и купы продолжали «очищение» Украины, изгоняли перепуганную шляхту, завладевали ее имуществом. Скоро вся территория, на которой жили козаки, до реки Случа, находилась в руках восставших.

«Оттак, ляше, по Случ^[89] наше», родилась крылатая поговорка в козацком стане.

И все это — с минимальными потерями, без войны. Хмельницкий мог быть вполне доволен плодами своей тактики.

В конце концов Кисель вынужден был сознаться, что его лисья ухватка не принесла ему добра, что его дипломатическая коса нашла на камень. Проклиная козацкого гетмана, он прервал в начале сентября переговоры и вместе с конвойным полком присоединился к сосредоточиваемой триумвирами армии.

Предстояла новая схватка, но на иных рубежах. Вся Восточная Украина в течение четырех месяцев освободилась от поляков. Только кое-где сохранились, подобно островкам, засевшие в укрепленных замках отряды шляхтичей.

Разлилися круті бережечки, гей-гей, по
раздольлі!

Пожурились славні козаченьки, гей-гей, у неволі!
Гей вы, хлопці, ви добрі молодці, гей-гей, не
журіться,

Посідлайте коні вороний, гей-гей, у Варшаву,
Да наберем червоної китайки, гей-гей, на славу.
Гей, щоб наша червона китайки, гей-гей, не
зліняла

Да щоб наша козацька слава, гей-гей, не
пропала.

Гей, у лузі червона калина, гей-гей, похилилася.
Чого сь наша слава Україна, гей-гей,
засмутилася?

А ми ж тую червону калину, гей-гей, да
піднімемо,

А ми ж свою славу Україну, гей-гей, да
розвеселимо.

Эту песню пел народ, готовясь к новым битвам. Годы унижений и неволи остались позади, как надеялись массы, навсегда. И хотя в стране свирепствовал голод, дымились пожарища, а впереди предстояли новые тяжкие испытания, народ ликовал, добыв себе волю.

А Хмельницкий? Он лучше всех уяснял, какие опасности и беды грозят восставшей стране, но хладнокровие и уверенность не покидали его.

В самый разгар приготовлений к новой войне Богдан торжественно отпраздновал свадьбу. Он женился на своей давнишней подруге, увезенной от него когда-то Чаплинским, а после занятия Чигирина козаками снова вернувшейся к нему. Обряд был совершен сопровождавшим Хмельницкого коринфским митрополитом Иоасафом^[90].

ХІ. ГОРИЗОНТЫ РАЗДВИГАЮТСЯ

Хмельницкий не очень уважал триумвиров, возглавивших польские военные силы. Неопытного, юного Конецпольского он прозвал «дытыною», ученого Остророга «латыною», сибарита Заславского «перыною».

Доминик Заславский, как самый богатый из троих и приведший с собою 4 тысячи человек собственного войска, принял главное начальство. Иеремия Вишневецкий, оскорбленный тем, что не ему вручили бразды правления, держался некоторое время обособленно, но затем сменил гнев на милость и 1 сентября соединил свои силы с войском Заславского. Составилась немалая армия, численностью в 55–60 тысяч человек.

Характерно, что при армии находился сбоз из 100 тысяч возов, а при обозе 200 тысяч наскоро вооруженных «джур» (слуг), которых, однако, паны не считали возможным пускать в бой. Никогда еще, кажется, не проявляли шляхтичи и магнаты столько фанфаронства, как в этом походе. Похоже было, что они рассчитывают победить не посредством оружия, а одной небывалой роскошью: луки на гусарских седлах были из серебра, стремяна позолоченные, посуда для еды фарфоровая или серебряная; богатые паны везли за собой толпы слуг, пышные постели, даже ванны. Пирывы следовали за пирами. «Можно было подумать, что это войско съехалось на свадьбу», замечает один современник.

— Против такой сволочи, как козаки, — хвастливо орали шляхтичи, — не стоит тратить пуль. Мы их разгоним плетьюми!

Полякам было известно, что сын Богдана, Тимофей, усиленно хлопочет в Крыму о возвращении татарского войска, прельщая татар необыкновенной добычей. Было решено напасть на козаков, прежде чем подойдут татары.

3 сентября польская армия двинулась в глубь Украины. Во время продвижения несколько раз собирався военный совет, и тут Доминик Заславский прямо высказал мысль, мелькавшую в уме у многих.

— Зачем мы так стремимся к бою? — заявил он. — Вероятно, на этот раз мы победим. Но если мы перебьем восставших, мы сами останемся в накладе: кто будет тогда пахать для нас землю? Хорошо тем, кто не имеет здесь поместий. Но не могу же я истреблять собственных подданных. Уничтоживши их, что я буду делать? Возделывать землю я не умею, а просить милостыню стыжусь.

Легко понять, что такая речь главнокомандующего мало способствовала поднятию боевого духа в армии. Пылкие тирады Вишневецкого звучали гласом вопиющего в пустыне. Армия приостановила наступление и расположилась на речке Пилявке^[91]. Позиция здесь была невыгодна для принятия боя, но об этом никто не думал. В польских войсках почти не существовало дисциплины, отдельные отряды останавливались в том месте, которое пришлось им по вкусу; не было выслано даже разведки и сторожевого охранения.

Между тем Хмельницкий выступил навстречу полякам с огромным ополчением. Вся Украина поднялась, чтобы отразить грозную опасность. Кроме многочисленных загонов, кроме безудержного потока «хлопов», к Хмельницкому стекались отряды из дальних земель. Из червонной Руси пришел отряд Носача, из внутренних областей Польши — отряд Тыша. Явились лесные гайдамаки^[92], Лисенко привел из-под Киева

вовгуровцев, Гайгура — степовников, пришли отряды Нечая, Морозенко, Колодки... Некоторые польские историки заявляют, будто Богдан вел с собою 300 тысяч человек. На самом деле с ним было, вероятно, около 100 тысяч более или менее удовлетворительно вооруженных бойцов да еще несколько десятков тысяч крестьян, имевших лишь самодельное оружие. Кроме того, сын Хмельницкого Тимофей привел четырехтысячный татарский отряд — авангард орды, двигавшейся из Крыма под начальством самого хана Ислам-Гирея^[93].

Богдан расположил свою рать против польского стана; специалист по засадам, Кривонос с сильным отрядом был послан в обход неприятеля.

В противоположность самоуверенной беспечности поляков, войско Хмельницкого с суровой сосредоточенностью готовилось к бою. Богдан разъезжал по лагерю, в коротких словах призывая к стойкости и храбрости. Ежечасно к нему подходили подкрепления; многие отряды шли мимо польских позиций, не встречая никакого противодействия.

Наконец с рассветом 10 сентября начались первые «герцы». В первый день поляки, имевшие в своем войске немецких рейтаров и нидерландцев, добились успеха. Они потеснили козаков, и только яростное сопротивление, организованное начальником обоза Иваном Чарнотой, приостановило их продвижение. Во второй день военное счастье изменило полякам. Они были выбиты из позиций, которыми завладели накануне.

Козаки заплатили за этот успех смертью одного из лучших своих командиров — уманского полковника Ганжи.

Третий день был днем хитростей со стороны неистощимого на такие вещи Хмельницкого.

Началось с того, что он поставил в первые ряды 4 тысячи татар и примерно такое же количество козаков, переодетых татарами. Вся эта ватага безустали кричала:

«Алла! Алла!» и, как видно, всерьез внушила полякам убеждение, что к Богдану прибыли громадные татарские силы. Затем козаки под предводительством Чарноты обратились в притворное бегство и навели на засаду два польских полка.

На поле битвы стоял туман. Поляки не успели опомниться, как увидели себя окруженными со всех сторон. В молочной дымке тумана раздался зычный возглас Хмельницкого:

— За виру, молодци, за виру!..

Оба польских полка были уничтожены. Одновременно с тыла поляков тревожил Кривонос.

Упорный характер битвы обескуражил магнатов. Воины Хмельницкого дрались с остервенением; число их непрерывно возрастало благодаря нескончаемому притоку крестьянских отрядов. Поляки же держали без дела двухсоттысячное скопище слуг, потому что не решались положиться на них. К тому же во главе польской армии стояли робкие, слабохарактерные люди. Князь Заславский первый отправил из лагеря часть своего личного обоза и ночью уехал, заявив, что передает начальство Вишневецкому. Его примеру последовало большинство панов.

Утром по лагерю распространилась весть о бегстве начальников. Началась неопишуемая паника. Шляхтичи с проклятиями бросали на произвол судьбы свое добро и мчались из лагеря. Хотя на первых порах никто не преследовал поляков (повстанцы не сразу узнали о нежданном повороте событий), бегство было неудержимым. Вишневецкий был подхвачен общей волной и бежал вместе с другими. Обычно столь медлительные, шляхтичи удирали с такой быстротой, что многие на следующий день очутились во Львове, за 40 миль от Пилявки. Заславский потерял во время бегства знак своей власти — булаву, Остророг — епанчу и шапку.

Козакам досталась несчетная добыча. 120 тысяч возов с лошадьми, 80 пушек и на 10 миллионов злотых разных драгоценностей перешло в их руки. Когда начали «дуван дуванить», прибыла татарская орда и, конечно, потребовала львиной доли добычи. Все же козакам досталось немало. Меха, бархат и парчевые ткани устилали поле сражения. За квартиру горилки козаки отдавали бархатную шубу.

Хмельницкий, в свою очередь, принял участие в дележе добычи и отправил в Чигирин много возов с добром. Если учесть, что он завладел также бывшим именем Конецпольского, местечком Млнов с красивыми промыслами, приносившими ему 200 тысяч талеров годового дохода, то станет ясно, что он был уже богатым человеком.

Страшный пилявецкий разгром фактически сделал Богдана вершителем судеб Речи Посполитой: польской армии не существовало, денег в польской казне не было (еще перед Пилявкой сейму было доложено, что в государственной кассе всего 76 тысяч злотых). Единственный остававшийся в руках поляков пункт на Украине — крепость Койдак — был взят нежинским полком. Вдобавок по всей Польше вспыхнули волнения польских крестьян.

Однако Богдан все еще не помышлял о разрыве с Польшей. Он освободил трех знатных шляхтичей (Косяковского, Червинского и Оссолинского) и поручил отвезти сенаторам его письмо. Подобно предыдущим, это письмо было миролюбиво, но в нем звучали иные тона: Богдан, хотя и глухо, предостерегал поляков от продолжения войны. Шляхтичи дали рыцарское слово, что привезут ему ответное письмо или сами возвратятся и перескажут ответ сейма. Увы! Польская шляхта, видимо, не очень высоко ставила рыцарскую честь, судя по тому, что Богдан ждал ответа напрасно.

Хмельницкий созвал раду и поставил вопрос, как быть дальше. В этот период его ближайшими сподвижниками являлись Чарнота, Кривонос, Нечай, Тыша, Небаба, Калина, Остап, Воронченко, Лобода, Бурляй, Подкожуха.

Рада, особенно та часть ее, которая была наиболее тесно связана с низами, требовала немедленного похода на Варшаву.

Но Хмельницкий думал свою думу. Все прежние соображения встали перед ним с новой силой. Речь Посполитая еще крепка; почуяв смертельную угрозу, она окажет яростное сопротивление. А если удастся справиться с ней, к чему это приведет? Не посадят же паны на королевский престол козацкого гетмана! Полный разгром Польши козаками легко мог повлечь вмешательство соседних государств. Паны могли пообещать корону московскому царю, и он оказал бы им поддержку, тем более, что московские бояре немало тревожились, как бы из Украины волнения не перекинулись на их собственных холопов, не забывших еще о временах Болотникова. Наконец, папа римский побудил бы вмешаться католическую Австрию, может быть даже Францию.

Таков был ход мыслей Богдана. К этому примешивались и другие соображения. Было очевидно, что нанесенные шляхте удары заставят ее удовлетворить козацкие требования. А дальше этого планы Богдана еще не простирались. «Посполитство»^[94] все еще оставалось для него на втором плане.

Быть может, некоторую роль сыграло здесь мнение православных шляхтичей-дворян, примкнувших к движению. Многих из них Богдан приблизил к себе. В бою он больше доверял испытанным рубакамполковникам, но советоваться частенько предпочитал с более образованными дворянами. Особенно приблизил он к себе украинского шляхтича Ивана Выговского,

взятого в плен при Желтых Водах и тотчас перешедшего на сторону восставших.

В итоге своих размышлений Хмельницкий решил оставить шляхтичам возможность пойти на уступки и примириться. Но как разъяснить свои планы раде? А если даже ему удастся совладать с радой, то как остановить неукротимое стремление сотысячных масс козачества и «хлопов», упоенных победой, мечтающих отомстить панам полной мерой и навеки избавиться от их власти?

Надо было обладать необычайной решимостью, твердостью, уверенностью и ловкостью, — словом, надо было быть Богданом Хмельницким, чтобы взяться за осуществление этой почти невозможной задачи.

Выполнять ее он принялся очень осмотрительно. Увлекаемый внутренней логикой восстания, он двинулся во главе своей огромной армии на Константинов, взял его, затем двинулся к вотчине Вишневецких Збаражу, овладел и этим городом и 26 сентября подступил к Львову. В то же время он распустил загон по Волыни и Полесью, чтобы с новой силой возобновить войну против местных землевладельцев. Это сделано было для того, чтобы ослабить экономически и морально шляхту.

Нужно отметить, однако, очень характерное обстоятельство: разосланные Богданом отряды не истребляли без разбора шляхтичей и евреев, как то делали некоторые партизанские загоны. Мелкие еврейские ремесленники и торговцы, которые «не повелевали народом», не подверглись почти никаким притеснениям. Город Броды, почти сплошь заселенный евреями, совершенно не пострадал, так как козаки признали его полезным для себя — окрестное украинское население зарабатывало там большие деньги. С города взята была только контрибуция сукнами и кожей. Все это показывает, что Хмельницкий старался, где мог, предотвратить ненужные эксцессы,

что в его разноплеменном войске установилась уже дисциплина и, наконец, что все рассказы о пресловутой «враждебности» украинского народа к проживавшим среди них евреям на поверку оказывались вымыслом.

Когда Богдан подступил к Львову, обнаружилось, что город намерен защищаться^[95]. Там заперся небольшой военный отряд, возглавляемый генералом Христофором Арцишевским. Осажденные располагали сильной крепостной артиллерией, но и в армии Богдана имелось уже немало инженеров и артиллеристов (то были пленные иностранцы, перешедшие к нему на службу).

Началась правильная осада, и скоро стало ясно, что город недолго сможет сопротивляться. Среди горожан усиливалась партия, настаивавшая на сдаче (тем более, что в городе имелось много православных). Но Арцишевский пугал сторонников сдачи свирепостью повстанцев и, ссылаясь на свою боевую репутацию, отказывался сдать город.

Козаки отвели от города воду и все теснее смыкали железное кольцо осады. Во время одного штурма, когда натиск был особенно силен, жители Львова, вопреки коменданту, выкинули белый флаг и послали делегата с просьбой о пощаде. Несмотря на это, густые толпы осаждающих продолжали со всех сторон атаку. Тогда Хмельницкий, предвидя, что если его войска ворвутся в Львов, то начнется страшное кровопролитие и город будет разорен дотла, совершил необыкновенный поступок.

Он бросился в самую гущу сражавшихся и размахивая надетой на длинный шест своей шапкой, хорошо известной всему войску, бегал под градом пуль и кричал:

— Згода! Згода!^[96]

Ни опасность, ни глухие угрозы жаждавшей добычи толпы не могли заставить его удалиться; в конце концов штурм был прекращен. Город был спасен.

Полтора́ста лет спустя варшавяне поднесли Суворову табакерку с надписью: «Варшава — своему избавителю». Это было сделано в благодарность за то, что Суворов приказал после взятия Праги разрушить мост через Вислу, чтобы воспрепятствовать переходу в Варшаву разъяренных солдат. Жители Львова с не меньшим основанием могли бы сделать аналогичный дар Богдану Хмельницкому. Во время мирных переговоров с депутатами города Богдан также проявил большое великодушие.

— Вы просите милосердия, — сказал он. — Я сам просил его и не был столь счастлив, чтобы получить, но вам окажу его. Я не хочу поднимать меч на ваши головы и дарую вам жизнь — это уже большое милосердие.

Хмельницкому удалось совершенно уберечь Львов от грабежей и резни, но он потребовал контрибуцию в двести тысяч злотых (по другой версии — семьсот тысяч).

Большая часть этой суммы была выплачена товарами и ценными вещами. Гарнизон был обезоружен и отпущен в Польшу под честное слово не участвовать более в войне, в противном случае каждый вновь взятый в плен подлежал позорной казни.

Любопытная деталь: получив сполна контрибуцию и двинувшись далее, Хмельницкий оставил во Львове своего двоюродного брата Захария с 10 козаками. Захарий был снабжен универсалом о неприкосновенности города и о запрещении проходящим мимо загонать беспокоить жителей. Богдан ручался, что этого будет достаточно, и не ошибся: написанная гетманом грамота охраняла Львов лучше всяких стен.

Из Львова Богдан, верный своему плану, думал повернуть обратно на Украину. Однако весть об этом вызвала в его войске целую бурю.

— Пане гетмане, веды на Польшу! — раздавались несчетные голоса.

Хмельницкий уступил. Войско двинулось дальше, к старинной польской крепости Замостье. По тому времени это была почти неприступная крепость. Толстые высокие стены с круглыми башнями, глубокий ров, мощная артиллерия. Иеремия Вишневецкий сосредоточил в Замостье почти 20 тысяч отборного войска, а сам перед приближением народной армии уехал в Варшаву.

Богдан ясно видел, что штурм такой крепости потребует колоссальных жертв — к тому же, с его точки зрения, совершенно ненужных. Он повел осаду, выстроил на реке плотину, чем затруднил снабжение осажденных водою, непрерывно бомбардировал крепость. Но было очевидно, что Замостье в состоянии продержаться еще очень долгое время. В войсках Хмельницкого снова возник ропот. Гетмана открыто обвиняли в поблажках полякам, в робости и бездеятельности.

Особенно горячился Чарнота^[97]. Честолюбивый и недисциплинированный, не привыкший далеко заглядывать, он настаивал на немедленном генеральном штурме. Он прибегал к самым демагогическим приемам, обвинял Богдана в пьянстве (Богдан действительно, по примеру истых запорожцев, довольно часто прикладывался к горилке) и т. п.

— Наш гетман так распился, — кричал он на сходках, — что ни о чем не думает, и страх овладел им! Он начал поблажать полякам, ведет с ними тайные сношения и обманывает войско!..

Авторитет Хмельницкого стал падать. Даже самые надежные его соратники заколебались.

Богдан не растерялся. Чарнота и его приверженцы хотят штурма? Хорошо! Штурм будет!

Через несколько дней состоялась общая атака крепости. Богдан назначил в первую линию те отряды, которые наименее охотно повиновались ему и особенно рьяно обвиняли его в сношениях с поляками. Осажденные встретили приступ жарким огнем. Не привыкшие к штурму крепостей, люди сотнями гибли во рвах. Сам Чарнота добился было кратковременного успеха, но поляки сделали вылазку, отбили отряд Чарноты и захватили много пленных. Штурм окончился полной неудачей.

То был жестокий урок. Оппозиция присмирела, и Богдан снова крепко забрал вожжи. Летописцы сообщают, что козаки начали гадать, и все знамения и гадания показывали, что им не овладеть крепостью. Все это окончательно убедило их в правоте гетмана. Скорее всего, однако, результаты гадания вытекали из горького опыта неудачного штурма и нужны были как своего рода почетный путь к отступлению.

В конце концов Хмельницкий вступил с комендантом Замостья в переговоры, приведшие к соглашению: город давал осаждавшим 20 тысяч злотых контрибуции, после чего осада снималась и гарнизон получал свободу. Условия эти были выполнены. Столь неистово начавшаяся осада закончилась оригинальным финалом: после заключения мира купечество Замостья стало толпами ходить в лагерь повстанцев и покупать у них за бесценок драгоценности, платья и меха, доставшиеся повстанцам после Пилявецкого сражения.

Хмельницкий благосклонно взирал на это торжище; оно соответствовало его планам. Радикальные элементы, состоявшие из людей, выражавших интересы широких крестьянских масс, проникнутых столь страстной ненавистью к польской шляхте, что никакая «мировая» не казалась им возможной, продолжали требовать похода на Варшаву. Но они не были достаточно организованы, влияние их упало после

тяжких потерь под Замостьем и не могло равняться влиянию гетмана и его широкой популярности.

Сам же Богдан попрежнему считал, что «синица в руках лучше журавля в небе»: чем пускаться в бурные авантюры, связанные с походом на Варшаву, лучше заключить на базе одержанных побед мир, который обеспечит привольное житье козачеству, улучшит положение посполитства и уничтожит религиозную унию.

Заключать этот мир Богдан намеревался не с панами, а с королем, чью власть он только и признавал над собою. Поэтому он с нетерпением ждал известий о выборе нового короля^[98].

Хотя неприятель стоял у ворот Варшавы, польский сейм и на этот раз не смог обрести ни решительности, ни единения в своих рядах. Одна партия рекомендовала избрать королем трансильванского князя Стефана Ракочи, указывая, что он тотчас приведет с собою сильное войско. другая выдвигала кандидатуру младшего брата покойного короля, королевича Карла. В разгар споров пришла весть о неожиданной смерти Ракочи. Но тогда возникла новая кандидатура — другого брата покойного Владислава, королевича Казимира.

Вишневецкий поддерживал Карла; Заславский, Оссолинский и Кисель — Казимира. Карл сыпал деньгами, чтобы подкупить шляхтичей; Казимир проделывал то же среди магнатов.

День за днем уходили в бесплодных прениях. Была сделана попытка создать новую армию, но когда стали опрашивать магнатов, сколько людей они выставят на своем иждивении, раздался общий горький смех. «Патриоты» Речи Посполитой, тратившие сотни тысяч на нелепую роскошь, брались выставить по 150, 100 и даже по 20 человек пехоты.

Варшава была, в сущности, беззащитна, и если бы Хмельницкий в этот момент двинулся на нее, он,

вероятно, легко мог бы овладеть его. Паны понимали это. По словам одного русского летописца, «такой страх овладел ляхами, что слышат ли треск сухого дерева, то готовы без памяти бежать к Данцигу, и сквозь сон не один тогда кричал: «Хмельницкий идет!»^[99]

Безумный страх перед Хмельницким оказался решающим мотивом в избрании нового короля: один из претендентов, Казимир, сумел заручиться поддержкой могущественного козацкого гетмана. Неизвестно в точности, как протекали переговоры Казимира с Богданом; повидимому, Казимир обещал развивать программу, намеченную его покойным братом, то есть признать за козаками все вольности и привилегии и осудить Вишневецкого и других панов.

В той политической программе, которую исповедывал еще в этот момент Хмельницкий, король был неотъемлемым элементом государственного устройства (как для донских казаков — царь). Если оставаться в системе Речи Посполитой, но не признавать более политической власти панов, то именно король должен был явиться связующим звеном между ней и козачеством. Недаром Кисель заявил на сейме:

— Короля козаки все же уважают, тогда как Речь Посполитую презирают и ни во что не ставят. Для этих мужиков маестат республики не существует. «А що воно Річь Посполита? — говорят они. — Мы й сами Річь Посполита, ото в нас пан».

Недаром и Богдан, узнав о смерти короля Владислава, приказал править о душе королевской сорокоусты и панихиды и вписать его в церковные поминальные субботники.

Богдан, как и подавляющее большинство козаков, еще полагал в это время, что король необходим. Но какой король? Такой, который будет во всем покровительствовать козакам. С этой точки зрения и подошел Богдан к кандидатуре Казимира. Король,

обязанный своим избранием козакам, — что могло быть лучше? Хмельницкий был слишком опытным дипломатом, чтобы упустить такой козырь. Поэтому, когда Казимир дал ему заверения насчет будущего курса своей политики, Богдан через посредство специально посланных делегатов стал всячески поддерживать его кандидатуру.

Это решило вопрос: 10 ноября в Варшаве был провозглашен новый король — Ян-Казимир.

Выбор этот оказался неудачен и для Польши и для Украины. Швед по отцу, немец по матери, не терпевший ни поляков, ни украинцев, хилый здоровьем и лукавый духом, Казимир был к тому же выучеником иезуитов, воспринявшим от них беспринципность и коварство.

Первые шаги нового короля были вполне в духе тех общественных группировок, которым он был обязан своим избранием. Он приблизил к себе Оссолинского, отказался назначить Иеремию Вишневецкого главнокомандующим, дабы не раздражать Хмельницкого; самому Богдану отправил письмо, в котором писал: «Я избран польским королем по единодушному согласию обоих народов, так как ты сам, Хмельницкий, требовал этого пламенно в некоторых письмах своих, и частных и посланных в сенат. Признай же во мне верховного наместника великого бога, не опустошай по-неприятельски областей польских и перестань разорять моих подданных. Отступи от Замостья: я желаю, чтобы это было первым доказательством твоего послушания»^[100].

Все это согласовалось с политическими видами Богдана, и он без промедлений отдал приказ двигаться обратно на Украину. Татары недоумевали, но Богдан смиренно пояснил им:

— Я подданный и слуга короля и потому повинуюсь его приказаниям.

Недоумевали и поляки; освободившиеся от осады жители Замостья перешептывались, что, верно, бог наслал на Хмельницкого слепоту.

Козаки также терялись в догадках.

— Тільки бог святий знає, що Хмельницький думає, гадає, — повторяли вони, покачивая головами.

Хотя Хмельницкий и король декларировали полное перемирие, война не прекратилась. Слишком велико было взаимное ожесточение. Шляхтичи напали на двигавшийся от Замостья отряд Воронченко и порубили многих; в свою очередь, козаки сожгли поместье пана Замойского. На Украине и в Литве продолжалась беспощадная борьба. Князь Радзивилл завладел Мозырем и Бобруйском, посадил на кол «зачинщиков», а всем, кто так или иначе участвовал в восстании, отрубил руки.

А Хмельницкий тем временем, выступив из Замостья, отправил королю письмо и вместе свои мирные предложения, сводившиеся к тому, чтобы восстановить все козацкие вольности, подчинить козаков через гетмана непосредственно королю, минуя польскую администрацию на Украине, и уничтожить церковную унию.

Казимир тотчас прислал ответ, в котором изъявлял согласие на первые два пункта, а насчет третьего предоставил распорядиться особой комиссией, которая должна была отправиться к Хмельницкому в Киев.

Это послание короля, переданное Богдану на марше от Замостья к Киеву, было преисполнено необыкновенной любезности (очевидно, в благодарность за отступление). Король прислал Богдану гетманскую булаву и хоругвь, а в письме писал:

«Что касается междоусобия, которое, к сожалению, продолжается до сих пор, то мы сами теперь видим и соглашаемся с вами, что причины его те самые, которые

вы изложили в письме вашем, а запорожское войско не виновато».

Итак, король не только обещал удовлетворить требования Богдана, но и освобождал, его от «моральной ответственности» за восстание. Король признавал, что виноваты во всем паны и старосты. Он отменял отныне их власть над козаками. Он сулил козачеству своего рода автономию, а для успокоения остальных классов украинского народа подготавливал уничтожение религиозной унии.

Хмельницкий мог быть доволен: он, в сущности, и не требовал в это время ничего большего.

Признанный уже не только козаками и крестьянами, но и королем, он приобрел еще больше уверенности в своей силе и авторитете. Язык его универсалов делается все безапелляционнее и категоричнее. Он начинает адресовать универсалы не только к предводителям загонов или к украинскому народу, но и к польским дворянам.

«Желаю, — писал он шляхтичам, — чтобы, согласно воле и приказанию его королевского величества, вы не замыслили ничего дурного против нашей греческой религии и против ваших подданных, но жили с ними в мире и содержали их в своей милости. А если, сохрани боже, кто-нибудь, упрямый и злой, задумает проливать христианскую кровь и мучить убогих людей, то виновный нарушитель мира и спокойствия, установленного его королевским величеством, доведет Речь Посполитую до гибели»^[101].

Так, подобно полновластному повелителю, разговаривал с польскими шляхтичами человек, год тому назад бежавший от преследований Чигиринских властей. Весь универсал проникнут гордой уверенностью в том, что желание козацкого гетмана — закон и для польских панов и шляхтичей.

Перед тем как очистить захваченную народной армией территорию, Богдан предостерегает польских помещиков от «мучительства убогих людей».

Хмельницкий очень редко проявлял столь открыто и настойчиво заботу не только о козаках, но и обо всем народе. Универсал этот содержит, таким образом, явные зачатки нового понимания Хмельницким своей политической роли и своего назначения как вождя восстания.

Стремительно несущиеся события, поставившие перед Богданом во весь рост вопросы огромной важности, способствовали тому, что эти, пока еще незрелые, мысли постепенно приобрели законченную форму.

23 декабря 1648 года Хмельницкий совершил въезд в Киев. Он всегда выделял Киев из других городов, называя его своим «столечным местом»^[102]. В самом деле, на Украине не было другого подобного города. В работе В. Антоновича «Киев, его судьба и значение» («Киевская старина», 1882, № 1) приводятся очень любопытные сведения об экономическом развитии тогдашнего Киева.

Снова, как во времена Киевской Руси, город этот сделался средоточием торговых сношении Восточной Европы. В Киев привозили турецкие и персидские ткани, «камку александрийскую на золоте», ковры, шелк, пряности; взамен того экспортировались меха, шубы, луки, стрелы, мед, воск^[103]. В городе имелись обширные склады для хранения рыбы, соли, меда. Торговые люди самых различных национальностей жили тут: генуэзцы, молдаване, русские, греки, турки. Московские караваны двигались по киевским шляхам, и для охраны их киевляне содержали особую стражу.

В городе были широко развиты ремесла. Под «присудом» киевского магистрата находились цехи, в которые входили ремесленники разных специальностей:

кравцы (портные), золотари, постригачи, стрельники, лучники, ковали, плотники и другие.

С XIV столетия в Киеве функционировал монетный двор. Монеты чеканились главным образом для облегчения торговых сношений с Крымом; иногда на монетах даже делали татарские надписи.

В то время дома в Киеве, как и в Москве, строились низкие, одноярусные, в один ряд. По вечерам зажигались лучины — свечей почти не употребляли. Киев подразделялся на две части: Мещанский город и Епископский город. Большая часть улиц были кривые и грязные. Лишь в Епископском городе имелись три широкие, красивые улицы.

Хмельницкий прибыл в Киев под эскортом своей гвардии — 300 волонтеров — и Чигиринского полка. Вся старшина сопровождала его.

Грандиозные успехи, достигнутые украинским народом под его руководством, давали ему основание надеяться на почетный прием в «столичном городе». Однако ни он сам, ни окружавшие его не ожидали того, что произошло.

Все население высыпало навстречу Богдану. Высшее духовенство, во главе с находившимся тогда в Киеве иерусалимским патриархом Паисием, оказало ему знаки глубочайшего уважения как спасителю православия. Депутации школ и различных организаций приветствовали его как «украинского Моисея». Неукротимые разгульные бурсаки, не признававшие никаких авторитетов, выстроились стройными рядами и спели ему латинскую кантату. Все жители от мала до велика провозглашали Богдану хвалу и осыпали его благословениями. Под звон колоколов и гром пушек Хмельницкий направился в Софийский собор. На всем пути шпалерами стоял народ. Женщины высоко поднимали детей, чтобы те могли хоть раз взглянуть на

гетмана. Люди бросались на колени и целовали землю, по которой ступал конь Хмельницкого.

Это было не простое торжество, а поклонение народа тому, в ком он видел своего избавителя и героя.

Вряд ли Хмельницкий мечтал когда-либо о подобных почестях. Во всяком случае, он не стремился к ним сознательно, не домогался их. Не честолюбие руководило им, когда он обнажил свою саблю. Долгое время он отстранял от себя гетманское звание, а теперь патриарх в торжественной речи именовал его «знаменитейшим князем». Это пришло помимо него.

Еще недавно рассуждения Богдана Хмельницкого немногим отличались от хода мыслей Сагайдачного и других козацких гетманов; его планы и цели не шли дальше чисто козацких интересов да еще отмены религиозной унии, что являлось тогда боевым национальным знаменем. Но теперь горизонты раздвигаются. Подхваченный мощной волной народного воодушевления, Хмельницкий по-новому представляет себе конечную цель движения.

Народный энтузиазм при встрече, беседы с образованными людьми Киева раскрыли в новом свете его истинную историческую роль.

Разумеется, Хмельницкий не составил еще четкого и ясного плана. Но теперь в нем пробудилось страстное желание выйти за рамки польско-шляхетского режима, отыскать новые условия существования для всего украинского народа.

«Сова сову плодит, мечта мечту родит», говорит старинная украинская пословица.

Отныне Богданом овладела мечта окончательно освободить украинский народ от польского господства («выбить народ из ляхской неволи», по выражению Хмельницкого) и устроить его жизнь на новых государственных началах. В этом для него определилась его жизненная задача.

XII. ХМЕЛЬНИЦКИЙ — ДИПЛОМАТ

Выбить народ из ляхской неволи...

Но как претворить в жизнь эту новую, великую идею? Мысли давили Богдана, ему трудно было совладать с ними. Он окружил себя знахарками, постился, по несколько часов проводил в молитве. Неожиданно становился надменен и резок, потом столь же неожиданно начинал петь песни и бражничать.

Создать политически самостоятельную, независимую Украину с козачеством в роли ведущего сословия; ни враги, ни союзники не будут влиять на ее внутренние дела; она будет подчиняться только своему гетману — вот вывод, к которому пришел Хмельницкий после длительных, мучительных размышлений.

Кто станет первым гетманом, было для него очевидным. Он знал, что среди козачества нет никого, кто мог бы поднять и понести тяжкое бремя власти. Имя Хмельницкого получает широкую известность в Европе. Суровый диктатор Англии, Кромвель, сам вышедший из народа, обращается к нему, как к равному себе политическому правителю. «Ты, Богдан Хмельницкий, — писал Кромвель, — божьей милостью генералиссимус грековосточной церкви, вождь всех козаков запорожских, гроза и искоренитель польского дворянства, покоритель крепостей...» и т. д.

Из чужих краев являлись посольства с поздравлениями и предложением дружбы. В Переяслав, куда переехал Богдан из Киева, к нему прибыл турецкий посланник Осман-ага: великий визирь извещал, что Турция будет помогать казакам и что уже дано приказание крымскому хану прислать в случае надобности свою орду, силистрийский паша также

вышлет свое войско. Явились послы от молдавского господаря Липула и от трансильванского князя Юрия Ракочи — сына Стефана Ракочи, — предлагавшего военный союз против Польши. И что самое важное и самое почетное — прибыли послы от московского царя.

После Пилявецкого сражения хитроумные паны пообещали царю Алексею Михайловичу избрать его на место умершего Владислава. В надежде на польскую корону царь придерживался благожелательного по отношению к полякам нейтралитета.

Однако по мере того как Алексею Михайловичу становилось ясным, что в Варшаве никто всерьез не помышляет о провозглашении его королем, он все больше охладевал к полякам и становился приветливее с козаками. Послы царя, Унковский и Михайлов, привезли Богдану в дар шесть сороков соболей, а старшине тридцать пар соболей^[104]. Гонец Богдана, Федор Вешняк, привез ему еще три сорока соболей.

Унковский красноречиво говорил о том, что московский царь «жалует и милостиво похваляет» козаков и согласен принять Украину под свою высокую руку, но так, чтобы это не повлекло войны с Польшей.

— Царь примет вас, — заверял посол, — если, даст бог, вы освободитесь от Польши и Литвы без нарушения мира.

— Да мы и теперь свободны, — отвечивал Хмельницкий, — целовали мы крест служить верой и правдой королю Владиславу, а теперь в Речи Посполитой выбран королем Казимир. Мы его не избирали и креста ему не целовали, а они к нам о том не присылали. Значит, мы и теперь свободны и вольны распоряжаться собой. Почему же государю теперь не помочь нам?

На эти делавшие честь дипломатической ловкости Богдана доводы, скрывавшие за собою огромный внутренний смысл, Унковский с деланной наивностью твердил, что гетман не ценит царских милостей. Обе

стороны, конечно, понимали, что дело идет вовсе не о милостях, а о воссоединении в одно политическое целое двух разрозненных, но единоплеменных народов.

Хмельницкий желал добиться твердой уверенности в том, что найдет в лице царя надежного союзника. Он много говорил о том, что, несмотря на внешнюю простоту, украинцы разборчивы и проницательны и умеют ценить свободу державы и народов. Что же касается Москвы, то она должна немедленно объявить войну Польше по двум причинам: чтобы украинский народ уверился в искренности дружбы к нему народа московского и чтобы козаки убедились в мужестве москвитян.

Эти аргументы возымели косвенное действие. Московский посол в Варшаве, Кунаков, начал вести явно вызывающую политику. Дело началось с мелочных придирок. Кунаков обиженно вопрошал, например, отчего в программе предстоявшей ему аудиенции у польского канцлера не сказано, что про здоровье Алексея Михайловича поляки должны спрашивать стоя.

Образовавшаяся трещина углублялась.

«Даже помыслить непристойно и страшно, — писал Кунаков, — как это пань рады хотели в благодарственной грамоте московскому государю написать сперва имя Яна-Казимира, потом имена панов рады, а потом уж имя царя со всеми его титлами». Вскоре сам Алексей Михайлович написал новому польскому королю, что тот «непристойно» выхваляет покойного брата своего «великим светилем христианства, просветившим весь свет», тогда как существует «одно светило всему, праведное солнце — Христос».

Короче говоря, Москва стала исподволь готовить разрыв «вечного мира». Но заключать открытый союз с Хмельницким в Москве еще не решались.

Ведя переговоры с Москвой, Хмельницкий, конечно, вел переговоры и с Речью Посполитой, Приблизительно за месяц до прибытия Унковского в Переяслав прибыли польские послы.

В состав посольства входили: львовский подкоморий Мястковский, новогрудский хорунжий Николай Кисель, брацлавский подचाший Яков Зеленский и секретарь Смяровский. Возглавлял посольство снова Адам Кисель.

Население относилось к послам очень неприязненно; стоило кому-нибудь отстать, как он тотчас подвергался нападению мещан и крестьян. В Чернякове были избиты несколько человек из конвоя.

В Переяслав посольство прибыло 9 февраля. Несмотря на сильный мороз, Хмельницкий выехал навстречу послам на версту от города с большой свитой, с военным оркестром, при полных регалиях. При торжественном въезде посольства в город раздался орудийный салют. Но эта почетная встреча была омрачена в глазах прибывших тем, что квартиры им отвели в разных концах города, — Хмельницкий легко мог следить за общением послов друг с другом.

На следующий день состоялась церемония вручения Хмельницкому присланных королем инсигний (знаков достоинства). Церемония происходила на площади, при огромном стечении народа, в присутствии московского и венгерского послов. Адам Кисель начал заранее приготовленную речь, но его перебил кропивенский полковник Джеджалий. При первом же упоминании о короле он закричал:

— Король королем, а беда в том, что вы, королевята, путаете много и напутали совсем.

Богдан приказал ему замолчать, но эффект речи был испорчен и послы просто передали гетману инсигнии:

Адам Кисель вручил усыпанную бирюзой гетманскую булаву, а брат его, Николай Кисель, — красное знамя с государственным польским гербом (белым орлом).

Тут опять не обошлась без скандала. Среди полковников послышался явственный ропот:

— Зачем вы привезли нам эти цацки? Хотите, чтобы мы, скинувши с себя панское ярмо, опять надели его! Теперь уж с нами не совладаете. Не словами, а саблями отобьемся. Владейте своей Польшей, а Украина пусть остается козакам.

Хмельницкий снова призвал к порядку старшину и пригласил всех на обед. В горнице переговоры возобновились.

Адам Кисель произнес длинную, тщательно подготовленную речь. Он поздравил гетмана с королевскими милостями: с восстановлением свободы исповедания православной религии, увеличением реестра до 15 тысяч человек, с возобновлением всех козацких привилегий, с признанием за Хмельницким гетманской власти.

— За это, — заявил он, — ваша милость, гетман, должны решительно пресечь дальнейшие волнения и приказать простым хлопам остаться в послушании у прежних панов. И надо немедленно приступить к выработке мирного договора.

Предлагаемые Киселем мирные условия, на которые вынуждено было временно пойти польское правительство, близко соответствовали тем, которые предъявлял Богдан, стоя под Замостьем. Но теперь они уже не отвечали требованиям гетмана. Его планы, все его политические представления резко изменились. Не забыл он и того, что «милостивые» предложения поляков последовали уже после Желтых Вод, Корсуни, Пилявы, Львова, что еще не отменена установленная сеймом награда за его, гетмана, голову.

Ссылаясь на отсутствие многих членов старшины, Хмельницкий сначала вежливо отказывался от того, чтобы немедленно начать выработку мирного договора. Но чем дольше он говорил, тем больше желчи и горечи чувствовалось в его словах.

Человек огромной настойчивости и целеустремленности в осуществлении своих планов, Богдан не отличался выдержкой в личном поведении. Он не умел умерять свой гнев, легко возбуждался и тогда мог совершать поступки, которые никак не входили в его расчеты.

Так и теперь он горячился все больше и больше. Вначале Хмельницкий потребовал выдачи ему Чаплинского и примерного наказания Иеремии Вишневецкого.

— В противном случае, — воскликнул он, — или мне с целым запорожским войском погибнуть, или пропасть ляховой земле, сенаторам, всем вашим королькам и шляхтичам!

С негодованием сообщил он, что литовский князь Радзивилл приказал посадить на кол пленных козаков.

— Если это повторится, — пригрозил Богдан, — я велю казнить четыреста пленных поляков.

Обе стороны сидели за столом, преисполненные взаимной ненависти. Кисель, зная, что сила сейчас не на его стороне, соблюдал лисью вежливость и отшучивался на гневные замечания полковников и самого Богдана. Полковники же открыто бранили послов, а Вешняк чуть не прибил одного из них. Богдан сдерживал своих соратников, но его самого уже понесла волна гнева. Он забыл про дипломатические правила и, пылая негодованием, стал говорить все, что лежало у него на душе.

— Прямо заявляю вам, — кричал он, сверля глазами бледных послов, — ничего не выйдет из вашей комиссии; через несколько недель возобновится война. Я всех вас,

ляхов, переверну вверх ногами, всех потопчу и продам в неволю турецкому султану. Король пусть остается! А шляхту надо давить! Провинится князь — руби ему голову; провинится козак — так же с ним поступать надо. Я человек незнатный, но бог сделал меня полновластным правителем моего народа. Если королю это не нравится, то его дело. Вы страшаете нас шведами? И те мол будут. Хотя бы их было шестьсот тысяч, не одолеют они запорожской силы. С тем и ступайте! Завтра будем вести переговоры.

Послы в смятении удалились. Они увидели, что цена, которую они намеревались уплатить за безопасность Речи Посполитой, резко поднялась. Увеличением реестра да открытием православных церквей уже не отделаешься. Возникла опасность лишиться благодатной Украины, даровым хлебом которой кормилась вся Польша.

Старый Кисель придумал новый ход. При следующем свидании он принялся горячо убеждать Хмельницкого «отступить от черни, чтобы мужики пахали, а воевали одни козаки».

В этом была суть всего замысла — последний и главный козырь поляков.

— Если виновен Чаплинский, мы ему не защитники, — говорил Кисель. — Если войско запорожское недовольно землями, мы и здесь уладим; только отступитесь от мятежной черни.

Главная тяжесть борьбы против поляков и главная заслуга в успешности этой борьбы принадлежали крестьянам. Показательно в этом смысле одно письмо львовских шляхтячей, датированное сентябрем 1648 года: «Уже повстанцы русские, овладев всей Украиной, скорее благодаря измене хлопской, чем благодаря штурму и силе неприятельской...» Польская шляхта отдавала себе отчет, что главную опасность для нее

представляет не столько армия Хмельницкого, сколько повсеместные восстания крестьян и мещан.

— Я черни не выдам, потому что это главная наша порука, потому что вы, задавивши хлопов, и на козаков ударите, — отвечал Хмельницкий в страшном возбуждении.

Через все поступки Хмельницкого красной нитью проходит теперь стремление навсегда стряхнуть с Украины польское иго. Он и сейчас не думал еще уравнивать в правах козачество с «хлопами». Но теперь перед гетманом, проницательным политиком, поднявшимся до уровня защиты общенациональных интересов своей страны, прояснилась социальная подоплека восстания. Сумеет ли козачество своими силами справиться с Польшей? А если не сумеет, то кто поможет ему? Только посполитство: «хлопы» да мещане. Значит, надо освобождать из польской неволи и это посполитство, то есть весь народ. А разговаривать с поляками больше не о чем.

— Нечего тут толковать, — заявил Богдан послам, — теперь уже не время. Мне удалось сделать то, о чем я и не мыслил, докажу еще и то, что ныне замыслил. Я выбью из ляхской неволи весь русский народ. Сперва воевал я за свою обиду, теперь стану воевать за нашу веру. Вся чернь, по Люблин и Краков, поможет мне, и я черни не выдам... Буду иметь двести, триста тысяч своих, да и вся орда мне поможет. А ставши над Вислою, скажу всем ляхам: «Сидите, ляхи! Молчите, ляхи!» Загоню туда князей и панов, а будут за Вислою шуметь, я их там найду^[105].

По словам польских комиссаров, гетман «так разъярился, с такою фурией кричал, что мы, слушая, подеревятели».

Теперь положение послов стало вовсе несносным. Хмельницкий держался вызывающе, не скрывая своей антипатии к ним. Когда один поляк, осмелев, напомнил

ему, что он сам был недавно близок к смерти, Богдан пригрозил ему за дерзость виселицей. Полковники еще меньше сдерживались, открыто издеваясь над проявленной ляхами под Пилявой трусостью. А под окнами послов день и ночь толпился простой люд, выкрикивая угрозы.

Предвидя полные неуспех своей миссии, дрожа за собственную безопасность, послы обратились к посредничеству Выговского. Иван Выговский, прошедший польскую выучку, был карьеристом, заботившимся о личных интересах, и нередко продавал свои услуги. Он сумел добиться того, что Богдан вручил послам статьи, которые надлежало положить в основу мирного договора.

Они сводились к совершенному уничтожению унии, закрытию униатских и католических церквей, к восстановлению всех козацких вольностей, к подчинению козацкого гетмана непосредственно королю, минуя всю польскую администрацию, и к недопущению Иеремии Вишневецкого на должность главнокомандующего.

Недоставало главного для поляков пункта: сколько будет реестровых козаков, пользующихся привилегиями и вольностями? На это Хмельницкий с чувством большого достоинства ответил:

— Зачем указывать число? Будет их столько, сколько я захочу.

Послы просили освободить польских пленных; гетман отказал в этом. Тогда Кисель спросил, подпишет ли он сейчас мирный договор на условиях, сообщенных им. Богдан ответил уклончиво, предложив отсрочить подписание договора до середины мая; до тех пор границей между Польшей и Украиной должны были служить реки Горынь и Припять.

Послы «пробовали изменить некоторые условия и предложили свои, но Хмельницкий перечеркнул

поданную ими бумагу. В речи на прощальной аудиенции Кисель сказал:

— Счастье кому служит, того горше оставляет. Оно подобно стеклу прозрачному, но хрупкому. Если польский король не поможет тебе, гетман, своей силою, то другие народы погубят Украину, и кровь невинных падет на твою душу.

— Нельзя удержаться от меча, — возразил Хмельницкий. — И до тех пор будем держать его обнаженным, пока добьемся вольной жизни. Лучше сложить голову, чем вернуться в неволю. Знаю, что фортуна скользка, но справедливость восторжествует. Короля мы почитаем, но шляхту и панов ненавидим досмерти и друзьями их не станем никогда ^[106].

Перед самым отъездом послов Богдан все же стал мягче в обращении с ними; Киселю он подарил серого коня и дал специальный отряд для охраны поместья Киселя (в местечке Гоще). Кроме того, он подарил ему 600 талеров, которые Кисель передал пленным полякам.

Перед отъездом лукавый царедворец пытался еще иным путем отстоять интересы Речи Посполитой. Увидев, что в лице Богдана панская Польша имеет непримиримого врага, Кисель предпринял шаги к организации коварного заговора. Он уединился с Чарнотой и предложил ему свергнуть Хмельницкого и объявить себя гетманом. От имени польского правительства он обещал ему денежную и иную помощь.

Кисель рассчитывал на бурный темперамент Чарноты и на его неоднократные конфликты с Хмельницким. Однако он просчитался: Чарнота наотрез отказался. Тогда, исчерпав все возможности, польские послы покинули Переяслав и, минуя Киев (жители города предупреждали, что не желают посещения его панам), отправились в Польшу, увозя с собой статьи договора и условия перемирия до 2 мая.

«Согласились мы на такое перемирие, — за писал один из участников делегации в своем дневнике, — лишь бы вырваться из тиранских рук и предостеречь короля и Речь Посполитую; да чтобы этим ненадежным перемирием задержать Хмельницкого».

Обе стороны не придавали значения этому соглашению и деятельно готовились к войне. Теперь уже и в Польше почувствовали, что борьба предстоит не на жизнь, а на смерть. Король Казимир, еще недавно рассыпавшийся в изъявлениях благосклонности к козакам, объявил, что лично поведет новую армию. Польское дворянство во что бы то ни стало хотело возвратиться к прежним порядкам, к прежнему «панованию» над русским народом.

Но перевес сил и таланта был на стороне Хмельницкого.

XIII. ЗБАРАЖ И ЗБОРОВ

Еще не истекло время перемирия, а Украина снова огласилась ружейными залпами и застлалась густым дымом пожарищ.

Крестьяне «козачились», «чинили бунты, лупы^[107] и наезды». «Покозачившиеся» — это не то же самое, что козаки. Они не отправлялись сами в походы, а призывали козаков, как регулярную воинскую силу восстания, если им невоготу было справиться с «земянином»^[108] или со старостой своими силами.

В начале весны крупный загон, вожаком которого был сын Кривоноса, прозывавшийся Кривоносенко, действовал в Полесье и завладел городом Острогом. На Волыни, под Житомиром, под Черниговом, под Овручем — всюду действовали загоны, с каждым днем повышавшие свою утихшую было активность. В самом Киеве также было неспокойно. Еще в декабре 1648 года, незадолго перед приездом туда Хмельницкого, мещане толпами ходили по домам, где жили шляхтичи, грабили их, а многих поубивали. В марте следующего года повторилось то же самое.

Польское войско стояло под Константиновом. Отсюда рассылались во все стороны отряды для уничтожения загонов. Многострадальный город Бар, занятый в то время повстанцами, был отбит паном Ляндскоронским; поляки рубили всех, захваченных с оружием в руках. Аналогичные карательные экспедиции производились поляками и в других районах.

Когда истек официальный срок перемирия, эта жестокая «местная» война приняла еще более острые формы. Пользуясь вступлением польского войска в Волынь, паны начали появляться в своих именьях, отбирали у крестьян собранный ими хлеб, а их самих

немилосердно истязали и казнили. Крестьяне, в свою очередь, проникались все бóльшим ожесточением к панам.

Характерны в этом смысле события в Киеве. В мае в город вошла тысячная толпа повстанцев под предводительством киевского цырюльника Полегенького, состоявшего на службе у Хмельницкого, но отпросившегося в отпуск. Киевские мещане тотчас примкнули к повстанцам, и в течение трех дней поляков избивали; более 100 ксендзов и монахов были утоплены в Днепре. Главным вдохновителем киевских событий был брацлавский полковник Нечай, но вполне вероятно, что они произошли с ведома и молчаливого одобрения Богдана. В это время уже начиналась открытая война. Оставленный Киселем в ставке Богдана шляхтич Смяровский был уличен в шпионаже и казнен. Недавние любезности, которыми обменивались новоизбранный король с козацким гетманом, были забыты. Стало очевидным, что теперь слово принадлежит только мечу. Естественно, что Богдан счел необходимым очистить свой «столечный город», являвшийся во многих отношениях образцом для других городов, от шляхетского элемента. Налет Полегенького был самым простым средством для этого, а жестокость такого средства была всецело в духе той кровавой борьбы, которая разыгрывалась на полях Украины^[109].

Положение в стране усугубилось двумя страшными бедствиями. Первым из них был голод. «Того ж року саранча великая была, — пишет летописец, — и збоже зопсовала, же дорожнета великая была и на хлеб, и на соль, и на сено»^[110].

Другим тяжким бедствием явились беззастенчивые действия союзников — татар. Орде было все равно, кого грабить. Пока не возобновилась война с Польшей, татарские загоны шныряли по союзной Украине. «И многие места поплюндровали, — говорит Хмельницкая

летопись, — церкви попустошили, невесты и девицы псотили, стацеи невзмерные брали, коне, быдло и овцы, и много трудности людем чинили»^[111]. Один помещик, пан Щепановский, жаловался впоследствии, что татары разорили его поместье и увели всех женщин. Это было массовым явлением.

С северных рубежей Украины приходили вести одна другой тревожнее: передовая польская армия в составе 20 тысяч шляхтичей и наемных рейтаров и 20 тысяч вооруженных слуг уже стояла наготове. Ее возглавляли старый полководец Фирлей, Александр Конецпольский и Остророг. После долгих переговоров в эту армию прибыл со своим отрядом и Вишневецкий. Сам король спешно собирал «посполитое рушенье» (массовое ополчение) — до 50 тысяч человек — и лично собирался повести его на соединение с передовой армией. С недели на неделю сотысячное войско поляков должно было вторгнуться в Украину и затопить восстание потоками народной крови.

В этой грозной обстановке и вождь восстания и весь украинский народ оказались на должной высоте.

«Побеждает на войне тот, у кого больше резервов, больше источников силы, больше выдержки в народной толще», говорил Ленин^[112]. В грозную годину испытаний в толще украинского народа обнаружались неиссякаемые источники выдержки и самоотверженного мужества. Народ показал себя достойным своих отцов — вольных запорожцев. Стар и млад поднялись на борьбу против грозившего нашествия.

«Все, что было живого, — повествует Самовидец, — поднялось в козацтво, так что вряд ли можно было найти в каком-нибудь селе человека, не собиравшегося в войско или не пославшего туда своего сына. Если же кто не мог итти лично и не имел сыновей, то посылал слугу. Часто все мужчины уходили из дому, оставляя только одного для присмотра, потому что нанять работника было очень трудно».

О том же свидетельствуют побывавшие в то время на Украине московские люди: «Мая де, государь, в розных числех изо всех Польских (то есть украинских. — *К. О.*) городов Запороские козаки и всякие деревенские пашенные люди, конные и пешие, все пошли к Запороскому козачью гетману к Богдану Хмельницкому в сход к Киеву, и в Польских де, государь, городах остались только самые старые люди да самые малые»^[113].

Не только украинский народ прислал своих сынов Хмельницкому, — вся степная удаль Южной Европы явилась сюда: иные в расчете на добычу, иные из ненависти к панам, иные по зову Богдана. Крымский хан Ислам-Гирей привел в июне огромную орду, в составе которой были и степные ногайцы, и буджакские татары, и крымские горцы, и пятигорские черкесы, которых впервые увидели козаки. Турция прислала 6 тысяч румелийцев. Прибыл отряд донских казаков; явились даже отряды цыган.

Трудно установить численность этого разноплеменного войска. Повидимому, под знаменами Хмельницкого двинулось в поход, за вычетом рассеянных вдоль литовско-польской границы отрядов, около 100 тысяч козаков и такое же количество татар и прочих пришлых людей.

Управлять этой колоссальной ратью, говорившей на разных языках, веровавшей в разных богов, совершенно по-разному вооруженной, шедшей в бой во имя различных целей, было задачей неимоверно трудной. Богдан Хмельницкий с этой задачей справился прекрасно.

Польский передовой отряд не принял боя с надвигающимся, подобно туче, войском Хмельницкого и оттянулся в город Збараж — владение Иеремии Вишневецкого^[114]. Хотя поляков было гораздо меньше, чем наступавших, но оборонительные достоинства позиции и значительное превосходство в вооружении до некоторой степени уравнивали положение противников.

1 июля начался общий штурм Збаража. Козаки и татары со всех сторон двинулись на приступ польских позиций, но, поражаемые из пушек и ружей, вынужденные ежеминутно вступать в рукопашные схватки с производившим непрерывные вылазки противником, не добились успеха. На следующий день штурм повторился, но с прежним результатом.

Богдан решил перейти к правильной осаде и взять город измором. Теснимые козаками, поляки постепенно отступали на заблаговременно подготовленные позиции, составлявшие более тесный круг и потому более удобные для обороны. Однако через несколько часов козаки возводили против новых польских окопов высокие валы, с вышины которых обстреливали все закоулки польского лагеря.

По выражению одного польского летописца, козацкие пули летали, как град, так что нельзя было «пальцем сунуть в пустое место». Козаки пускали в город зажженные клубни шерсти, пытались отвести воду, посылали лазутчиков для поджога городских строений, то и дело тревожили осажденных короткими атаками. Как и предвидел Хмельницкий, в Збараже начался голод.

«Великий голод ляхи терпели, илы кони и псы свои коханыи», говорится в Чигиринской летописи.

У осажденных обнаружился недостаток в порохе, а орудия от беспрестанной стрельбы потрескались. Одного гонца за другим отправляли они к королю, прося — пока не поздно — поспешить им на выручку, но все

эти гонцы попадали в руки бдительных козацких патрулей.

И все-таки Збараж не сдавался. Душой обороны был все тот же Иеремия Вишневецкий, умевший уговорами и угрозами поддерживать дисциплину в рядах осажденных.

Козаки и на этот раз проявили много изобретательности. Они подтаскивали высокие штурмовые башни, так называемые «гуляй-городины», рыли подкопы и закладывали пороховые мины под неприятельские траншеи. Чтобы обескуражить ляхов, Богдан велел однажды посадить на коней несколько тысяч соломенных чучел, облаченных в турецкие одежды. Но все было тщетно. Поляки разрушили «гуляй-городины», в подзорные трубы разглядели обман с турками, по дрожанию воды в поставленных на землю сосудах узнавали, где ведется подкоп.

В конце концов крымский хан, рассматривавший всю войну лишь как способ набрать пленных и добычу, решил, что плата за эту добычу оказывается чересчур высокой. Дней через десять после начала осады он принялся выговаривать Богдану, что война требует значительно больше жертв и усилий, чем предвещал Богдан, приглашая татар в союзники. Начав с сетований, хан перешел к угрозам и ультимативно потребовал, чтобы козаки взяли на себя главный удар, который должен привести к немедленному падению Збаража. Вряд ли Богдан придавал серьезное значение угрозам хана, но он использовал их для того, чтобы усилить козацкий натиск в подготовлявшемся им новом штурме.

— Гей, козацы-молодцы! — кричал он во всеуслышание. — Вот вам що до уваги подаю, що мени хан казал: же ежели ему поляков на яссырь не дамы, то сами в неволю до Крыму пойдземы [\[115\]](#).

На следующий день всё козацкое войско пошло на приступ. В нескольких пунктах удалось прорвать линию

защиты и ворваться в город, но из-за недостатка опыта в штурме крепостей козаки не сумели развить достигнутый успех; штурм снова окончился неудачей.

Тем не менее среди осажденных воцарилось глубокое уныние. Они понесли тяжелые потери. Погибло множество знатных шляхтичей: Сераковский, Злоцкий, Свеклинский, Гатарм, Подгоринский и многие другие. Все, что было в Збараже съестного, было съедено. Даже Вишневецкий не мог уже ободрить шляхтичей, все упорнее поговаривавших о сдаче.

Но тут военное счастье улыбнулось полякам: один из гонцов, некто Скржетуский (по другим источникам — Стомпковский), сумел проскользнуть через сторожевую цепь козаков и доставил королю отчаянное письмо осажденных. Ян-Казимир, бездейтельно проведший несколько недель в Люблине в ожидании, пока соберется неохотно выставляемое скупыми панами «посполитое рушенье», тотчас выступил в поход, присоединяя на пути подходившие к нему отряды. Не имея точных сведений о положении дел под Збаражем, король направился не прямо туда, а к расположенному неподалеку городу Злочеву. Получить информацию из-под Збаража оказалось нелегкой задачей: русское население — крестьяне и мещане — с удивительным единодушием уклонялось от показаний, и ни деньги, ни пытки не могли сломить его упорства.

Напротив, Хмельницкому те же крестьяне и мещане доставляли самые точные известия о всех передвижениях королевской армии. Когда «посполитое рушенье» остановилось в местечке Зборове^[116], Богдан, оставив пешие части продолжать осаду Збаража, взял с собою козацкую конницу и всех татар и стремительно двинулся навстречу казимировой армии. Сделал он это столь искусно, что противник не заметил ухода большей части осаждавшей армии.

Энергия осады, естественно, значительно ослабела. Центр тяжести переместился к Зборову.

Хмельницкий еще раз проявил качества первоклассного полководца. Он выбрал момент, когда польская армия начала переправляться по двум мостам через протекавшую близ Зборова речку Стрыпу, и, приблизившись под прикрытием тумана к ним вплотную, бросил в атаку густые массы козацкой и татарской конницы. Поляки имели неопределенные сведения, что Хмельницкий где-то неподалеку, но еще не ожидали нападения. Высланные ими на всякий случай разведывательные отряды были сразу растоптаны несущейся лавиной конницы и даже не успели своевременно предупредить главные силы об опасности. Переправившиеся отряды Сапеги, Оссолинского и Ржевицкого были быстро уничтожены; при этом козаки захватили почти всю польскую артиллерию. Та же судьба постигла ополченцев из Львова, Перемышля и Сана. Около 5 тысяч поляков погибло в этой начальной фазе боя.

Тут только польские хоругви^[117] достаточно оправились, чтобы оказать отпор атакующим. Король поручил правое крыло магнату Оссолинскому, левое — Любомирскому, центр — князю Корецкому. Здесь же находились немецкая наемная пехота и сам Казимир с отборным полком гусар. Введя в бой все силы, королю с трудом удалось отразить яростный натиск козаков, подкрепляемых татарами.

Едва вошла заря следующего дня, как битва возобновилась. Один польский писатель так описывал атаку народной армии: «Одни с палками, другие с косами, топорами, цепями... О, позор! Чем хлоп бил скот, с тем теперь идет в бой».

Часть нападавших проникла в тыл польского расположения и ворвалась в город Зборов, но ксендз Лисецкий собрал польскую обозную челядь и выбил

козаков из города. Ожесточение достигло крайних пределов. Король и окружавшие его паны ясно видели, что с имевшимися у них силами они не смогут выдержать еще день такой битвы. Оставалась одна надежда — подкупить татар и с их помощью добиться перемирия.

В ту же ночь гонец Яна-Казимира передал крымскому хану послание. «Так как ты много обязан покойному моему брату Владиславу, — писал король, — что он, имея тебя у себя в плену, по-царски с тобою обходился и свободно тебя отпустил в твое государство, в котором ты ныне и царствуешь, то поэтому я очень удивляюсь, что ты все это забыл, и я, восставши теперь против моего изменника Хмельницкого, застаю тебя заодно с ним, обнажающего саблю против меня. Если ты желаешь быть признательным к моей дружбе, то я тебе предлагаю мою приязнь и весьма буду рад, если ты сделаешься моим другом, а Хмельницкого оставишь».

Татары принялись обсуждать полученное письмо и «взвешивать, что сулит им больше выгоды: продолжать ли сражаться, или заключить немедленно мир. Во всяком случае, в битве на третий день татары почти не принимали участия. Зато козаки дрались с удвоенной энергией. Богдан понимал, что его коварные союзники готовы с минуты на минуту покинуть поле сражения. Он торопился нанести решительный удар, чтобы обеспечить наиболее благоприятные условия при ведении мирных переговоров.

К концу дня козаки сломали сопротивление неприятеля. Польская линия была прорвана. Козаки оттеснили личную стражу Казимира и непрерывно сжимавшимся кольцом окружили короля с его свитой. Но в этот момент, когда паны с ужасом ожидали, что вот-вот король будет схвачен, раздался громовый голос:

— Згода! Згода!

Снова, как когда-то под Львовом, Хмельницкий ринулся в гущу схватки, чтобы прекратить бой.

Богдан проведал, что крымский хан послал к полякам гонца с мирными условиями; татары больше не сражались. Было очевидно, что одним из польских условий явится требование побудить козаков прекратить войну. Драться сразу против поляков и татар было рискованно. Так лучше уж вступить в переговоры по собственной инициативе, как бы склоняясь на просьбу короля, чем под давлением татар.

Такова была причина, по которой Богдан приказал трубить отбой и лично объезжал поле битвы с повелительным возгласом «згода!», стараясь прекратить сделавшуюся, уже бесполезной битву.

Поляки сладились с татарами быстро. Видя себя на краю пропасти, паны приняли самые невероятные условия Ислам-Гирея. Они обязались уплатить за два года дань в размере 200 тысяч злотых^[118] и впредь платить ежегодно по 90 тысяч злотых. Больше того: король и паны включили в договор позорный пункт (который впоследствии не решались обнародовать), гласивший, что на обратном пути татары могут кормиться за счет населения. Иными словами, польские магнаты во главе с самим королем открыто отдавали польские земли на разграбление татарским загонам.

Паны обещали хану «отдать козакам их вины»^[119], как будто они могли предпринять что-либо иное, находясь в медвежьих объятиях этих самых козаков и каждую минуту ожидая собственной гибели. За это татары обязались воздействовать на Хмельницкого, побуждая его к уступчивости.

Очутившись между двух огней, Богдан с присущей ему решительностью наметил план действий. Выполняя первую часть этого плана, он лично вмешался в битву и спас короля от плена. Хмельницкий понял, что козакам не удастся пожать всех плодов столь успешно протекавшей кампании, — отступничество татар испортило игру в момент, когда на руках были все козыри. Задача состояла теперь в том, чтобы получить максимум оставшегося еще возможным.

Богдан сперва послал побежденному им королю написанное по-латыни письмо, а затем два козацких полковника отвезли в польский стан мирные предложения гетмана. Эти предложения в общем лишь повторяли пункты, предъявленные Киселю в Переяславе. Но у панов оказалась короткая память: хотя только накануне их жизнь, да и существование всей Речи Посполитой находились в страшной опасности, они нашли чрезмерными требования, которые выставил Богдан.

Однако Казимир проявил большое благоразумие. По выражению одного русского летописца, он почел за благо «воротиться домой с целыми ушами». Польская летопись говорит о том же в более выпренных выражениях: «Король, желая привести в послушание мятежников, показал над ними свое милосердие, потому что их нельзя было победить никаким иным образом»^[120].

С помощью Ислам-Гирея полякам удалось добиться у Хмельницкого кое-каких уступок. В окончательном виде Зборовский договор, подписанный 8 августа 1649 года, сводился к следующему: 1. Король восстанавливает все стародавние козацкие вольности; 2. Реестр устанавливается в 40 тысяч; 3. Гетману предоставляется право вписывать в реестр козаков и крестьян из Киевского, Брацлавского и Черниговского воеводств; 4. В этих местностях все должности и чины должны

замещаться только православными дворянами, иезуитам в этих воеводствах воспрещается проживать, воспрещается также размещать в них на постой жолнеров; 5. Православные церкви возвращаются населению, киевскому митрополиту предоставляется место в сенате; 6. Козакам разрешается выкуривать вино для собственных нужд, однако без права продажи, всем участникам восстания объявляется полная и совершенная амнистия; 7. Хмельницкому присваивается звание гетмана, он подчиняется только королю; 8. За Хмельницким укрепляется владение Чигиринским староством.

Несмотря на умеренность условий договора, паны негодовали. Как! Платить жалованье 40 тысячам человек! Не получать от них податей! Ни магнаты, ни мелкопоместные шляхтичи не могли примириться с этим. Они предпочитали новую войну и начали тотчас подготавливаться к ней.

Так был воспринят Зборовский мир в Польше. Что касается Украины, то на первый взгляд здесь должны были встретить его с удовлетворением. Это далеко превосходило прежние планы Хмельницкого, — которые он развивал в первый период восстания. Но в действительности острие Зборовского договора было обращено против украинского народа.

Прежде всего границы козацкой Украины определялись только тремя воеводствами. За бортом остались, не говоря уже о Галичине, Волынь и Подолия — области, активно участвовавшие в движении, поставлявшие в народную армию десятки тысяч бойцов и постоянно подкреплявшие ее.

Что еще важнее, Зборовский мир никак не разрешил основной проблемы, с каждым днем приобретающей все большее значение, — проблемы социальной.

Увеличив численность козаков, Зборовский мир оставил широкие массы в полном подчинении у панов.

Не попавшие в реестр должны были возвратиться в старое звание, «хлопское» или мещанское; польские помещики могли вернуться и вступить в свои права. В основе предусмотренного этим миром социального устройства страны лежал старый тезис панов, усиленно протаскиваемый Киселем в Переяславе: «Козак пусть будет козаком, хлоп — хлопом».

Сословный строй остался незыблемым: все должности должны были замещаться дворянами (только православной веры).

Разграничительная линия между подневольным крестьянством и увеличившимся в численности, получившим большие права козачеством приняла еще более резкие очертания.

Таким образом, основной вопрос — противоречие между интересами двух общественных классов Украины: польских панов и украинских крестьян — не был разрешен Зборовским договором. «Из-под панской власти, — писал один исследователь, — высвобождалось только 40 тысяч человек. Вместе с женами, детьми, слугами и т. д. они могли составить много-много 300 тысяч. Что же значили эти 300 тысяч перед всей той массой народа, которая принимала участие в междоусобной войне? Сотни тысяч, миллионы должны были возвратиться под власть панов и снова отбывать панщину! Но если эта панщина была тяжела и подчас невыносима до восстания, то как народ мог снести ее теперь!.. Тем более, что паны, так много потерявшие, вовсе не намерены были предать забвению прошлое. За что же, оказывается, боролись эти сотни тысяч, эти победители, силой бумажного договора превращенные в побежденных? За булаву Богдану Хмельницкому? За 40 тысяч реестровых козаков? За воеводства русичам^[121] — Киселям и подобным? Нет, народ боролся за то, чтобы на Украине не было «ляха-пана» и не было «унии». Но Зборовский договор не разрешил радикально и

окончательно ни одного из этих вопросов. Ясное дело — народ отвергнет бумажный договор и будет продолжать борьбу».

Народные массы, с таким единодушием откликнувшиеся на призывный клич Богдана, испытали теперь глубокое разочарование. Правда, и в последующих войнах эти массы принимают участие, но уже без былого подъема, скорее под влиянием обстоятельств, под влиянием вражды к возобновившим притеснения панам, иногда даже по прямому принуждению Богдана. Часто вместо того, чтобы проливать кровь за ускользающие результаты движения, «посполитство» предпочитает переселяться на новые места: массы народа эмигрируют на восток, за московскую границу, в так называемую Слободскую Украину^[122] (Харьковщина и близлежащие к ней районы), избавляясь таким путем от польского режима.

Зборовский мир означал перелом в развитии дотоле победоносного восстания.

Почему же Хмельницкий согласился подписать Зборовский договор? Разве не понимал он, что за кажущейся выгодностью этого договора таится грозная опасность для всего движения?

Прежде всего Хмельницкий был вынужден к этому создавшейся политической и военной обстановкой. Отказ от подписания столь выгодного на первый взгляд договора легко мог повлечь войну против объединенных сил поляков и татар, которые, получив дань, всячески готовы были услужить полякам. Результаты этой войны трудно было предсказать, тем более, что за спиной татар стояла Турция, а за спиной поляков — Ватикан, который мог побудить католическую Австрию оказать помощь Польше. Как всегда, Хмельницкий поступил по велению трезвого политического расчета.

Во-вторых, нельзя все же упускать из виду, что положение широких масс значительно изменилось к

лучшему. Правда, они остались под властью панов, но это были уже не прежние всемогущие, презирающие их, считающие себя вне всякого контроля владельцы. Прежние паны были сметены ддящимся уже два года восстанием; по образному выражению Богдана, они были «скасованы козацкой саблей». И теперь, вернувшись в свое разоренное поместье, шляхтич, опираясь на приведенных с собою жолнеров, «чинил кривду» крестьянам. Однако и он сам и жолнеры боялись натянуть слишком туго тетиву — еще свежи были воспоминания о событиях последних лет.

Что касается козацкой Украины (Киевщины, Брацлавщины и Черниговщины), то здесь установилась новое социальное устройство. «Скасованное» шляхетское сословие еще не начало возрождаться. Остались только две общественные группы: «товариство», то есть козаки, и «посполитство» — крестьяне, мещане. На первых порах между этими группами не было значительных правовых отличий. Козаки несли военную службу, посполиты служили государству податями и повинностями, платя их без особого для себя труда то работой, то натурой (хлебом, медом, овсом). С исчезновением из общественной жизни землевладельца-помещика хозяином своей земли стал земледелец-крестьянин, и он расположился там с такими удобствами, о которых прежде не мог и помыслить [\[123\]](#).

И все-таки оба указанных обстоятельства не могут достаточно, убедительно объяснить Зборовский мир. Объяснение можно найти только в характере развития классовой борьбы, которая, в сущности, и определяла события 1648–1654 годов. Приходится констатировать, что перелом, произошедший в сознании Хмельницкого в конце 1648 — начале 1649 года, не был настолько глубок, чтобы радикально изменить его представления о государственном строе. Озарившая, подобно метеору,

его сознание мысль о том, что нельзя поступаться интересами черни, что к ней тянутся корни всего движения, эта мысль отступила на второй план перед привычными воззрениями, обусловленными классовой сущностью политической деятельности Богдана и господствовавшими в его время идеями.

На Украине в первой половине XVII столетия создалось положение, когда, пользуясь выражением Ленина, различные интересы различных классов «сходятся на известных определенных, ограниченных общих задачах»^[124]. Борьба против польского владычества являлась в то время общенародной борьбой: она была в интересах всех классов, всех слоев украинского населения.

Однако по мере развития победоносной борьбы Хмельницкого положение меняется. Как указывает Ленин в той же статье, *«с прогрессом революции изменяется соотношение классов в революции»*^[125], вовлекаются все более широкие массы, более точно обрисовывается классовая физиономия различных партий, неясные и смутные политические и экономические требования заменяются конкретными различными требованиями различных классов.

Классовые интересы украинского крестьянства состояли в полном уничтожении крепостного строя и, как необходимой предпосылке этого, в совершенном уничтожении польского владычества. Но классовый интерес козацкой старшины и украинской (православной) шляхты заключался в усилении их политической и экономической роли в стране. Для этого не нужно было свергать весь социальный порядок, достаточно было частично сломать польские порядки. Осуществить эту ломку возможно было с помощью бурного натиска широких народных масс.

Поэтому старшина, украинская шляхта, городской патрициат и высшее духовенство, в значительной мере

также реестровые козаки и городское ремесленное и торговое мещанство, на первых порах всячески старавшиеся поднять и воодушевить народ, вскоре начали колебаться, пытались ограничить движение и умалить плоды побед. В противоположность крестьянству эти сословия не считали невозможным достигнуть компромисса с панской Польшей, и это сказалося на их позиции.

Эти же причины в полной мере определяли политическую линию Богдана Хмельницкого.

И тем не менее было бы глубокой ошибкой недооценивать историческую роль Богдана. Диалектика эпохи, в которой жил Хмельницкий, была такова, что, борясь за идеалы национальной независимости, он тем самым боролся и за народное дело в собственном смысле слова. Выше было сказано, что первой жизненной задачей своей он поставил уничтожение власти польских панов на Украине; но таково же было страстное стремление народных масс Украины, и — каждый удар, который наносил Хмельницкий польской шляхте, находил горячий отклик в сердцах украинского народа.

Для правильной оценки исторического положения и исторической роли Богдана нужно вспомнить условия, в которых ему суждено было действовать.

Богдан Хмельницкий, как сын своего времени и своего класса, не представлял себе отчетливо другого общественного устройства, чем то, в котором он вырос, которое одно только было ему хорошо знакомо. Он стремился к такому порядку вещей, в котором, отделившись от польской и ополяченной шляхты, избавившись от религиозного гнета, можно было бы создать из козачества — в первую очередь из старшины — новое, свое «шляхетство».

Поэтому и не нужно превратно толковать истинную социальную программу Хмельницкого, не нужно

прикрашивать и лакировать ее. Если понять историческую обусловленность этой программы, она не умалит огромной роли Хмельницкого как талантливоего вождя героической борьбы украинского народа за свою национальную независимость.

Хмельницкий подал сигнал к восстанию и руководил им с несравненным искусством. Подобно тому как князя Александр Невский и Дмитрий Донской или купец Минин Сухорук, не порывая со своим классом, возглавляли национальную борьбу своего народа и стали дороги широчайшим народным массам, так и Хмельницкий навсегда останется в народной памяти, как человек, больше, чем кто-либо другой, в истории прошлого способствовавший свержению польского ига на Украине и воссоединению ее с Россией.

Остается сказать несколько слов о событиях, последовавших за подписанием Зборовского договора и завершивших войну.

На другой день после подписания договора состоялась личная встреча Хмельницкого с Яном-Казимиром. Козаки не очень доверяли рыцарскому слову шляхтичей и потому, отпуская своего предводителя в польский стан, взяли заложником пана Любомирского.

11 августа враждебные армии разошлись. Особый гонец сообщил уцелевшим защитникам Збаража о заключении мира и в связи с этим об окончании осады. Еле живые вышли поляки из крепости. Они были так слабы, что, по выражению летописи, дуновение ветра сваливало их с ног.

Король наградил начальствовавших в Збараже Фирлея и Вишневецкого: первый получил воеводство,

второй — Перемышльское староство и обширные поместья около Хороля, на левом берегу Днепра.

Богдан Хмельницкий в сопровождении старшины отправился из Зборова в Киево-Печерскую лавру, повелев совершать по всей стране молебствия в честь освобождения от польского ига. Из Киева он выехал к себе, в Чигирин.

Однако зборовская эпопея этим не кончилась. Наступил ее последний, страшный акт. Татары, повернувшие обратно в Крым, распустили десятки загонов и безжалостно разоряли все лежавшие в орбите их продвижения области. «Посполитое рушенье» могло бы предотвратить их хищническое буйство, но шляхтичи торопились вернуться в свои усадьбы. Кроме того, существовало тайное согласие короля и доблестных магнатов на разорение незащищенных западно-украинских земель. Татары широко использовали столь удобную для них ситуацию. Были разорены города Бельз, Сокол, Грубешов, Полонное, Тучин, Колки и много других. По свидетельству одной польской летописи, только в местечке Ляховцах татары набрали до 15 тысяч ясыря.

Нередко татары нападали и на своих недавних союзников. Не один козак, сражавшийся вместе с ними на подступах к Збаражу, придя домой, нашел свой очаг разрушенным.

Такова была цена победы. Люди, которые шли с косами на фальконеты ради того, чтобы навсегда избавиться от панских плетей, заранее жертвовали всем для достижения этой цели, для осуществления своей мечты.

XII. МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Во внешнеполитическом отношении 1650 год был для Украины годом сравнительной передышки. Конечно, и теперь еще было далеко до мирного, спокойного жителя. Поводов для волнений народа имелось достаточно, но по сравнению с двумя предыдущими кровавыми годами и столь же тяжелыми последующими это была все-таки передышка.

Богдан деятельно принялся за организацию внутреннего устройства страны. Нельзя не удивляться энергии и государственным способностям этого человека.

Территория нового государства ограничивалась: на западе — реками Горынь и Днестр, до впадения в него реки Егорлык; на севере — реками Припять, Десна и Сейм; на востоке — верхним течением Сейма, Ворсклы и Сулы; на юге — верховьями Ингула и Ингульца вплоть до устья Егорлыка. Кроме того, в нее входили Запорожская Сечь и степи по Днепру.

Теперь пограничными городами Украины являлись: на правом берегу Днепра — Дымер, Горностайполь, Коростышев, Павлочь, Прилуки, Винница, Брецлав до Ямполья по Днестру; на левом берегу — Остер, Нежин, Ромны, Чернигов.

Главное внимание гетмана было обращено на организацию военного сословия, то есть козаков. Хмельницкий еще раньше разделил их на полки, сотни и курени. Под этими названиями понимались не числовые величины, а определенная территория с расположенными на ней населенными пунктами. Центральное управление состояло из генеральной войсковой канцелярии: гетман, обозный (начальник артиллерии и лагерных построек), генеральный писарь

(государственный секретарь), генеральный есаул (своего рода личный адъютант гетмана) и хорунжий (главный знаменосец). В каждом полку имелось свое начальство во главе с полковником; сотней начальствовал сотник, куренем — атаман. Все эти лица составляли козацкую старшину, избираемую посредством свободного голосования и утверждаемую гетманом.

Хмельницкий разделил Украину на шестнадцать полков:

полк Чигиринский с полковником Якубовичем-Вешняком;

полк Черкасский с полковником Воронченко;

полк Корсунский с полковником Мозырой;

полк Белоцерковский с полковником Громыкой;

полк Каневский с полковником Савичем;

полк Уманский с полковником Глухом;

полк Брацлавский с полковником Нечаем;

полк Кальницкий с полковником Федоренко;

полк Киевский с полковником Ждановичем;

полк Переяславский с полковником Лободой;

полк Кропивенский с полковником Джеджиалием;

полк Миргородский с полковником Гладким;

полк Полтавский с полковником Пушкаренко;

полк Прилуцкий с полковником Носачем;

полк Нежинский с полковником Шумейко;

полк Черниговский с полковником Небабой.

Впоследствии образовались еще полки: Павлочский, Стародубский, Гадячский и некоторые другие.

Что представляли собою эти полки? Вот краткие сведения о некоторых из них. Брацлавский полк состоял из 20 городов, 35 местечек, 1 слободки и 10 сел; полк включал 21 сотню. В Уманском полку числилось 14 городов и 13 сотен. Киевский полк состоял из 22 городов и 17 сотен. В Полтавском полку имелось 15 городов и 17 сотен и т. д.

Общая численность населения достигала одного миллиона человек; из них приблизительно 250 тысяч взрослых мужчин^[126]. Национальный состав был однородный. Примерно половину населения составляли козаки с их семьями.

Наиболее крупные украинские города пользовались самоуправлением. Впрочем, употребляя выражение «крупные города», надо оговориться, что это относительное понятие: самый большой город, Нежин, насчитывал всего около 12 тысяч жителей, Киев — около 8 тысяч и т. п.

Гетман являлся главой всей исполнительной и законодательной власти. Его универсалы поднимают страну на войну; он — верховный судья, он заключает договоры с иностранными государствами, ведает казной и пр. Правда, формально его власть ограничена народным собранием — радой, но фактически Богдан редко собирал раду.

Здесь выявилась одна из характерных его черт. Вряд ли можно сказать, что он был честолюбив; во всяком случае, он не стремился к почестям и не упивался ими, когда они приходили к нему. Но в нем отчетливо проявлялось властолюбие. Впрочем, это проистекало не из стремления к власти ради нее самой, а главным образом из того обстоятельства, что себе, своим силам Богдан доверял больше, чем кому-либо другому, и делить власть он не был склонен никогда и ни при каких обстоятельствах.

На особых началах было построено управление Запорожской Сечью. Это был вольный орден низовых козаков, делившийся на 38 куреней, возглавляемых куренными отаманами. Во главе Сечи стоял кошевой,

пользовавшийся большой самостоятельностью. Хмельницкий неизменно проявлял уважение к Сечи и не предпринимал ни одного важного шага, не уведомив кошевого.

Поразительны успехи, которых с первых же шагов достигло молодое украинское государство. Возникли новые города, страна стала благоустроеннее, чем при польском господстве, энергично начали развиваться ремесла. На Украине «установились порядки твердые и стройные, — говорит один исследователь. — Внешние элементы цивилизованной жизни... не только не разоряются, но некоторые из них получают новое, лучшее назначение... Земля обрабатывается, промыслы не прекращены»^[127].

При польском владычестве население тяжело страдало от корыстолюбивых чиновников. В новом государстве между народом и властью не успела образоваться пропасть, создаваемая бюрократическим строем; поэтому при всем несовершенстве нового государственного устройства не было еще крупных злоупотреблений властью.

Население козацкой Украины широко пользовалось своими завоеваниями, особенно в области новых земельных отношений. Возвращавшиеся с опаской в свои имения паны напоминали змею, у которой вырвано жало; на первых порах они вели себя тише воды, ниже травы. Хуторы земледельческого населения, не вошедшего в реестр, мало отличались от козацких хуторов. Заметно оживилась торговля. Города Нежин, Стародуб, Кролевец стали торговыми посредниками между Москвой и азиатским Востоком.

Считанные месяцы, в течение которых страна пользовалась передышкой, не пропали даром. Они делают честь творческой энергии народа и его гетмана.

Но даже это состояние неустойчивого равновесия не могло продолжаться долго. С каждым днем возрастали

требовательность и беззастенчивость панов, с каждым днем множились протесты крестьян, отведавших вольной жизни и не желавших снова впрягаться в панское ярмо. Чтобы ослабить наиболее могущественных панов, Богдан записывал в реестр обитателей их поместий. Он отбирал у магнатов целые села и города, раздавая их во владения старшине на время несения службы. У Конецпольского было отобрано таким образом 70 сел и местечек. У Иеремии Вишневецкого, по выражению летописца, «без счета». Но что могло все это значить для несметно богатых панов, хотя бы того же Вишневецкого, имевшего 200 тысяч талеров годового дохода только от продажи поташа!

Чем ближе подходило к концу составление козацких реестров, тем больше волновались те, кто терял надежду попасть туда. С другой стороны, усилились и домогательства панов.

— Настает зима, — заявил Адам Кисель, занявший пост киевского воеводы, — каждый хотел бы обогреться на своем пепелище, каждому дом свой мил; после двухлетней драки каждый научился держать себя скромно и привлекать к себе подданных.

Кое-кто из панов в самом деле попытался наладить мирные отношения со своими крестьянами. Один крупный польский помещик издал целый манифест: «Усматриваю, что вы, опомнясь от прежних своих преступлений и возмущения, вновь обращаетесь к надлежащему подданству мне, господину своему... в чем поступаете истинно в угоду богу, ибо он в предвечном своем божественном установлении возложил на вас такое состояние, что быть вам подданными, а не панами... Как христианин, прощаю вам все то, в чем провинились вы в нынешние смутные времена... И хочу жить с вами, как отец с сынами своими, лишь бы и вы так же жили со мной, как должно

жить добродетельным сыновьям с отцом, оказывая мне надлежащее подданство и повиновение».

Однако большинство панов не склонны были к подобным лицемерным приемам. Сперва украдкой, потом все более открыто они вылавливали зачинщиков восстания в своих поместьях и подвергали их различным карам. Князь Корецкий в Белоруссии и Иеремия Вишневецкий избрали наиболее зверский способ расправы с главарями: они сажали их на кол.

В различных местностях Украины то и дело вспыхивали волнения: крестьяне не хотели мириться с тем, что бог определил им быть «подданными, а не панами». То и дело какой-нибудь шляхтич, поторопившийся вернуться в свои владения и начать расправу с «хлопами», платил жизнью за свою поспешность. Случалось, в крестьянских волнениях принимали участие и записанные в реестр козаки и даже ближайшие помощники Хмельницкого. Так, по жалобе Киселя гетман привлек к высшему суду миргородского полковника Гладкого, судью Гуляницкого и многих других, обвинявшихся в подстрекательстве против поляков. Желая дать острастку, Богдан добился вынесения сурового приговора: многих наказали палками и приковали к пушкам^[128].

В издаваемых универсалах Хмельницкий требовал, чтобы даже козаки — разумеется, не попавшие в реестр — «паном своим послушными, яко перед тим, повинни быти и жадных бунтов и своеволи не всчинати». Что же касается крестьян, то в универсале от 20 сентября 1650 года гетман писал:

«Дошла нас ведомост, же некоторые своевольные... не будучи паном своим послушными и жычливыми и овшем неприятелми, много шляхъти, панов своих, потопили, позабивали и тепер... на здорове панское наступают и послушными быти не хотят... Про то сим универсалом нашим позволяем... жебы сами панове, веспол с

повковниками нашими Белоцерковским, або Киевским, сурово бы их на горле карали, а тые зас, которые кров невинную пролили и покой нарушили, горлового каранья не уйдут, яко ж и тут за тое не одного на горло скарали есмо»^[129].

Такова была диалектика событий! Вождь восстания, вождь людей, которые в героической борьбе свергли ненавистное иго чужеземцев, ныне самолично призывал к повиновению прежним господам и совместно с ними карал за «ослушание».

Хмельницкий оказался в чрезвычайно трудном, двойственном положении. Он не видел возможности отбиться своими силами от поляков: подкупленные татары отступились от него, а как было в одиночку принудить Речь Посполитую, обладавшую огромными резервами, прекратить посягательства на плодородную Украину! Гетман отнюдь не считал эту задачу невыполнимой, но для решения ее полагал обязательным условием найти иных, более надежных союзников. Поэтому он плел сложную сеть дипломатических переговоров, но до завершения их предпочитал соблюдать «плохой мир», не давая полякам предлога возобновить войну, к которой он еще не считал себя готовым. Но издержки по соблюдению этого мира платили главным образом широкие массы: крестьянство и мещанство.

Однако, помимо польского вопроса, были еще и другие причины для недовольства широких масс.

Хмельницкий и сам был бы рад вовсе прогнать польских помещиков, но на их место прочил коренных, местных, землевладельцев. Вместе со всей козацкой старшиной он оберегал православную, неполяченную шляхту, и когда примкнувшие к восстанию православные шляхтичи обращались к нему с просьбами подтвердить их права на именья, он тотчас удовлетворял их просьбы.

В отторженной от Польши стране сохранились и крупные монастырские владения. В октябре 1649 года Хмельницкий по просьбе настоятеля Густынского монастыря^[130] выдал специальный универсал, «приказующий полковнику Прилуцкому, чтоб козаков и селян мацеевских смирил, которые непослушны монастырю». Это был далеко не единственный универсал такого рода.

Народ же никак не хотел, чтобы с земли, политой его кровью, снимали урожай помещики, хотя бы и православные и богоугодные. Вот почему в широких массах ореол имени Богдана Хмельницкого постепенно начинает меркнуть, популярность гетмана падает, доверие к нему колеблется.

Когда один из самых лютых ненавистников украинского народа, князь Корецкий, применил в своих волынских поместьях военную силу, вспыхнул мятеж, скорее даже восстание. Трехтысячный отряд Корецкого был обращен в бегство. Во главе непокорных встал любимец народа, брацлавский полковник Нечай.

Из Варшавы Хмельницкому было дано знать, что если он не будет решительно проводить польскую политику, он будет лишен гетманского звания. Что было делать? Мобилизовать надежные элементы козачества и выступить против Нечая? Но за Нечая вступилось бы все посполитство. Нечай был даровитым, отважным военачальником, и борьба с ним означала тяжелую, страшную по своим последствиям междоусобицу.

Богдан очутился как бы между молотом и наковальней.

— Поляки поддели меня, — заявил он Киселю. — Они заставили меня заключить такой договор, который нельзя исполнять. Сорок тысяч реестровых! А что я буду делать с остальным народом? Меня убьют, а на поляков все-таки поднимутся.

Это не были случайно сорвавшиеся слова. Общее возбуждение в народе было так велико, что Кисель и сам допускал возможность убийства гетмана и стихийного подъема масс на новую войну. В письме от 4 апреля он прямо указывает, что должно опасаться, как бы чернь не сломила власти Хмельницкого и не восстала снова с другим вождем.

Один из опытейших сотрудников московского посольского приказа, дьяк Григорий Кунаков, находившийся в то время на Украине, сообщал в своем донесении:

«А ныне де у Богдана Хмельницкого с Поляки война будет впрям с тое причины: которые из Войска Запорожского хлопи по пактам учили было приходить в панские и в шляхетские маетности в дома свои, и паны де и шляхта их мучили и побивали и похвалялись: «то де вашему и Хмельницкому будет! дайте де нам справиться». И к Богдану Хмельницкому приходили хлопи, собрався больши 50000 ч., и хотели его убиты «для де чего без нашего совету с королем помирился?»^[131]

Обстановка сделалась настолько грозной, что Хмельницкий почувствовал необходимость разделить ответственность: он созвал в Переяславе раду и представил на утверждение составленные им списки реестровых. После бурного заседания был утвержден реестр в составе 42 тысяч человек (по другим источникам — 47 тысяч). Хмельницкий отослал списки в Варшаву, извинившись за превышение обусловленной к договору цифры, но пояснив, что это вызвано чрезвычайными обстоятельствами.

Тотчас после рады Богдан выехал в Киев. Там собралось множество недовольных. Известие об отправке реестров и, следовательно, о легализации панской власти над всеми, не включенными в списки, произвело огромное впечатление. Произошел настоящий

мятеж. Богдан проявил несокрушимую решительность и хладнокровие и попытался успокоить народ. Он дал обещание послать к королю новое посольство с дополнительными требованиями.

Таким образом, продолжая преследовать непокорных, Хмельницкий сам вынужден был поддерживать в народе мысль о неудовлетворительности Зборовского мира. Двусмысленность его положения день ото дня становилась все резче, все нестерпимее.

Вероятно, тогда-то окончательно рухнула мечта Богдана о независимой козацкой Украине. Уже географическое положение ее на равнине без естественных защитительных границ, в окружении могущественных государств, указывало на трудность, точнее невозможность самостоятельного существования. Хмельницкий яснее чем когда-либо понял, что если Украина не вступит добровольно в союз с каким-либо из окружающих ее государств, то ее быстро проглотит либо панская Польша, либо султанская Турция.

Было и еще одно обстоятельство, побуждавшее его с особенной энергией искать союза: отход широких масс. Обманув упования «черни» (крестьян и мещан), Хмельницкий оттолкнул их от себя, остудил ту пылкость, с которой они несли к нему свои жизни. Только революционное восстание, где к борьбе за национальную независимость присоединялась борьба за социальные права, могло питать энтузиазм народа. Чем же мог отныне Хмельницкий поддерживать в массах их жертвенное горение, их непреклонную волю к борьбе? А

если народ начинает остывать к борьбе, то как сможет страна дать отпор ляхам?

Вывод был один: в осложнившейся обстановке нужно во что бы то ни стало найти сильного, надежного союзника и, таким образом, поднять дух масс, а также найти опору вовне против польского правительства.

Богдан развивает поразительную дипломатическую активность: он снова стучится в ворота Москвы, налагает на себя фиктивную зависимость от турецкого султана, а заодно ведет переговоры с молдавским господарем, с трансильванским владетелем Юрием Ракочи и с королем Швеции.

С Турцией Хмельницкий заключил в 1649 году особый договор, сроком на 99 лет (любопытно, что он подписал этот договор, даже не созывая раду). То было необыкновенно выгодное для Украины соглашение: украинские купцы получали право свободной торговли в турецких водах, в Константинополе учреждался их постоянный торговый склад; против морских пиратов объявлялась совместная борьба; в Константинополе поселялся постоянный торговый резидент Украины; в случае аварии козацкого корабля близ турецких берегов все спасенное имущество передавалось владельцу и т. д. По замечанию одного историка, если бы Украина могла спокойно пожинать плоды этого договора, то через короткий срок она сделалась бы богатой страной.

Но, заключая этот договор, ведя даже переговоры о некоторой политической зависимости от султана^[132]. Богдан не придавал всему этому серьезного значения. То была с его стороны лишь перестраховка да еще демонстрация перед другими державами, имевшая целью повысить его акции. Недаром рассказывалось, что когда Адам Кисель проведал о его переговорах с Турцией, он «с испуга свалился больной».

Однако подлинное стремление Хмельницкого заключалось, конечно, не в том, чтобы связан себя

союзом с Турцией, а в том, чтобы добиться тесного союза с Москвой.

Неоднократные победы Хмельницкого и явное ослабление Польши подействовали на осторожных московских бояр. В боярской думе стали поговаривать, что не худо было бы прервать «вечное докончанье» с Речью Посполитой и, пользуясь тем, что у нее после козацких походов «не много крепости осталось», вернуть обратно Смоленск. А тут произошло еще одно событие: крымский хан вошел в соглашение с Польшей о совместном нападении на Московское государство; к этому он стал подбивать и Хмельницкого. Богдан послал гонца в Москву с извещением о готовящихся кознях. При этом он не преминул заверить, что никогда не выступит против православного царя. В Москве встревожились. Даже самые осторожные из бояр стали соображать, что так или иначе воевать придется: либо с козаками против Польши, либо против поляков и татар при неопределенной позиции козаков.

Отношения московского правительства с Речью Посполитой делались все более напряженными. Симптоматично в этом отношении посольство Григория Пушкина. В начале 1650 года он прибыл в Варшаву. Высланные навстречу паны целый день спорили с боярами насчет церемониала встречи. Паны смотрели на «москалей» сверху вниз, но москали теперь, в свою очередь, третировали поляков. В пылу спора о церемонии Пушкин крикнул пану Тышкевичу:

— Лжешь!

— За такие слова у нас бьют по роже, если бы ты не представлял царской особы, — ответил пан. Пушкин не остался в долгу.

— И у нас дураков бьют, — сказал он, — которые не умеют чтить великих послов.

Дальше — больше! Указав на пана Тыкоцинского, московский посол поинтересовался, отчего он не

разговаривает с ним. Ему сообщили, что пан не знает русского языка.

— Зачем же выслали ко мне дураков? — подняв брови, спросил Пушкин.

Эту фразу Тыкоцинский вдруг понял. Он с яростью возразил:

— Не я дурак, а меня послали к дуракам. Мой гайдук мог бы вести с вами посольское дело.

В ответ Пушкин не замедлил наградить Тыкоцинского крепким словцом.

Неудивительно, что при таком знаменательном начале переговоры все время носили обостренный характер; послы жаловались на то, что в Польше неправильно прописывают царский титул, требовали казни виновных, а заодно возвращения Смоленска и черниговских земель. Дело кончилось тем, что польское правительство, смилив гордыню, приказало публично сжечь «бесчестные» книги с неправильной прописью царского титула. С этим послы и уехали.

Хмельницкий зорко следил за обострением отношений между Москвой и Польшей. Однако до полного разрыва между этими странами было еще далеко. Он с горечью видел, что и сейчас Москва может остановиться на полпути, и тогда придется снова просить помощи у турок и крымцев. А что в помощи явится необходимость, не оставалось сомнений — с каждым месяцем назревала и приближалась новая война с панской Польшей.

Паны и шляхтичи твердо решили добиться аннулирования Зборовского договора. Несмотря на всю неудовлетворительность этого договора для широких слоев украинского населения, он повлек за собою

беспорное ослабление помещичьей власти. Быстрое усиление мощи козачества, численный рост, экономическое укрепление еще больше способствовали этому. Так лучше уж, рассуждали польские дворяне, сражаться сейчас, пока враг не успел набраться сил.

Первым явным нарушением зборовских мирных условий явилось недопущение киевского митрополита Сильвестра Коссова в сенат. Хотя сам король указывал, что в договоре специально предусмотрено участие митрополита в заседаниях сената, ксендзы устроили форменную обструкцию, угрожая покинуть сейм, и добились-таки, что митрополит вернулся в Киев ни с чем.

Хмельницкий послал протест по этому поводу, по ничем, конечно, не мог подкрепить его, и протест остался втуне. Военная партия в Варшаве ликовала. Более сдержанные тщетно старались напомнить о недавних постыдных поражениях, которые претерпели столь петушившиеся шляхтичи.

— Сто наших немцев выстрелят — одного убьют, а когда сто козаков выстрелят, наверно, половина выстрелов в цель попадут. Шутить с ними нельзя, — повторял своим соотечественникам Адам Кисель. — Это не та старинная Русь, что выходила на войну с луком и рогатиной, а опытные воины, по искусству в стрельбе из огнестрельного оружия превосходящее наше войско.

Старый воевода напрасно тратил свое красноречие. Уже забыты были Корсунь, Пилявцы и Зборов; покручивая усы, шляхтичи мечтали о «наказании» «хлопов». Любопытно для психологии польского дворянства письмо, написанное Адамом Киселем киевскому кастеляну.

Оно начинается так: «Увы! Некогда ценили более одного гражданина, чем тысячу хлопов, ныне же безумный дух времени производит то, что хлопы, укрываясь за стенами, остаются невредимы, а сыны

короны... погибают смертью... причиняющей большое горе отечеству». Этот седой старик, «происходивший от русских ребер» полагал, что жизнь одного шляхтича равноценно тысяче жизней «хлопов».

Большинство панов не было согласно и с такой «калькуляцией». Одним из наиболее непримиримых был гетман Николай Потоцкий. Он и Мартин Калиновский выкупились за крупную сумму из татарского плена^[133], куда попали после Корсунской битвы, и, вернувшись в Польшу, были восстановлены в гетманских званиях. Оба жаждали отомстить за поражение и плен. По свидетельству одного тогдашнего историка, Потоцкий «занялся четвертованием малороссиян, начал их сажать на кол». Многим, замеченным в непокорстве, Потоцкий велел отрезать носы и уши и в таком виде пустить их по стране «для назидания».

Григорий Кунаков приложил к своему донесению записку, в которой неизвестный осведомитель сообщал: «Во Львове в темном ряду под ратушем слышал сам, господин мой, что сенаторы польские говорили между собою вслух: лучше де Польскому королевству погибнуть, нежели мы от козаков многое поношенье терпети имамы»^[134].

В Киеве бушевала «чернь», не желавшая больше терпеть на своей шее панский хомут: польские паны все круче завинчивали режим в своих владениях. Зборовский договор горел с двух концов, и Богдан отчетливо видел, что у ворот стоит новая война, которую он напрасно пытался отсрочить.

Теперь он уже перестал призывать к повиновению польским помещикам. Ход событий показал ему невозможность повернуть вспять бурное течение национальной борьбы.

Энергия Богдана, направленная к сохранению Зборовского мира, энергия, которой втайне поражались даже поляки, разбилась. Причиной этого было стойкое

сопротивление масс и, с другой стороны, непомерно растущие аппетиты шляхты. Увидев тщету усилий Хмельницкого, польские помещики единодушно решили прибегнуть вновь к оружию. Даже Адам Кисель, при всей своей относительной умеренности, писал: «...Хлопы не хотят платить никаких податей. Признаюсь чистосердечно, что такой мир мне не по сердцу».

В декабре 1650 года в Варшаве собрался сейм, две недели обсуждавший вопрос о новой войне. Король требовал для начала выставить сорокапятитысячное войско; сейм согласился на тридцать тысяч. Кроме шляхетских полков, в регулярную армию решено было включить наемные отряды: после Тридцатилетней войны по Европе бродило много завзятых рубак, искавших, кому продать свою шпагу. Одновременно было решено созвать «посполитое рушенье». Словом, в Польше началась деятельная подготовка к войне.

И Хмельницкий готовился к новым боевым схваткам. Во всю ширь развернулся его талант искусного, дальновидного политика и дипломата.

Прежде всего он сумел расторгнуть почти заключенный уже союз татар с поляками, направленный против Москвы. Хмельницкий предложил татарам участие в организуемой им экспедиции против Молдавии. В 1648 году молдавский господарь Липул (иначе Лупул) обещал выдать свою дочь Домну-Розанду за старшего сына Хмельницкого, Тимофея. Впоследствии он, однако, нарушил слово. Для Богдана этот брак был важен по политическим соображениям. Поэтому он не пожелал отказаться от своего плана: он дал Тимофею 16 тысяч козаков и отправил его добывать просватанную невесту. Привлекая татар к этой экспедиции, Хмельницкий достигал двух целей: во-первых, давал им возможность захватить богатую добычу, чем уничтожалась побудительная причина для нападения

татар на Москву; во-вторых, облегчал военную сторону похода, на случай если Польша вступится за Липула.

Но Польша не вступилась. Козаки и двадцатитысячная орда рассеяли молдавское войско и, как водилось, основательно пограбили страну. «Хмельницкий вспахивает Молдавию конскими копытами и поливает ее кровью», жаловался бежавший из Ясс Липул. Лишенный возможности бороться с могущественным козацким гетманом, Липул поторопился подтвердить свое согласие на брак Домны с Тимофеем. Тогда Богдан приказал вывести войска из наполовину разрушенного государства.

По распоряжению Хмельницкого, полковник Джеджалий, которому гетман особенно охотно поручал ведение дипломатических переговоров, ездил в Константинополь и получил там заверения в поддержке на случай новой войны Украины с Польшей. Послы Хмельницкого усиленно подбивали трансильванского князя Ракочи напасть на Польшу. Старания их не были напрасны: большое посольство, в котором участвовали и делегаты Крымского ханства, было послано из Трансильвании в Стокгольм с предложением военного союза против Польши.

Все это должно было компенсировать наметившийся отход народных масс от Богдана. Но, как показали события, этого оказалось недостаточно.

Мероприятия гетмана в этот период яснее чем когда-либо демонстрировали силу, упорство, изобретательность Хмельницкого-политика, Хмельницкого-дипломата. Тон его разговоров с панями в это время дышит уверенностью в своих силах, иногда гетман даже тщеславился своим могуществом.

— Як вас тепер почну, то так и скончу, — говаривал он представителям Речи Посполитой, — маю татары, волохи, угры — як наступлю на вас, то буде вже вам вічная пам'ять.

Не раз он вспоминал и Чаплинского, негодовал, что до сих пор еще не сумел отомстить ему за налет на Субботов. Богдан умел страстно и долго ненавидеть, почти ничего не прощая и ничего не забывая.

Особенно резкое недовольство вызвал Зборовский мир среди населения, жившего по течениям Днестра и Буга. Здесь и был район действий полковника Данилы Нечая, чья популярность возрастала в той же степени, в какой падала популярность Хмельницкого. «Бийте ляхов поганских, бо тепер час маете!» кричали люди, шедшие под водительством Нечая.

Богдан держался осторожно с Нечаем, так как знал, что за того горой встанет посполитство. Он даже породнился с ним: выдал свою дочь Степаниду за Ивана Нечая, брата Данилы.

Популярность Нечая была не случайна. В период времени с конца 1649 года до середины 1651 года борьба украинского крестьянства против панщины, против крепостничества достигла наибольшего подъема. В политике же Хмельницкого как раз в этот момент заметно стремление не нарушать мирных отношений с Речью Посполитой. Он добивается гарантии прав козацкой старшины и реестрового козачества и выказывает лояльность к польскому государственному строю.

Крестьянские массы, городская беднота, ремесленники, «работные люди» промыслов, — словом, «низы» решительно выступают против всяких попыток козацкой старшины войти в соглашение с панской Польшей. Однако распыленные массы, лишенные политического и военного руководства, не в силах были

сами решить историческую задачу освобождения Украины из-под власти Польши.

Первоначально Хмельницкий пытался тяжелой рукой подавить антистаршинское движение сиромы на Запорожье. Он усиливает борьбу против Нечая и других вождей крестьянского движения, против городских низов Киева и ряда других городов. Он требует от украинского крестьянства покорности панам, во главе козацкой старшины откалывается от народных масс. Но вскоре наступает перелом.

Бесплодность целого ряда мероприятий, которые пытался осуществить Хмельницкий, быстрая потеря бывшего влияния на массы, начавшаяся эмиграция из Украины как выражение протеста масс, открытые угрозы, заставлявшие опасаться, что он будет попросту сметен народным гневом, наконец уяснение того, что нельзя вести борьбу против панов только ради интересов старшины, что весь исстрадавшийся народ жаждет лучшей доли и достоин получить ее, — все это обусловило перемену в политике Богдана. Он снова становится во главе народной, главным образом крестьянской, освободительной войны.

Польские магнаты и польское правительство способствовали этому. Систематически нарушая условия Зборовского мира, они обостряли недовольство масс и укрепляли Хмельницкого в его решении возобновить войну.

Особенно сильно беспокоил Богдана начавшийся уход населения из украинских земель. Не включенные в реестр мещане и крестьяне, жители Волыни и Подолии, наконец население пограничных с Польшей районов, в первую очередь подвергавшееся ударам военной грозы, толпами снимались с насиженных мест и уходили в Московское государство.

Хмельницкий придумал очень интересную меру, направленную к уменьшению отлива населения, Он

провел в подчиненных ему областях так называемую нобилитацию^[135]; нобилированы, то есть произведены в козаки, были все свободные жители, которые в прежние времена сражались в козацких или запорожских отрядах.

Внутреннее положение Украины зимой 1650 года ухудшалось еще тем, что во всей стране продолжал свирепствовать голод. Мера ржи стоила 45 злотых. «Зажиточные покупали хлеб у московских купцов, — пишет Костомаров, — а бедняки пухли и умирали по дорогам, напрасно стараясь травой и листьями поддержать существование».

Рядом с голодом шествовали неизменные спутники его — болезни и смерть. «Великий был мор по всей Украине, — читаем в Черниговской летописи, — и велми много померло людей свецких и духовных».

Численность населения во многих районах резко уменьшилась. Например, в Луцком повете было в 1648 году 1856 «дымов» в городах и 2841 в селах (под дымом понималось обособленное хозяйство, единица исчисления в тогдашних переписях), а в 1650 году числился всего 471 дым в городах и 1323 в селах. Разумеется, такое уменьшение народонаселения грозило подлинной катастрофой.

Истощенной стране было нелегко снова воевать, но другого выхода не оставалось. Богдан созвал раду и вслед затем издал универсал, извещавший украинский народ о новой войне, призывавший всех к ополчению и запрещавший панам проживать на территории Украины.

Турция предложила прислать вспомогательный корпус, но Хмельницкий отклонил это предложение, правильно рассудив, что появление турок почти в центре Европы взбудоражит все государства. Он настоял лишь на участии в войне Крыма. Ислам-Гирей выступил в поход неохотно, только подчиняясь

турецкому приказу. Как пишет один летописец, «Богдан своей хитростью заставил неверных помогать ему».

Находившийся всегда при Хмельницком коринфский митрополит Иоасаф препоясал его мечом, который сам патриарх освятил в Иерусалиме^[136]. Аналогичные церемонии происходили в Польше: папский нунций Иоанн де Торрес вручил королю освященный меч; в костелах служили молебны, шляхтичи получали отпущение грехов.

Поляки торопились открыть военные действия, рассчитывая, что зимой татары, ездившие на неподкованных лошадях и потому боявшиеся гололедицы, не смогут оказать помощь Хмельницкому.

В феврале 1651 года польское тридцатитысячное регулярное войско двинулось двумя отрядами на Украину. Одним отрядом командовал гетман Потоцкий, другим Калиновский. Как выражается автор «Истории Русов», поляки нарушили мир «самым подлым и бесстыдным образом, не объявив по общему народному праву формальной войны».

XV. БЕРЕТЕЧКО

В числе первых жертв новой войны был народный любимец Нечай. Погубила его собственная оплошность. В козацком войске принято было широко и весело пировать. Сам Хмельницкий был очень привержен к чарке, но никогда не забывал при этом о военной опасности. К сожалению, ему не удалось привить эту способность полковникам. Станислав Освецим^[137] бывший в рядах польского войска, упоминает, что однажды козаки хотели напасть на ляхов, «но этого не случилось, потому что полковники козацкие были отуманены вином, как о том впоследствии показали пленные». Нечто подобное произошло с Нечаем. Выступив навстречу отряду Калиновского, он послал вперед разведку под начальством надежного козака, сотника Шпаченко, а сам остановился в местечке Красном, недалеко от города Бара, и принялся справлять масленицу. Матерый волк, Калиновский сумел окружить отряд Шпаченко и целиком уничтожить его, так что ни один человек не мог подать весть Нечаю. Темной ночью, когда трехтысячное войско Нечая спало тяжелым сном после обильного возлияния, в местечко ворвалось 7 тысяч жолнеров и шляхтичей. у Нечая было еще время для отступления, но он не пожелал «марать козацкую доблесть» и принял бой.

В узких, кривых улочках, в темноте завязалась страшная битва. Нечай на неоседланном коне носился по Красному, рубя врагов. Жители местечка приняли участие в битве и поражали ляхов чем только могли. Сперва поляки были вытеснены, но, получив подкрепление, возобновили натиск. Неравенство сил было чересчур велико. Козаки были перебиты, сам Нечай, раненный в правую руку, взял саблю левой и

бился, покрытый ранами, пока не был убит шляхтичем Байдузою.

Началась дикая расправа: не говоря о пленных козаках, все население Красного от мала до велика было вырезано. Тело Нечая было изрублено и брошено в реку. «Только голова Нечая спаслась от посрамления, — писал один историк: — русские как-то унесли ее и предали погребению где-то в церкви великомученицы Варвары и произнесли над нею заветное прощание: «Прощай, козаче! Слава не вдре, не поляже!»

Так погиб Нечай, но на смену ему тотчас выступил другой полковник, не менее любимый в народе и еще более талантливый. То был Богун.

Гетман Калиновский занялся опустошением местности, лежащей между Днестром и Бугом. Был разграблен город Шаргород, местечко Черняховцы, вслед затем Калиновский послал князя Иеремию овладеть городом Ямполем. Вот что пишет по этому поводу Освецим в записи от марта 1651 года:

«Гетман послал полки князя воеводы русского (так звался у поляков Иеремиа Вишневецкий. — *К. О.*) и пана хорунжия коронного в местечко Ямполь. Они ночью захватили Ямполь врасплох, перерезали поголовно всех жителей, местечко сожгли и овладели богатой добычей».

На протяжении всей своей истории украинский народ доказал, что он «страха не страшится», что посредством террора с ним не справиться. Поголовное вырезывание жителей отдельных местечек не способствовало умиротворению края, — напротив, вызывало взрыв бешеной ненависти против ляхов. Послушаем того же Освецима:

«Войско наше двинулось к местечку Стину, где затворились козаки и крестьяне из разных местечек. Во время похода приехали к войску двое мешан, посланных, как кажется, войтом без ведома черни; они

просили мира от имени всех жителей и взялись проводить войско в Стину. Но едва наши приблизились, из местечка в лежащие на пути хутора выбежало множество хлопов, вооруженных самопалами, луками и другим оружием. При приближении войска они стали стрелять, произносить угрозы, преподносить кукиши и, забыв всякое приличие, выставляя задние части тела. Довольно долго они защищали вход в хутора и в нижний город, наконец несколько легких хоругвей... овладели городом».

Люди шли с луками на пушки, а если не было и луков, то, обуреваемые ненавистью к ляхам, показывали кукиши, зная наверное, что будут изрублены за это. Такое было настроение народных масс, когда разнеслась весть, что появился Богун со своим отрядом.

Богун решил впредь до прибытия подмоги, которую он срочно затребовал у Хмельницкого, задержать неприятеля в Виннице. Оставив в винницком монастыре небольшой гарнизон, он двинулся навстречу полякам. Встреча произошла на реке, еще покрытой льдом. Козаки не выдержали удара и стали отступать, потом побежали. Жолнеры с улюлюканьем помчались вслед за ними. Никто не обратил внимания на разбросанную по льду грязную солому. Но едва поляки в разных местах ступали на эту солому, лед под ними проламывался. Оказалось, что Богун велел заблаговременно сделать множество прорубей и, когда они затянулись тонкой коркой льда, распорядился прикрыть их соломой.

Уловка удалась как нельзя лучше. Много жолнеров и шляхтичей утонуло, много было убито вернувшимися из притворного бегства козаками.

Калиновский во что бы то ни стало желал овладеть винницким монастырем, в котором заперся Богун, но все усилия его разбивались о предприимчивую, стойкую защиту козаков и жителей города. Богун был вездесущ. Не смыкая глаз, он сражался на стенах, организуя

вылазки, изобретая все новые и новые козни для осаждавших.

После нескольких неудачных штурмов Калиновский сделал козакам обычное в то время предложение: пусть козаки заплатят «окуп» (выкуп), и они будут выпущены на все четыре стороны. Прекрасно зная, чего стоят обещания панов, Богун отказался. Этим он спас жизнь себе и всем, кто сражался под его начальством. Станислав Освецим раскрывает в своем дневнике коварный замысел поляков. «Войску нашему, — пишет он, — действительно приказано было отступить с поля и укрыться в замке, а также в улицах и среди домов в городе, но оставаться в строю. Предполагалось употребить следующую хитрость: когда козаки выйдут из укреплений, окружить их в поле со всех сторон и потребовать выдачи старшины и оружия, а если они не согласятся, разгромить их окончательно».

Богун отсиделся в своей крепости; на помощь ему подоспел крупный отряд полковника Глуха. Весть о приближении Глуха вызвала страшную панику в рядах поляков. По выражению современника, повторилась пилявецкая история: шляхтичи удирали во все лопатки, бросая возы с добром, коней и оружие. А жители Винницы, как горестно сообщает Освецим, «проводжали наших обычными криками, прилагая к ляхам разные оскорбительные эпитеты: цыгане! беглецы безмозглые! пилявчики!»

Теперь представился удобный момент, чтобы ударить на поляков: «посполитое рушенье» еще не соединилось с регулярным войском Потоцкого и Калиновского, и можно было разбить их поодиночке. Однако Богдан предпочитал дожидаться своих союзников — татар. Он слал в Крым гонца за гонцом, прося ускорить прибытие войск, но Ислам-Гирей отделивался обещаниями. Драгоценное время проходило без пользы.

Под стяг Хмельницкого снова стекались со всех сторон бойцы, полные решимости дать отпор ляхам. Но войска было все же на этот раз меньше, чем в 1649 году, а из имевшихся крупные силы пришлось отрядить для защиты украинских границ со стороны Литвы; 20 тысяч человек под командой черниговского полковника Небабы были выделены для этой цели. Что еще важнее, в собравшемся войске не было прежнего энтузиазма. И теперь тут господствовали суровый дух, мужество и презрение к смерти, но что-то подтачивало боевое настроение, какое-то смутное недоверие к гетману; память о днях, когда он требовал повиновения панам и казнил тех, кому это оказывалось невмоготу. Не нравилось козакам и возобновление союза с татарами: все помнили, как тяжело пострадала от татар украинская земля после заключения Зборовского мира.

У Хмельницкого собралось большое — тысяч в восемьдесят — войско, но это было не прежнее войско. Совершилось то, чего он опасался, из-за чего так лихорадочно готовил себе союзников: массы начали отходить от него. И первые схватки, гибель Нечая еще усиливали его тяжкое раздумье. К тому же новый удар поразил его.

Его жена, красавица, из-за которой вспыхнула вражда его с Чаплинским и которую он теперь возвеличил и окружил богатством и почетом, изменила ему. Изменила с простым часовщиком, которого он же сам пригрел и сделал управляющим в Чигирине. Любовники не только обманывали его, но и обкрадывали. Это и погубило их: обнаружив пропажу одного бочонка с червонцами, приготовленного для расплаты с татарами, Богдан поручил сыну своему Тимофею произвести следствие. Тимош взялся за управителя, тот под пыткой сознался в краже, а также и в любовной связи с женой гетмана.

Тимош не любил мачеху и, сообщив обо всем отцу, вероятно, еще сгустил краски. Богдан был потрясен нанесенной ему обидой. Человек бешеных страстей, он остался таким и по отношению к женщине, красота которой много лет волновала его кровь: он приказал сыну предать виновных позорной казни. Любовники были раздеты донага, связаны друг с другом веревками и повешены на воротах.

Один монах, старец Павел, в письме царю Алексею Михайловичу сообщал: «Мая в 10 день пришла к гетману весть, что не стало жены его и о том гетман зело был кручинен».

Богдан, веривший в предзнаменования, должно быть, не однажды тяжело задумывался над тем, при каких роковых обстоятельствах начинается новая война: не стало лучших его соратников, не стало близкой ему женщины, нет былой уверенности в войсках, которые, как он знает, стали разочаровываться в нем.

Узнав о том, что «посполитое рушенье» во главе с королем должно вскоре соединиться с регулярной польской армией, Хмельницкий, не дожидаясь дольше хана, предпринял активные действия. Сорокатысячный отряд под командой Джеджалия был направлен под Каменец, где расположился Потоцкий; сам Хмельницкий с 20 тысячами двинулся к Тарнополю. План был хорош, но упадок воодушевления в рядах козаков, некоторая инертность Хмельницкого, связанная, вероятно, с его семейной драмой, и, наконец, необычно решительные и энергичные действия поляков сказались и не дали козакам победы. Молдавский господарь предупредил Потоцкого, и Хмельницкому не удалось нанести задуманный удар. Вдобавок Джеджалий раздробил свои силы, часть их выделил для осады хорошо укрепленного Каменца, а в погоню за Потоцким послал только часть войска, которая была разбита поляками.

В средних числах мая королевское ополчение соединилось с передовой польской армией. Хотя теперь у поляков не наблюдалось прежней беспечности и пренебрежения к врагу, но порядка в их огромном войске было мало. Станислав Освецим свидетельствует, что царила ужасная неразбериха. Когда стали прибывать полки, часовые у королевской палатки приняли их за неприятелей, что вызвало большое смятение. Король же напустился на ни в чем не повинных начальников полков и «стал неприлично ругать всех, произнося королевскими устами площадные слова и матерную брань, что многих сильно скандализировало».

Тот же автор сообщает, что поляки, зная по опыту крепость козацкой сабли, попытались получить помощь у Москвы, повернув дело так, что и у Москвы и у Польши общий враг — татары, с которыми надо управиться сообща. Однако московское правительство ответило уклончиво. «Управьтесь сперва сами со своими хлопами, — заявили в Москве польским гонцам, — а потом уже мы вам окажем помощь против татар».

В конце концов польская армия, достигшая огромной численности (около 100 тысяч человек), двинулась к местечку Берестечко, расположенному на реке Стыре, недалеко от города Дубно. Командовавший авангардом Конецпольский усмотрел там наилучшую позицию, поскольку можно было опереться на Берестечскую крепость.

В этот момент к Хмельницкому подошли, наконец, татары. Гетман задумал ударить на польскую армию во время ее марша к Берестечку, среди болот. Но высланный для наблюдения за его действиями Иеремия Вишневецкий взял в плен несколько козаков, и те под пыткой выдали этот план.

Еще раз представился Богдану удобный случай для атаки, когда громадное польское войско в невероятном

беспорядке переправлялось через Стырь. Но стечение неблагоприятных обстоятельств помешало ему использовать эту возможность. До козаков дошли вести, что татары уже разоряют Украину, и они неохотно удалялись от родных хат; главное же, Хмельницкий не верил хану, и это связывало и сковывало его. Лазутчики донесли ему, что у поляков завязались тайные сношения с Ислам-Гиреем, а Богдан знал, что теперь хан особенно склонен к измене, так как предпочитает грабить московские земли и воюет только по приказанию Турции.

Не встречая препятствий со стороны противника, поляки переправились через Стырь и 17 июня двинулись к Дубно: там была крепость, а перед ней открытая местность, гарантирующая от засад и всяких неожиданностей. Но в это время получилось известие о приближении армии Хмельницкого.

Вечером 17 июня 1651 года войско Хмельницкого сблизилось с занявшей надежную позицию польской армией. У Богдана было 75 тысяч своего войска; численность татар определяется различно: от 20 до 100 тысяч человек. Повидимому, первая из этих цифр гораздо ближе к истине.

Татары стояли на левом фланге; в центре и на правом фланге — спешенные козаки, а правый фланг был укреплен еще и конницей.

Польской армией начальствовали: в центре — король, на правом крыле — Потоцкий, на левом — Калиновский. Весь цвет польской знати собрался здесь. Под командой Потоцкого сражались: Ляндскоронский, Опалинский, Любомирский, Сапега, Конецпольский, Собесские^[138]; на левом крыле — Иеремия Вишневецкий, Замойский, Заславский, генерал Донгоф; в центре плотными рядами стояли наемная немецкая пехота и отборные полки шляхтичей. Вдоль всей линии польских войск были расставлены пушки, артиллерией

командовал Пржземский. Его распорядительности обязаны были в значительной мере поляки успехом, потому что татары плохо переносили оружейный обстрел, а Пржземский именно их особенно настойчиво забрасывал ядрами.

Из 34 битв, которые довелось дать Хмельницкому, битва под Берестечком выделяется тем, что в ней сотысячные силы противников были охвачены небывалым ожесточением. Поляки дрались тут необычайно стойко; войска Богдана, хотя и хуже вооруженные, проявили обычное презрение к смерти и геройскую удаль. Но дело решили татары.

Уже в первой фазе боя козацкие военачальники начали беспокоиться о поведении татар. Подьячий Григорий Богданов, доносивший из Украины царю Алексею Михайловичу об этом сражении, пишет: «А Крымской де царь им козаком помочи не учинил, и стал своими людьми от того места, где они козаки с Поляки бились, верстах в 3-х... И писарь де Иван Выговской, быв у Крымского царя, приехав в обоз, полковником и войску Запорожскому сказал, штоб стояли осторожно, потому что Крымской царь помогать им не хочет... И то де знатное дело, что Крымской царь им изменил»^[139].

Однако, каковы бы ни были тайные замыслы Ислам-Гирея, он не сразу привел их в исполнение — потому ли, что опасался имевшихся в его стане специальных соглядатаев турецкого султана, потому ли, что хотел выждать и посмотреть, «кому бежать решит заря». В первый день битвы, 19 июня, бойцы Хмельницкого энергично нападали на королевские войска. Началось, как обычно, с джигитовки и поединков, затем козаки совместно с 10 тысячами татар ударили на одно крыло польского расположения, опрокинули шляхту, но были отбиты подоспевшими жолнерами и немецкими наемниками. Поляки потеряли в этой схватке многих знатных панов и шляхтичей: люблинского старосту

Оссолинского, князя Козика, ротмистра Иордана. У татар был убит воинственный Тугай-бей, первый союзник Хмельницкого, сделавшийся его преданным другом. Его сабля досталась Марку Собесскому^[140].

Ночь прошла тревожно. Богдан послал отряд козаков, который, бесшумно переправившись через Стырь, напал на немецкую пехоту и многих переколол.

Утром следующего дня оба войска снова выстроились на равнине. «С утра был густой туман, — пишет Н. Маркевич. — Обе армии были задавлены мглою, в девять часов она рассеялась, открылось зрелище, которое заняло душу и неустрашимых; блеск оружия, стон земли под конницею приводили в изумление».

Король ободрял свою армию. Хмельницкий в горностаевой мантии, препоясанный освященным мечом, скакал между рядами козаков, «и голос его, приводивший врагов в трепет своей резкостью, разносился на далекое пространство».

Никто из противников не желал первым начать атаку: король не хотел терять выгод своей позиции и мощной артиллерии, козаки выдвинули вперед знаменитый табор, составленный из трех рядов сцепленных телег. В три часа пополудни Иеремия Вишневецкий повел в атаку 18 хоругвей. Сам он мчался впереди, с обнаженной шпагой, без шапки и без панцыря. «Стремительным и быстрым движением, — говорит Освецим, — они заставили попятиться все козацкое войско и разорвали табор, хотя при этом и сами понесли чувствительные потери». Вишневецкого поддержали полки Конецпольского, а следом за ними вся польская армия перешла в наступление. Пржземский придвинул артиллерию и осыпал градом ядер позицию козаков и татар. Козаки, дрогнувшие на своем правом фланге под напором Иеремии, опрокинули зато в центре прусскую и курляндскую пехоту. Поляки

бились с небывалым ожесточением, но трудно было предсказать, на чью сторону склонится окончательная победа.

В этот момент Ислам-Гирей неожиданно покинул свой наблюдательный пост на холме и, сопровождаемый всеми мурзами, поскакал с поля битвы. Заметив это, вся татарская орда обратилась в стремительное бегство, бросая свои арбы, награбленную добычу, раненых, больных и мертвых.

Трудно сказать, что вызвало эту панику. Впоследствии хан заявил, что на него и на его войско напал великий страх вследствие яростного натиска неприятеля и особенно из-за пушечного огня, но скорее всего тут не обошлось без обдуманной измены по договоренности с поляками. Как бы там ни было, левый фланг позиции оказался открытым, и польские хоругви стали быстро заходить в тыл козакам. Хмельницкий с конницей бросился туда, чтобы закрыть прорыв, но не мог пробиться из-за начавшейся суматохи.

Тогда произошло событие, являющееся самым непонятным во всей цепи неясных событий, связанных с этой битвой: Богдан круто повернул коня и в сопровождении еще нескольких человек поскакал вслед за ханом.

Что побудило его так поступить? Враждебно настроенные по отношению к гетману историки построили целый ряд гипотез и домыслов: Богдан, дескать, опасался, что козаки выдадут его полякам, чтобы за его счет купить себе почетный мир. Богдан сознательно предал свое войско, доверив командование пехотой изменнику Гурскому, и как раз это повлекло бегство хана и т. д. и т. п.

На всех этих «исторических сплетнях» не стоит останавливаться. Вся предшествующая и вся последующая деятельность Богдана ставит его неизмеримо выше подобной клеветы. Во всем, что он

делал, красной нитью проходит сознание огромной важности государственной и национальной идеи и неуклонное (пусть с временными зигзагами), исполненное ответственности служение этой идее.

Не прошло и двух недель со дня злополучной битвы под Берестечком, как гетман энергично организовал новый отпор полякам, что, конечно, никак не вяжется с досужей версией об его «измене». Что касается предположения о бегстве Богдана «страха ради», то и оно не выдерживает критики: десятки и сотни раз он доказал, что трусость он презирал.

Причина ухода Хмельницкого с поля сражения заключалась, конечно, в том, что он надеялся посредством личного вмешательства уговорить хана вернуться^[141]. Однако Ислам-Гирей хорошо продумал игру, которую начал. Возобновлять борьбу с поляками он отнюдь не намеревался, зато появление у него беззащитного гетмана натолкнуло его на мысль, что не худо бы придержать у себя этого неукротимого человека: такая карта всегда могла пригодиться. Поэтому хан не только не прервал поспешного отступления, но и не отпустил из своей ставки Богдана, сделав его фактически пленником, Богдан находился под стражей, по некоторым сообщениям — даже связанный^[142].

Станислав Освецим сообщает, что Хмельницкому удалось выкупиться за 150 тысяч талеров. Быть может, он и в самом деле дал татарам выкуп, но большего внимания заслуживает информация, переданная царю Алексею Михайловичу его украинским агентом, подьячим Григорием Богдановым. Там имеется указание, что Иван Выговский «поехал наскоро на Украину к войску, которое войско оставлено было для береженья пограничным городам... И он да тех Татар велел козаком побивать и полон и всякую добычу отнимать... И он де козаком наказывал, чтоб они Татаром говорили: будет

гетмана Крымской царь вскоре не отпустит, и он, писарь, собрав войско, тотчас пойдет и станет его ждать на перевозах и учнет на перевозах людей его побивать... и Крымскому де царю учили, пришед многие мурзы, говорить: для чего он у себя гетмана держит и с Войском Запорожским нелюбов всчинает? И Крымской де царь говорил, что он гетмана держит при себе по любви... и он де велит его, гетмана, отпустить и проводить до Украинных его городов»[\[143\]](#).

Выговский заговорил с ханом на самом понятном для того языке, и результат не замедлил воспоследовать; что касается выкупа, то это очень правдоподобно: деньги татары брали во всех случаях: и с врага и с союзника.

Исчезновение Хмельницкого, разумеется, произвело плохое впечатление на его войска. Поле битвы осталось за поляками. Однако отступление было совершено козаками в относительном порядке. Принявший начальство Джеджалий отвел армию на новую позицию. За ночь козаки вырыли с трех сторон окопы и поставили сцепленные возы. С четвертой стороны их прикрывало глубокое болото.

Когда прошел первый приступ ликования, паны принялись обсуждать, что делать дальше. Штурмовать ли козацкий лагерь или повести осаду? «Предприятие это было нелегкое, — пишет Освецим, — табор козацкий был многолюдный и огромный, так что конца его не было видно, в нем пылали многочисленные костры и кругом возвышались сильные земляные укрепления, притом козаки уже находились в отчаянии, а отчаяние даже боязливых делает храбрыми».

Решили осаждать. Со всех сторон полетели в козацкий лагерь ядра и пули. Козаки энергично отвечали, но, конечно, их огонь был значительно слабее польского. Джеджалий послал к королю парламентаров с единственной целью: добиться хоть на день перемирия и увеличить брустверы. Ночью козаки под начальством Богуна совершили вылазку, нанесли большой урон осаждающим и перетащили к себе несколько пушек. Паны злобствовали. Обсуждая условия, на которых следует договориться с козаками, «одни заявляли, что надо оказать милосердие, казнив смертью только старшину и особенно выдающихся бунтовщиков, другие же настаивали, чтобы, дав слово относительно прощения и потом отняв пушки и оружие, распределить пленных по полкам, перебить их поголовно, отнять у оставшихся все привилегии, на вечные времена запретить употребление оружия, истребить их веру и навсегда уничтожить самое имя козаков»^[144].

Положение осажденных день ото дня становилось все более критическим. На узком пространстве были заперты многие десятки тысяч людей, в значительной части незнакомых с дисциплиной, не обладавших выдержкой и хладнокровием. Управляться с ними было очень трудно. Отряд в тысячу козаков под начальством полковника Балабана был поставлен позади лагеря, чтобы препятствовать уходу мелких партий.

Болото, которое прикрывало тыл осажденных, играло теперь для них роковую роль, препятствуя отступлению. В одну из первых ночей козаки сумели перебраться через него, применив чрезвычайно остроумный прием — один из тех, который обессмертил их имена в истории народных войн: они разложили пики свои по болоту, по пять вместе, на шесть вершков одну от другой, причем концы пик соприкасались так, что образовался один, сплошной ряд. Затем козаки начали

перекатываться по пикам, переворачиваясь с боку на бок; последние, выбравшиеся на твердую землю, переволокли за собой все пики.

Но поляки усилили наблюдение, и повторить эту операцию более не удалось. С мужеством отчаяния козаки пытались улучшить свое положение. В ночь на 24 июня они произвели вылазку, потеснили два полка, но на другой день были снова выбиты Конецпольским.

Погода была очень неблагоприятна для осажденных. 25 июня Освецим записывает: «Ночью козаки готовились к сильной вылазке, но ливень, продолжавшийся в течение всей ночи, помешал им».

В этот же день поляки получили радостное для них известие: князь Януш Радзивилл разгромил под Черниговом выделенный Богданом заслон, которым командовал Небаба^[145]. Случилось это так. Небольшой польский отряд переправился через Днепр и напал на козацкие гарнизоны. Небаба с пятнадцатитысячным войском устремился на поляков, а в это время Радзивилл с крупными силами переправился на фланге у Небабы и окружил его. Застигнутые врасплох козаки были разбиты. Небаба долго отбивался от врагов. По выражению польского летописца, он «не допустил взять себя в плен; когда ему изранили правую руку, он защищался левою, пока его не убили».

Восхищенные таким поворотом военного счастья, паны решили покончить с осажденными. 26 июня они открыли огонь из всех пушек. «Началась такая пальба, что козаки, как сами они сознавались, думали, что земля под ними провалится». В польском обозе было слышно, как ядра ломают козацкие возы.

Козаки послали делегатов с просьбой о мире. Потоцкий зло насмеялся над козацкими послами, паны старались всячески унижить их. Послы покорно сносили все обиды.

В конце концов Потоцкий сообщил мирные условия: от козаков требовалось выдать Хмельницкого, Выговского, шестнадцать полковников, примкнувших к восстанию православных шляхтичей, разорвать союз с татарами, отдать все пушки, распустить по домам всех «хлопов», а самим ожидать решения сейма о новом устройстве козацкого войска.

Послы принесли эти условия в козацкий лагерь. Состоялась массовая бурная рада. Наименее стойкие согласны были обещать выдачу Хмельницкого: за глаза его легко можно было чернить, легко было представить виновником всех бед, испытываемых осажденными. Джеджалий и другие возражали и отказывались подписать этот пункт. Другие же пункты были отвергнуты единогласно. Рада постановила сообщить полякам, что козаки хотят мириться на условиях зборовских статей.

Такой ответ взбесил упоенных успехом панов. Потоцкий выгнал послов, осыпая их ругательствами и угрозами. Битва возобновилась.

Среди осажденных нашлись люди, предпочитавшие позор и неволю смерти. Видя невозможность склонить на свою сторону большинство, они стали перебегать к полякам в одиночку. Остался у поляков полковник Крыса, входивший в состав одной из мирных делегаций; пришли с повинной многие православные дворяне, явился даже предводитель одного из самых крупных загонов, безжалостный Лисенко. Он направился прямо к Иеремии Вишневецкому, рассчитывая, очевидно, поразить его своим «превращением» в польского приспешника. Иеремия обошелся с ним по-свойски: отамана разорвали на двух досках, соединенных посредине гвоздями и расходившихся в разные стороны.

30 июня стойкость козаков дрогнула. Все настойчивее раздавались голоса о безнадежности

сопротивления, Вместо Джеджалия начальником был избран общий любимец — Богун.

Богун произвел очередную успешную вылазку, но она не повлияла на общую обстановку. Тогда он решил гатить болото, построить плотину и перевести по ней сперва козаков, а затем остальную массу войска. Бросая в топь шатры, козухи, мешки, седла, попоны, козаки оборудовали три плотины и начали ночью переправляться. Богун отлично организовал эту рискованную переправу, сбил карауливший на другом краю болота отряд Ляндскоронского и к утру сумел перевести значительную часть козаков и артиллерии. Но тут произошла катастрофа.

Пробудившиеся с зарей крестьяне, не посвященные в этот план, решили, что старшина бросает их на произвол судьбы, и устремились к плотинам все разом. Напрасно Богун успокаивал их, уверяя, что и они будут переведены. Обезумевшие люди ринулись на плотины, давя и сталкивая друг друга в топь. Тогда поляки ворвались в оставшийся беззащитным лагерь и принялись рубить мечущихся людей. «Никого не щадили, — говорит Освецим, — даже жен и детей, но всех истребляли мечом». Польские шляхтичи хвастались потом, что у них болят руки — так много народу они порубили.

Трудно сказать с достоверностью, сколько людей погибло во время этой бойни. Автор «Истории Русов» указывает цифру 12 тысяч, Костомаров — 22 тысячи. В одной летописи сообщается: «И так пропало тогда козаков на 50000 через измену ханову и отлучку за ним Хмельницкого»^[146]. Если эта цифра и преувеличена, то, во всяком случае, у поляков руки были буквально «по локоть в крови»; как выражается Освецим, нельзя было найти никого, кому бы не довелось убить козака. Погиб, между прочим, и коринфский митрополит Иоасаф, в полном облачении воодушевлявший козаков. Полякам

досталась большая добыча: 18 пушек, 20 знамен, освященный меч Богдана, печать войска запорожского, серебряный портфель Богдана с дипломатической перепиской, войсковая касса, множество самопалов и разного добра.

Разгром под Берестечком ознаменовался одним эпизодом, свидетельствующим о том, что далеко не все были захлестнуты паникой; многие бойцы, не будучи в силах пресечь панику среди своих товарищей, сумели мужественно встретить смерть. В то время как поляки правили свою кровавую тризну, 300 козаков засели на небольшом островке и хладнокровно отражали все атаки вдесятеро сильнейшего врага. Все предложения сдаться козаки гордо отвергали; в летописи Симоновского говорится, что «для уверения себя в нещадении живота (кое им обещавано) и всего дражайшего в жизни вынимали из карманов своих и поясов все, что ни было золотое и серебряное, и бросали его в воду»^[147].

Наконец остался только один козак. Он забрался в лодку и три часа отбивался простой косой, как выражается летописец, «противу всего польского войска». Король обещал ему жизнь, но он не принял этого дара. Простреленный 14 пулями, он защищался до тех пор, пока его не пронзили копьем.

XVI. ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ

В момент, когда готовилась грандиозная схватка под Берестечком, на всем пространстве Речи Посполитой происходили народные волнения. Сильное брожение имело место в Познани, где польские крестьяне пытались последовать примеру своих украинских собратьев, не желавших долее мириться с панским ярмом.

Произошли волнения и на западных окраинах Речи Посполитой. Под Краковом во главе движения встал молодой обедневший шляхтич Костка. Это был человек несколько авантюристического склада, что видно хотя бы из того приема, к которому он прибег. Он похитил королевскую грамоту на имя некоего Наперского, разрешавшую производить вербовку войска, и с этой грамотой, обещая к тому же помощь Хмельницкого, стал сзывать народ на борьбу против шляхтичей. Измученный люд начал стекаться к нему, но на первых же порах Наперский-Костка подвергся нападению польских драгун и был взят в плен.

Он проявил изумительное мужество. Его «пытали, привязывая ногами к помосту, а руками к потолку, — сообщает один историк, — вытягивали суставы, потом прижигали свечами бока и брызгали серою на грудь... Его приговорили посадить на кол... Когда он увидел орудия ожидавшей его казни, все заметили, что ужас отразился на лице его, однако он оправился и быстрыми, твердыми шагами пошел на лютую смерть, как будто такого рода смерти он всегда и давно уже ожидал для себя».

После событий под Берестечком начавшиеся во всем польском государстве волнения стали угасать.

Между тем король с главными польскими силами двигался из Берестечка по направлению к Кременцу. «Он в пути своем не иное что, как страшное позорище видел! — восклицает Симоновский. — Дороги покрыты были мертвыми телами и леса тех же бедственных наполнены трупами и полумертвыми, которые по замешательстве своем спрятались в густейшие места, где многие чрез несколько дней не имели другой пищи, кроме коры из древа; многие так ослабели, что убежать уже более не в состоянии были»^[148].

Слыша приближение польских всадников, многие беглецы заползали в кусты и овраги, чтобы избежать смерти от рук неприятеля. Король приказал подбирать и кормить этих голодных; как замечает польский летописец, «они были еще годны, чтобы снова служить дворянству». Из этих же соображений паны желали избежать полного опустошения страны и призывали народ к покорности и умиротворению.

Успокоительные манифесты поляков плохо воспринимались населением. Правда, король велел щадить бежавшее население, но и тут не всегда выходило одинаково: так, например, князь Иеремия перебил под Дубно три тысячи больных, усталых людей, а Калиновский если и щадил беглецов, то приводил их в лагерь на арканах привязанными за шею к седлам.

Даже в этот тяжелый момент украинский народ не склонил головы перед захватчиками. Продвигаясь в глубь страны, польская армия всюду встречала отчаянное сопротивление населения. Лишившаяся войска и вождя, без союзников и без средств, Украина была беззащитна перед нашествием стотысячной польской армии. Казалось, ничто не может спасти ее от нового порабощения. Этого, однако, не случилось: украинский народ вновь проявил свою непреклонную решимость добиться национальной независимости, свое гордое стремление к иной, лучшей жизни.

Основываясь на польском законе, гласившем, что дворянское ополчение обязано сражаться за отечество только в течение двух недель, шляхтичи устами Радзеевского и Дембицкого известили короля, что не намерены итти дальше, желают королю и регулярной армии успеха, а сами возвращаются по домам. Это были шляхтичи, не имевшие владений на Украине и вовсе не собиравшиеся таскать и впредь каштаны из огня для заинтересованных в порабощении Украины магнатов. К тому же их очень беспокоили происходившие в это время в Польше крестьянские волнения. Никакие уговоры не помогли. Пришлось распустить «посполитое рушенье». Дальнейший поход на Украину приняла на себя тридцатитысячная регулярная армия, состоявшая больше чем наполовину из наемной немецкой пехоты.

— Предоставляю славу окончания войны вам, господа, — сказал перед отъездом в Варшаву король гетманам Потоцкому и Калиновскому.

Немецкие наемники и оставшиеся шляхтичи (а также 5 тысяч из «посполитого рушенья», которые подошли уже после Берестечской битвы) двинулись в глубь Украины.

Здесь царила полная растерянность. Жители с надеждой взирали на полковников, но те сами не знали, что делать: у каждого осталось всего по несколько сот человек, — нельзя же было с такими силами остановить польскую армию. Тогда все мысли обратились к человеку, который в течение последних лет твердой рукой вел корабль между всеми рифами. Он, гетман, батько Хмельницкий, нашел бы выход! Где же он?

В этот момент в городах появились универсалы, подписанные Богданом, с указанием о местопребывании его в Белой Церкви. «Богдан Хмельницкий, гетман, с войском запорожским господам полковникам: белоцерковскому, винницкому, брацлавскому, уманскому и паволоцкому доброго здоровья от господа-

бога желаем. Извещаем вас, что по совету с товариществом мы решили: немедленно быть наготове и собираться, не откладывая сбора до двух или даже до одной недели; потому приказываем вам стянуть все названные полки к Белой Церкви под начальством белоцерковского полковника, остальные же полки соберутся под моим начальством у Корсуня. Теперь необходимо нам принять предосторожности, дабы враги не захватили нас в разброде по домам...»

Когда Богдан Хмельницкий издавал этот универсал, он находился еще в плену у хана, а на Украине распространялись слухи, что он не вернется: одни говорили, будто он принял исламизм и добровольно едет с Ислам-Гиреем, другие — что его уводят в оковах.

Появление универсала рассеяло эти толки, а вскоре (29 июня) гетман появился лично. Он прибыл в Любартов, а затем в Паволочь, и тут перед ним во всей наготе открылась ужасная истина. Выпуская универсал в Белой Церкви, он считался уже с тем, что поляки одержали победу, но он никак не предполагал действительных масштабов ее. Он предписывал некоторым полкам стянуться к Белой Церкви, остальным к Корсуню, на самом же деле все полки находились в страшном расстройстве.

А тут нагрянула еще одна беда: отряд уманского полковника Глуха прогнал один татарский загон, грабивший украинские села; дело дошло до крупного вооруженного столкновения. В связи с этим Ислам-Гирей прислал резкое письмо, наполненное угрозами.

Было от чего притти в отчаяние. Погибли плоды трехлетней героической борьбы. Опустошенная страна, деморализованное поражением войско, разгуливающие по городам и селам татарские загоны, быстро продвигающаяся сильная польская армия, ни денег, ни союзника... К тому же пустота в личной жизни: жена казнена по его же приказанию, нет в живых некоторых

преданных помощников. Трудно придумать более безнадежную ситуацию.

И тут Хмельницкий показал, какие взлеты воли были ему свойственны. В этом угрюмом человеке таились неисчерпаемые бодрость и мужество. Только на один момент дрогнул он, почувствовал усталость и неуверенность в себе.

— Пойду на Запорожье, — сказал он, — не хочу больше воевать с панами...

Но это минутное колебание быстро прошло, и Богдан принялся за дело. Весь его организационный гений проявился в эти тяжкие часы. В Крым и Турцию полетели гонцы с воззваниями не отступаться от козаков, так как иначе козакам придется совместно с Польшей воевать против них же. По всей стране понеслись призывные универсалы гетмана: судьба изменчива, теперь она благоволит к полякам, завтра повернется к ним спиной. Против нас наступает немногочисленная армия, возобновим войну, и мы возвратим с лихвою все утерянное.

Это были слова, которые жаждало услышать украинское население, и потому те же люди, которые накануне кляли гетмана, теперь стекались под его знамя. На Масловом Броде состоялась «черная» рада, все ораторы громили Богдана, покинувшего свое войско под Берестечком. Узнав об этом, гетман бесстрашно явился на раду и козаки единодушно примкнули к нему.

«Худое состояние дел его [Хмельницкого] подавало ему советы, полные ярости и отчаяния, — пишет Симоновский, — он собрал не только козаков, но и мужиков, довольно способных к испытанию вновь счастья в оружии. Из сих последних многие говорили в голос, что бесчестно есть потерять кураж за худой выигрыш баталии, что те, которые их обратили в бегство, убегали прежде и от них и что равное неблагополучие им может еще приключиться».

«Плодовитая матка козацкая, Украина возродила козачество, как будто не было берестечского поражения», замечает один летописец. Кипучая энергия Хмельницкого переливалась в его помощников, наполняла всех верой в победу.

В сентябре в дневнике Станислава Освецима появляется следующая запись: «Враги захватили все дороги и пути сообщения, прервали все сношения, беспокоили наших частыми стычками и произвели в войске нестерпимый голод, не допуская в лагерь подвоза припасов. Хлопы в селах и местечках везде насмехались над нашими, восклицая: «Ляхи отрезали нас от Днепра, а мы их от Вислы!»

Авторитет Хмельницкого возрастал с каждым днем. Нельзя было не подчиниться этому железному человеку, который в отчаянном положении не только не упал духом, но держался спокойнее и увереннее, чем когда-либо. «Он не изменялся перед подчиненными ни в лице, ни в духе, — говорит современник, — с веселым видом, с смелою речью показывал вид, что счастье его не потеряно».

Это изумительное мужество, подобно магниту, притягивало обескураженных людей; в соединении с неутомимой распорядительностью Богдана оно творило чудеса: на Украине быстро возрождались народная армия. Хмельницкий сумел преодолеть хаос, воцарившийся в стране после разгрома всех наличных сил, сумел внести твердый порядок в устройство и организацию людских потоков, в несчетный раз выброшенных на борьбу с врагами «плодовитой маткой козацкой» — Украиной.

Опять, как и прежде, народ не хочет покориться, народ ищет себе вождя — и находит его в Хмельницком.

Поляки очень скоро почувствовали, что Украина уже далеко не беззащитна, что она напоминает туго свернутую пружину, готовую распрямиться и далеко

отбросить при этом тех, кто попадет на пути. Князь Радзивилл, уничтожив Небабу, двинулся на Киев; жители, опасаясь свирепой расправы, обратились в бегство. Заняв город, Радзивилл хватал оставшихся мещан и, обвиняя их в прошлогоднем избиении поляков, вешал, сек и сажал на кол.

Тогда киевляне прибегли к средству, которое через полтора века повторили москвичи: они зажгли свой родной город, чтобы лишить врага квартир и провианта.

— Это не люди, это скифы! — воскликнул Наполеон, глядя из Кремля на пылавшую Москву.

Киевляне предвосхитили этот героический способ борьбы. 6 августа сгорело 60 домов (по преданиям, первый поджигатель, раздув пламя под собственным домом, бросился в него, чтобы избежать позорной казни). На другой день две тысячи строений сделались жертвой пожара; ратуша, церкви, лавки — все было объято огнем.

Одновременно произошло другое событие, не менее ожесточившее украинский народ и показавшее интервентам, как велика сила сопротивления, которую им предстоит преодолеть. Главные польские силы подошли к маленькому городу Трилиссам. Там заперлись несколько сот козаков и несколько сот жителей. Потоцкий предложил открыть ворота, обещая милостиво обойтись с населением. Трилиссцы отвечали насмешками. Польско-немецкие отряды пошли на штурм, и после долгой, страшной схватки, когда даже женщины и дети отражали штурмующих, городок был взят. Никто из взрослых не сдался живым. Озлобленные жолнеры и рейтары разбивали младенцев о стены.

Те из поляков, у кого высокомерие не отняло способности разбираться в событиях, поняли: на Украине началось самое страшное, что только может встретить завоеватель, — народная война. Скрываясь в лесах и оврагах, партизаны совершали молниеносные налеты на

неприятеля, отбивали провиант, захватывали пленных, умерщвляли отсталых и отделившихся. Поляки предавали пойманных партизан мучительной смерти; партизаны отвечали тем же: сдирали кожу с пленников, выкалывали им глаза... Шляхтичи, пошедшие «довершать войну», увидели, что новая, самая страшная война только начинается. Даже гетман Потоцкий вынужден был признать неосновательность расчета на быстрое «замирение» страны.

— Русь, — говорил он им, — тогда только может быть побеждена окончательно, когда погибнет, когда весь край обезлюдует.

Оправдывались слова Хмельницкого об изменчивости фортуны. К затруднениям военным и продовольственным, которые все сильнее испытывали поляки, прибавился новый, тяжкий для них удар: 10 августа в Паволочи скоростижно умер князь Иеремия Вишневецкий. Фанатический приверженец католицизма и панских привилегий, Иеремия был самым страшным врагом украинского народа, и его смерть явилась для шляхты невознаградимой потерей.

— Наконец бог услышал наши моления, — промолвил Богдан: — князь Вишневецкий, хотевший некогда обладать целой Русью, теперь занимает четыре локтя земли. Оружие наше не сразило его; бог, мститель крови нашей, поразил незаконную голову.

Слава, которую предрекал, уезжая в Варшаву, король, не давалась в руки польско-немецкой армии. Довершить разгром Украины, вернуть ее под власть панов казалось так просто. Но каждый день теперь убеждал их, что это очень нелегко, а может быть, и вовсе неосуществимо.

Хмельницкий, конечно, вполне ясно видел, что народ с новой силой поднимается на борьбу. Его универсалы и организаторская деятельность сыграли не последнюю роль в этом. Под прикрытием связавшей поляков партизанской войны он лихорадочно формировал новую армию. Когда поляки и литовцы овладели Киевом, он тотчас направил туда уманский и белоцерковский полки, чтобы остановить распространение врага и попытаться вернуть «столичный город». В Прилуках формировал войска неустомимый Богун, соперничавший с гетманом в энергии и распорядительности.

В разгар напряженных военных приготовлений гетман объявил о своей женитьбе. Третьей женой его стала Анна Никифоровна Золотаренко, сестра корсунского полковника Золотаренко и вдова козака Филиппа. То была мужественная и властная, подстать самому Богдану, женщина. Она завоевала себе такое доверие, что гетман дал ей право издавать в его отсутствие универсалы.

Богдан с присущей ему манерой трезво учитывать всю обстановку не был спокоен. Как всегда, он смотрел в глаза событиям без растерянности, но и не мог недооценивать опасность.

Ресурсы страны были подорваны. Украина была страшно опустошена. Пограничные области обратились почти в пустыню. «Край был так безлюден, — писал один современник, — что о нем можно было произнести: земля была пуста и неустроена, мы не видели ни городов, ни сел, только поле и пепел, не было ни людей, ни животных, только птицы кружились в воздухе».

В песнях многострадального украинского народа осталась память об этих годах:

Течуть річки кервавїї
Темними лугами.
Летить орел под над хутір,

А в повітру вьеться,
Ой там, ой там бідний козак
С поляками бьеться.
Ой годі вам, вражі ляхи,
Руську кровцю пити,
Не еден лях молоденький
Посиротив діти.

Сражения и насилия солдат, голод и пожары заставили даже самых терпеливых покинуть свои хаты. Целыми толпами народ уходил в Московское государство. Близ Белгорода эмигрантам предоставлялись необжитые земли, и там быстро создавалась Слободская Украина. Переселенцы записывались в один из пяти полков — Ахтырский, Харьковский, Изюмский, Рыбинский, Сумской — и под защитой московского оружия начинали заново строить свое хозяйство.

По стране бродили татарские загоны, под шумок грабившие то, что еще сохранилось, и уводившие пленников.

Власть Хмельницкого хотя и утвердилась, но далеко не достигла прежней полноты. Жители Подолии на свой страх повели кровавую борьбу с возвращавшимися под конвоем жолнеров панами. То тут, то там партизанские ополчения избирали себе отаманов и не желали признавать Хмельницкого, которого называли изменником, и взвалили на него ответственность за все беды. Именно в это время среди ожесточенных несчастьями людей сложилась горькая песня:

Погляди, Василь, на Украину —
Вон Хмельницкого войско идет.
Все парубочки да девушки,
Молодые молодичицы

Да несчастные вдовицы.
Парубочки идут — на дудочках играют,
Девушки идут — песни поют,
Вдовы идут — сильно рыдают
Да Хмельницкого проклинают,
Чтоб того Хмельницкого перва пуля не минула,
А другая ему в сердце самое попала.

Эта песня явилась кладом для всех, кто по тем или иным причинам хотел оклеветать Богдана. На самом же деле она свидетельствует лишь о том, что среди украинского народа авторитет Хмельницкого был поколеблен.

Даже в ближайшем окружении гетмана было неблагополучно. Часть стояла за мир с Польшей, часть предпочитала отдаться под власть какого-нибудь другого государства. Единства не было и здесь. Хмельницкий очутился в чрезвычайно сложной обстановке.

По всем этим причинам Богдан решил добиться новой передышки, чтобы оправиться и привести в порядок совсем расстроившуюся государственную машину. Он отправил письмо Потоцкому. По тону этого послания трудно было уловить, что оно исходит от человека, только что потерпевшего жестокое поражение. «Ссора возобновилась с обеих сторон, — писал Хмельницкий польскому коронному гетману, — нам трудно было наклонять под меч голову: пришлось защищаться. Мы не поднимали рук на его величество, под Берестечком войско наше не испытало его милосердия, мы уступили своему государю и пошли домой, желая мира. Но ваша милость нападаете на нас со своим войском, это уже ведет не к миру, а к большому кровопролитию... Каждый из нас, при своем убожестве, готов положить голову: и пташка охраняет свое гнездо.

Притом же, кроме бога, никто вперед не может знать, кому выпадет на войне счастливый жребий... Извольте уведомить нас, чего от нас требует король, а с войском на нас не наступайте. И мы не подвигаемся с нашим войском и будем ожидать милостивого решения вашего, надеемся получить его в понедельник».

Тон — полный достоинства, хотя и без заносчивости, тон человека, сознающего свою силу.

Ожидавший униженных молений, Потоцкий не сразу согласился на переговоры. Хмельницкий, умевший при нужде надевать личину смирения, послал второе письмо, прося открыть мирные переговоры. Усиление козацкой армии, опиравшейся на сильную по тому времени крепость Белую Церковь, партизанская война, продовольственные затруднения, смерть Иеремии Вишневецкого — все это побудило Потоцкого «отложить пустое попеченье» о полном триумфе и вступить в переговоры. В козацкий лагерь был делегирован пан Маховский.

Хмельницкий встретил его очень вежливо и повел почти светский разговор.

— Посоветуйте гетману Потоцкому жениться, — сказал он послу. — Мы бы тогда скорее помирились, потому что ему захотелось бы к жене. А пока он будет вдовцом, так скучно сидеть дома — и будем воевать.

В другой раз, когда Маховский напомнил о поражении, понесенном козаками при Берестечке, Богдан со сдержанной улыбкой произнес:

— Ну, я бы еще мог с вами померяться, да не хочу: жалею крови христианской.

Тем не менее переговоры подвигались туго. Поляки требовали немедленного формального разрыва козаков с Ислам-Гиреем, но Богдан, несмотря на всю неуверенность в этом союзнике, приносившем часто больше вреда, чем пользы, не желал вовсе лишаться его. Старшина не пустила Богдана в польский лагерь,

опасаясь вероломства со стороны панов; поляки, в свою очередь, не доверяли козакам. В конце концов порешили, что поляки пришлют делегацию и подробно обсудят все пункты нового договора.

В начале сентября в Белую Церковь прибыли польские комиссары: Адам Кисель, вновь возглавлявший делегацию, и с ним еще трое панов. Они привезли такие условия: разрыв с Крымом, установление реестра в размере 10 тысяч человек, ограничение самостоятельной козацкой области Киевским воеводством. Все, не попавшие в реестр и проживавшие вне Киевщины, естественно, возвращались под власть панов.

Толпившиеся подле крепости крестьяне и мещане разразились при виде делегатов бранью угрозами. Кисель пробовал внести успокоение, ссылаясь на свои седины и русское происхождение, но толпа все больше неистовствовала, и сильный конвой с трудом отражал ее натиск.

Хмельницкий со всей старшиной торжественно встретил делегатов у входа в замок.

— Эй, пане-гетмане, — улюлюкали в толпе, — не добре так чинишь, що вже с ляхами братаєшься!

Кое-как оттиснули толпу, причем Богдан разрубил одному крикуну голову саблей. Но волнение не прекращалось. Посполитство предчувствовало недоброе, понимало, что новый мир в той или другой форме отдаст их снова панам; этому оно предпочитало любую войну, любые трудности, безначалие и голод. Подошедшие к Белой Церкви отряды татар, проведав о касающемся их требовании поляков, также пришли в ярость. «Хмельницкий и его полковники много труда имели защищать польских комиссаров от нападений татарских и мужицких, — пишет Симоновский, — кои ни одной пропозиции о мире не хотели принимать, будучи в

мнении том, что в заключении артикулов внесено будет всегда то, чтобы их привести в рабство».

Толпа шумела; татары грабили польскую свиту, оправдываясь тем, что «ляхи нам братья, но лошади и платья ляхов нам не сродни». Делегаты торопились выбраться из Белой Церкви и после жарких споров договорились с Хмельницким и старшиной на следующих основных условиях: 1. Реестр устанавливается в 20 тысяч; 2. Реестровые могут проживать только в Киевском воеводстве; 3. Шляхта вступает немедленно во владение своими поместьями по всей Украине, но не взимает с крестьян податей до окончания составления нового реестра (на что давалось три месяца); 4. Православная религия остается при всех стародавних правах своих; 5. Хмельницкий должен расторгнуть союз с татарами и отказаться от самостоятельных переговоров с иностранными государствами; 6. Гетман запорожский подчиняется польскому коронному гетману; резиденцией его является попрежнему Чигирин.

Что означал белоцерковский договор для Украины? Уничтожение церковной унии и увеличение реестровых до 20 тысяч — вот два завоевания по сравнению с тем, что имело место перед восстанием. По сравнению же с условиями Зборовского мира это был огромный шаг назад. Украина теряла свою независимость, вновь становилась польской провинцией, народ возвращался в прежнее подневольное положение. И это после трех лет борьбы! Если Зборовский мир оказался недолговечным, то Белоцерковский не имел никаких шансов на успех.

И все-таки Хмельницкий не видел другого выхода, как согласиться на эти тягостные условия.

В Турции сменилось благожелательное Хмельницкому правительство; татар на Украине оставалось мало. Москва после берестечского поражения очень охладела к Хмельницкому. Своими же

силами Украина не могла теперь справиться с противником: козаки потеряли под Берестечком большую часть артиллерии, приближалось холодное время года, усугублявшее трудности, и к тому же некоторые члены старшины возглавляемые полковником Гладким, открыто и резко выступали против гетмана.

Нужно было во что бы то ни стало получить передышку, чтобы урегулировать все это. Богдану хотелось уплатить за эту передышку менее дорогой ценой. Но выбора не было. Оставалась возможность обеспечить интересы старшины, но приходилось принести в жертву кровные интересы широких масс.

Гетман пошел на это. Больше того: получив предварительно знатных аманатов (заложников), Хмельницкий согласился поехать в польскую ставку, чтобы лично подписать договор. При встрече с Потоцким, своим бывшим пленником, он держался очень смиренно, кланялся и даже плакал.

«Он имел обыкновение плакать, когда необходимость вынуждала его к этому», с досадой замечает по этому поводу историк Шевалье^[149].

Богдан делал то, что считал нужным делать во имя государственных интересов украинского народа. Немало усилий, должно быть, стоило ему принудить себя к такому унижению.

Однако народ думал иначе. Еще в Белой Церкви, когда сделались известными статьи нового договора, колоссальная толпа окружила замок и подвергла его форменному штурму.

— Ты, гетман, себя да старшину спасаешь, — кричала беднота, — а о нас и знать не хочешь!.. Отдаешь нас, бедных, на муки под киями, батогами, на колах да на виселицах! Но прежде чем дело дойдет до того, ты сам положишь свою голову, и ни один лях не уйдет живым!

Измученные люди были правы в своем возмущении, но еще более прав был Хмельницкий, смотревший на вещи более широко и видевший неподготовленность страны к немедленному возобновлению борьбы.

Опасаясь, как бы делегаты не пострадали, гетман с полковниками выбежали к разъяренной толпе и под градом камней и стрел принялись разгонять ее саблями и плетками. Взяв в обе руки булаву, Богдан опускал ее изо всех сил на головы «бунтовщиков», удивляя бесстрашием польских комиссаров, которые, трепеща, наблюдали из окон за этой сценой. Тем временем хитроумный Выговский повел, обращаясь к толпе, медоточивые речи.

— Посол, как осел, — повторял он употребительное тогда сравнение: — что положат на него, то и несет. Вдобавок, пан Кисель не лях, а русский. Чего же вы хотите, злодеи?

Кое-как, посредством уговоров и угроз, удалось рассеять многотысячную толпу (доходило до угрозы стрелять из пушек). Послы выехали к Потоцкому. Но едва они покинули пределы города, их снова окружила яростная толпа, оттеснила конвой и ограбила дочиста.

— Знали ляхи, кого послать! — кричали некоторые. — Кисель — русский, а прочие — литовцы. Если бы настоящие ляхи пришли, то не сносить бы им головы!

Перепуганные делегаты добрались, наконец, до коронного гетмана и сообщили о договоренности с Хмельницким. Потоцкий распорядился, чтобы вся польско-литовская армия (к этому времени Радзивилл вывел из Киева свои войска и соединился с Потоцким) придвинулась к Белой Церкви, дабы «принимать присягу на верность от подданных его королевского величества запорожских козаков».

И тут неожиданно не только для поляков, но и для Богдана разыгрался эпизод, выделяющийся даже на

фоне необычайных событий того времени.

Когда польская армия приблизилась к Белой Церкви, Потоцкому доложили о прибытии козацких представителей. К совершенному изумлению всех присутствующих, в палатку вошли 12 никому неведомых, бедно одетых козаков и заявили:

— Войско запорожское послало нас к вашим милостям просить, чтобы вы утвердили Зборовские статьи.

Впечатление было ошеломляющее.

— Что ж это? — кричали в бешенстве паны. — Не будем ли уж мы игрушками в руках презренного хлопства?

До нас не дошли точные данные о том, что происходило в эти дни в Белой Церкви. Но легко себе представить, какая грозная, стихийная волна гнева и протеста прокатилась по всему козацкому войску, если Хмельницкий в первый — и последний — раз выпустил из своих рук кормило власти, был отодвинут на задний план, вместе со всей старшиной стушевался, предоставил действовать безвестным вожакам бедноты.

Потоцкий прогнал незваных гостей и построил армию в боевой порядок. Князь Радзивилл ударил на козаков, но поляки почему-то не поддержали литовцев. Радзивилл опрокинул много козацких полков, нанеся им тяжелый урон, но окончательно разгромить своими силами не смог ^[150]. Богдан опасался, что если на следующий день вся армия Потоцкого пойдет в атаку, то дело может кончиться вторым Берестечком. Он не принимал участия в сражении, а вечером послал к коронному гетману гонца с заявлением, что битва произошла помимо его желания, он же предлагает хоть завтра подписывать договор.

Кисель ответил, что все паны недоумевают, как это «вместо чиновных козаков являлись какие-то презренные хлопы требовать Зборовского договора», и

что Богдан должен не на словах, а на деле доказать свою искренность.

Однако вместо новых гонцов Хмельницкого на другое утро поляки увидели перед собою все козацкое войско. Разыгралась битва, еще более жестокая, чем накануне. А вечером Хмельницкий вновь прислал какого-то пленного шляхтича с извинениями и уверениями в дружбе.

Так продолжалось несколько дней. Поляки отказывались от каких бы то ни было уступок, и в конце концов обессиленная беднота, потерявшая не одну сотню убитыми и ранеными, угрюмо засела в своих возах. Хмельницкий тотчас вернул себе прежнее положение, и через день состоялся упомянутый визит его к Потоцкому, во время которого был подписан Белоцерковский договор (18 сентября 1651 года).

Визит этот вообще изобиловал драматическими моментами. Богдан сперва держался скромно и политично, но, выпив вина, стал несдержан и резок. Существует версия, что обозленные паны решили тогда отравить его. Однако пронизательный гетман уловил что-то подозрительное в их поведении, оставил нетронутым заздравный кубок в честь короля и немедленно удалился. Простояв еще две недели, польская армия выступила в Подолию. Белоцерковский договор был последним политическим действием Потоцкого: 29 сентября он умер. Его преемником явился польный гетман Калиновский. В это время появилась комета, и астрологи предвещали несчастья. Не надо было обладать пророческим даром для этого предсказания: голод и мор свирепствовали на Украине, в Волыни и в Подолии. Поддерживаемые беспощадным Калиновским, паны, въезжая в свои владения, снова наталкивались на отчаянное сопротивление крестьян, снова видели, что надо готовиться к войне — не на живот, а на смерть.

«Белоцерковский договор был постановлен на льду», выразился один современник. Возвращенный в тиски панщины народ, а вслед за ним и старшина и гетман — все страстно искали возможности освободиться от пут этого договора.

— Нельзя доверять Хмельницкому, который действует не всегда сам по себе, но также и по воле безрассудной толпы, — произнес как-то Кисель.

То, что в глазах Киселя было безрассудством, на самом деле было умением Богдана прислушиваться к голосу масс, понимать их нужды и вместе с тем подчинять все свои действия идее государственности и национальной независимости родной страны.

XVII. БАТОГ И ЖВАНЕЦ

Украинский народ, которого коснулось уже веяние вольной жизни, хотя и омраченной густым дымом пожарищ, вновь очутился под властью панов. Калиновский вешал, четвертовал, жег на медленном огне за малейшее непослушание помещикам или старостам. У жителей выпытывали, где спрятаны ценности, захваченные ими во время восстания. Жолнеры грабили в свой черед.

Повторный неурожай, саранча, заброшенные поля, на которых некому и некогда было работать, — все это привело к ужасному голоду. Хлеб привозили из Московского государства, четверик ржаной муки стоил 120 злотых. Те, у кого сохранились деньги и товары, отдавали их теперь русским купцам. «Убогие люди помирали с голоду, — пишет летописец. — Нередкими стали случаи людоедства. Современники передают, что одна мать убила и зажарила двух собственных детей... И были слышны в народе вопль, и воздыхание, и горе, и ропот на Хмельницкого».

Если Белоцерковский договор и явился передышкой для основных армий польского короля и Хмельницкого, то партизанская война продолжалась. Всю зиму происходили кровавые стычки. Крестьяне зарывали в землю свое добро, жгли хаты; мещане заколачивали свои домишки и укрывались в укрепленных местах, откуда совершали вылазки. По выражению польского летописца, жолнеры принуждены были кровью добывать насущный хлеб.

Эти партизанские отряды, густой сетью покрывшие страну, отнюдь не собирались подчиняться Богдану. После разгрома при Берестечко гетман сумел отчасти восстановить свой былой престиж, но Белоцерковский

договор вновь подорвал его. Даже старшина склонялась к тому, чтобы избрать нового вождя. Хмелецкий, шляхтич по происхождению, группировал с этой целью вокруг себя недовольных.

Положение Богдана сделалось чрезвычайно опасным. Потребовались вся его ловкость и опытность, замечательное искусство лавировать, вся его несокрушимая воля. Он открыл дополнительную запись в реестр. Представив полякам список на 20 тысяч человек, Богдан завел другой — на 40 тысяч с лишком, как после Зборовского мира. Все реестровые, естественно, освобождались от податей и повинностей. Когда польские власти потребовали объяснений, Хмельницкий ответил, что поступил так «для пользы самих поляков, чтоб укротить и усыпить на время необузданное хлопство».

Разрядив таким образом напряжение, успокоив поляков и предотвратив стихийное выступление масс, Богдан постарался опередить своих противников. Опираясь на воссоздаваемый аппарат власти, он снова «подтянул вожжи». Хмелецкий был схвачен на базаре и тут же казнен. Смертной казни было подвергнуто еще несколько человек. Богдан принял решительные меры против эмиграции в Слободскую Украину, грозившей тяжелыми последствиями и без того обезлюдившей стране. «Теперь уже не годится делать того, что делалось прежде, — писал он по поводу эмиграции. — Никому не будет пощады, кто не хочет покориться».

Но, утверждая вновь свое единовластие и восстанавливая внутренний порядок, Хмельницкий деятельно готовился к новой войне с Польшей. Народное волнение, вызванное условиями Белоцерковского трактата и жестокими притеснениями со стороны панов, было так велико, что преодолеть его вряд ли было возможно. В летописи Самовидца под 1652 годом читаем: «И в том року знову по городах много панов

пропало, которые на свои маетности понаездили было; бо знову посполство оных позабивало, и козаки, що уступили были з своих дворов, знову ся понаворачали»[\[151\]](#).

Там же далее говорится, что «из Стародубова, Поченова, Мглина, Дрокова жолнеров выгнало посполство сами тих городов, много оных погромивши».

Неукротимый народ снова вступил в борьбу против исконных своих поработителей. Остановить эту борьбу было трудно, а главное — Хмельницкий вовсе не собирался этого делать. Он видел, что крестьянство, хотя и покинутое своими лидерами, не складывает оружия, продолжает борьбу с панами на собственный страх и риск. Да кроме того, находились и новые вожди: кроме Хмелецкого и Гурского, в оппозицию к Богдану встали Гладкий, Иван Нечай, Богун и многие другие видные представители старшины. В подобных условиях капитуляция Хмельницкого, как того требовали паны, была невозможна. Народные массы все равно не подчинились бы, только навсегда отвернулись бы от потерявшего их доверие вождя. Проницательность Богдана, зоркость его политического взгляда не должны были оставить в нем сомнений на этот счет. И потому он делает решительный выбор: отказывается на этот раз окончательно от попыток достигнуть компромисса с Речью Посполитой, от «худого мира» с ней, и начинает подготовку к войне, а чтобы не найти гибели в этой войне, обращает все усилия на скорейшее соединение с Московским государством.

Пойдя на унижительный и тяжкий Белоцерковский мир только в силу горькой необходимости, гетман горел желанием поскорее аннулировать его. Симоновский делает характерную запись: «Польские войска разведены были по всей почти Малой России по обеим сторонам Днепра, где несносные обывателям причиняли обиды как в податях, так и в побоях, чрез что немалое от

людей на Хмельницкого было роптание... что хотя Хмельницкому весьма чувствительно было, однако принужден был с терпеливостью ожидать времени, пока зимнее время пройдет и козаки и татары, за которыми он тайным образом посылал, соберутся вместе».

Действительно, едва кончилась зима, как Богдан бросил новый клич к борьбе. «Принимаем во внимание, — писал он в универсале от 24 марта, — что ляхи лопрежнему причиняют нам обиды и уже немало войсковых молодцов безвинно замучили и погубили, и притом заставляют работать на себя не только в будни, но и в праздники, и трудно теперь нам забыть, что мы недавно были вольными, и привыкать работать на тех панов, над которыми мы сами пановали, мы находим, что пришла удобная пора вырваться нам из неволи, потому что ляхи сами не знают, что делают, и через свою безмерную наглость хотят сами себя сгубить, а нам живот даровать. Оповещаем, чтоб все, даже каждый посполитый человек, были готовы к войне и приготовили жизненные запасы до пасхи, а после пасхи будут разосланы мои универсалы, по получении которых надобно на другой день выступать на место, назначенное мною для обоза. Но никто не смеет двинуться без моего указания, чтоб не подать ляхам повода к нарушению мира с нашей стороны, чего они только и хотят».

Замечательное воззвание! Яркое, сильное, бьющее прямо в цель. Хмельницкий снова оказался «на челе событий»^[152]. Воззвание это очень симптоматично и тем, что оно обращено ко всем посполитым, и не только во имя чисто национальных, например религиозных, принципов, а главным образом во имя экономических («заставляют работать на себя») и социальных («мы недавно были вольными и над теми панами сами пановали»). Универсал вновь привлек к Богдану народные сердца. Отдельные партизанские ручейки

начали вливаться в широкое русло нового общенационального восстания.

Богдан сумел найти и «легальный» повод к войне: Белоцерковский договор не был утвержден польским сеймом, и Богдан имел все формальные основания объявить этот договор недействительным.

Первым следствием аннулирования Белоцерковского договора явилось открытое возобновление союза с Крымом. Проблема союзной помощи стояла попрежнему очень остро. Богдан сделал очередную попытку побудить, наконец, московское правительство вступить в войну, но Москва все еще выжидала, все еще не желала «нарушить спокойствие». Волей-неволей приходилось звать татар.

Адам Кисель, отлично разбиравшийся в украинских делах, писал в январе 1652 года королю Яну-Казимиру: «Как понял я из письма Хмельницкого... позаботится он о татарах: не по желанию вашей королевской милости, а по собственному замыслению привлечет и приведет их на дальнейшую пагубу отечества... Лишь бы только дал знать Хмельницкий, они наверное поспешат к нему, я не уверен даже, не кочуют ли они уже где-нибудь вблизи»^[153].

Но прежде чем открыть военные действия против поляков, Богдан решил урегулировать один вопрос, представлявший для него как государственный, так и личный интерес. Уже давно дочь молдавского господаря Липула была просватана за Тимофея Хмельницкого. Липул явно не желал этого брака, всячески оттягивал его, а во время берестечской кампании открыто вредил козакам. Брак Тимофея с прекрасной Домной-Розандой способствовал бы, по мнению Богдана, подчинению

Молдавии политическому влиянию козацкого гетмана; вместе с тем это был лестный брак для рода Хмельницких, которые породнились бы таким путем с подлинной знатью.

Видя, что проволочкам Липула не будет конца, Богдан велел передать ему:

«Сосватай, господарь, дочь свою с сыном моим Тимофеем, и тоби добре буде, а не выдаси — изотру, изомну и останку твоего не останется и вихрем прах твой размечу по воздуши».

Липул кинулся за помощью к полякам. Ян-Казимир в это время намеревался воевать с Пруссией и хотел повременить с новой экспедицией против козаков. Тем не менее Калиновский с тридцатитысячной армией преградил дорогу в Молдавию, заняв позицию на берегу Буга, близ города Батога.

Узнав об этом, Хмельницкий осуществил сложную и тонкую комбинацию, ярко характеризующую его неиссякаемую энергию и глубину замыслов.

Военная помощь Польши Липулу давала Хмельницкому законный повод к войне. Но гетман, как всегда, хотел уменьшить риск. Поэтому он отправил против неприятеля Тимоша с козацким войском, усиленным 20 тысячами татар. Богдан сам разработал план атаки польского лагеря, но не пошел с войском, а остался позади^[154]. Больше того, он послал Калиновскому письмо с упреками по поводу вмешательства в его дела с Липулом и с туманным предостережением, что Тимош идет не один и как бы он «по своей юности не вздумал искать первой удачи военного поприща».

Этим Богдан хотел обеспечить себе возможность в случае победы поляков установить свое алиби, показать, что он не только не затевал битву, но даже предварил «дружески» Калиновского.

29 мая Тимош появился перед польским лагерем. Несмотря на свою молодость, он был уже искусным военачальником; как человек большой личной храбрости и силы, он пользовался симпатией козаков. Тимошу удалось притворным бегством заманить польскую конницу в засаду и затем разбить ее. Это было лишь частное поражение, но оно тяжело отразилось на настроении польского войска. К тому же ни солдаты, ни командиры не любили Калиновского. В лагере возникло смятение, кое-кто начал самовольно отступать. Калиновский велел артиллеристам стрелять по непослушным. Разгорелось настоящее междоусобное сражение. Тогда козаки и татары со всех сторон ударили на лагерь.

«Около полудня нас атаковал сам Хмельницкий с такими огромными силами, что мы не смогли продержаться и одного часа», доносил участник битвы Длужевский коронному гетману, Лешинскому.

— Эй, братцы! — кричал полковник Золотаренко. — Не мордуйте, дурно сичучи ляхов: голыми руками их заберем. От теперь-то, братцы, помстимся за кривду нашу берестецьку.

Мечь за Берестечко! Таков был страшный лозунг этого дня. Год тому назад поляки подвергли варварскому истреблению побежденных козаков. Теперь козаки ответили тем же. «Кровь — за кровь» — таково было неизменное правило этой безжалостной борьбы. «З того обозу мало хто увойшол, — эпически свидетельствует Самовидец, — бо хочай хто был конми добрими увойшол, албо лесами, то по старому, покуля татаре оных нагнали, то люде посполитие оных громили, не имеючи над ними милости, за их тиранства и зверства».

Из окрестных сел прибежали «хлопы», ловили и добивали шляхтичей. «От се вам за Берестечко! От се вам за Трилисы! От се вам за унию! От се вам за

станции!» приговаривали они при этом. Татары смогли взять в неволю только небольшое количество людей — так велико было ожесточение победителей.

Погиб и старый гетман Калиновский. Отрубленную голову его переслали Хмельницкому.

Батогский разгром отдавал Молдавию во власть Богдана и значительно ослаблял военные силы Польши. Однако Богдан еще не считал момент подходящим, чтобы окончательно сорвать маску и дать генеральный бой Яну-Казимиру. Верный своему плану, он обласкал немногих пленных поляков, демонстративно побранил сына за битву и кровопролитие^[155] и отправил в Варшаву письмо: «Сын мой шел на свадьбу, как вдруг Калиновский остановил его на дороге, в противовес правам мира... Я предостерегал гетмана и советовал уступить с дороги. Простите, ваше величество, моих козаков, если они, как веселым людям свойственно, простерли слишком далеко свою шалость».

Польская шляхта содрогнулась. Всего несколько месяцев назад она полагала, что буйная Украина, наконец, взнуздана, оставалось только укротить мелкие отряды, — и вдруг оттуда взметнулся новый вал, смывший всю южную польскую армию, а этот непонятный зловецкий гетман шутливо называет все происшедшее «шалостью» и как будто сулит новую подобную забаву.

Между тем Хмельницкий отвел войска на Украину. После Батога там многое изменилось. Паны опять — в который раз! — покидали «маетности» и спешно уезжали в Польшу, а «хлопы» и мещане нападали на оставшихся и срывали на них свое ожесточение.

Богдан не поощрял, но и почти не мешал этому стихийному проявлению народной ненависти; характерно, однако, что в своих универсалах он опять проводит разграничение между козачеством и посполитыми. «Нехай кажный за свою тишится, нехай

каждый свою глядыть, — приказывал он, — козак своих вольностей, а те, которые не приняты в список, должны служить панам и платить им десятую копу за то, что взорали панские ланы^[156] и сеяли на них хлеб».

В цитированном универсале ничего не сказано уже про «вольность», о чем так красноречиво писал гетман в марте. По мере укрепления своего положения Богдан всегда более настойчиво возвращался к своей социальной программе, предусматривавшей разделение народа на привилегированное сословие и «хлопов».

Хмельницкий недолго оставался на Украине. Он двинулся к сильной польской крепости Каменцу и безрезультатно осаждал ее. Один из биографов Хмельницкого не может объяснить этого поступка, иронически называя его «оригинальным». Но дело заключалось в том, что Хмельницкий должен был дать выход боевому порыву собравшегося войска. Не поведи он войско на поляков, оно двинулось бы по своей инициативе и никогда больше не откликнулось бы на его зов.

Вообще, оценивая эти действия Хмельницкого, нельзя ни на минуту упускать из виду сложности обстановки, в которой он действовал. Ему надо было найти равнодействующую многих полярно противоположных сил. Этим объясняется попустительство, а иногда и содействие событиям, которым при иных обстоятельствах Богдан воспротивился бы. Так и теперь, в 1652 году, он вынужден был смотреть сквозь пальцы на то, как татары грабят и разоряют Украину: войны с Польшей еще не было, под Батогом татары получили очень небольшой яссырь, и если не дать им пограбить на Украине, они вернутся в Крым либо переметнутся к Польше. И гетман угрюмо бездействовал, когда узнавал о бесчинствах татар, но слал тайные универсалы жителям, чтобы те сами организовались и дали татарам отпор.

Одним из следствий Батогской битвы было то, что Липул поторопился выдать дочь за Тимоша. От своего отца Тимош позаимствовал военные таланты, но не унаследовал его ловкости и красноречия. Поэтому Богдан послал с сыном Выговского. В Яссах была отпразднована пышная свадьба, после чего «молодые» выехали в Чигирин.

Так прошел 1652 год. Успехи, достигнутые Хмельницким в этом году, почти свели к нулю все то, чего добились поляки после Берестечка. Было ясно, что ни одна из сторон не может без вмешательства какой-то новой мощной силы одержать решительную победу. Но никто не хотел отступить, и в следующем году разразилась новая война, худшая из возможных, война на истощение, когда противники судорожно напрягали последние усилия.

Весной 1653 года в Украину вторглись 12 тысяч отборного польского войска. Во главе их стоял лучший полководец Речи Посполитой Чарнецкий. То был достойный преемник Иеремии Вишневецкого и по дарованиям и по жестокости. В короткий срок Брацлавщина была опустошена дотла. Прилуки, Линцы, Липовец, многие селения — все было сожжено; жолнеры умерщвляли всех жителей, не щадя даже грудных младенцев.

Страшное шествие Чарнецкого остановил Богун. С отрядом, втрое слабейшим, чем у польского гетмана, он заперся в замке Монастырище и геройски отражал оттуда яростные атаки поляков. Истошив все силы, Богун выбрался из засады, зашел с кучкой удальцов в тыл штурмующим и вызвал там страшную панику. Вообразив, что это приближается Хмельницкий с главными силами, поляки обратились в бегство.

Но экспедиция Чарнецкого была лишь предвестием общего наступления поляков. Ян-Казимир, сделавшийся лютым врагом Хмельницкого, снова принял верховное

начальство над армией. Семидесятитысячное войско, среди которого было до 30 тысяч немецкой пехоты, двинулось в глубь Украины.

У Хмельницкого было 60 тысяч (из них 9 тысяч запорожцев) да еще ненадежная татарская орда. Богдан снова издал универсал о поголовной мобилизации, но не все повиновались ему на этот раз: не было прежнего воодушевления, да и пятилетняя свирепая война обескровила страну.

Однако гетман знал, что в той борьбе, которую ведет Украина, не обладавшая такими ресурсами, как Речь Посполитая, каждое поражение может оказаться для нее решающим. Нужно было во что бы то ни стало отбить занесенный поляками топор. И Богдан ни перед чем не останавливается: кто не хочет идти добром, того ведут силою. Жители Лоева не пошли строить укрепления — Богдан приказал за это сжечь Лоев.

Серьезность положения усугублялась в связи с тем, что трансильванский князь Ракочи, все время поддерживавший контакт с Хмельницким, вдруг переменял ориентацию и напал на Липула.

Тимош явился на помощь тестю и спас его. Упоенный успехом, он перешел к наступательным действиям, но потерпел на сей раз неудачу. Яссы были заняты неприятелем.

Совместно с присланным сильным отрядом поляков Ракочи готовился закрепить свою победу. Липул бежал в Чигирин — умолять о подмоге.

«Есть известие, — пишет Костомаров, — что козацкий гетман, очень часто запивавший, был тогда в таком припадке пьянства, что в течение семи дней Липул едва мог выбрать такой трезвый час, чтобы рассказать о своем бедствии. Выслушавши его, Хмельницкий подал свату стакан вина и произнес: «Вот тебе лучшее лекарство от всех печалей».

Все это очень смахивает на досужий «исторический анекдот», если не на простую сплетню. Богдан действительно пил и часто бывал пьян, но он умел, когда нужно, моментально трезветь; вряд ли в столь ответственную минуту он на семь дней забросил все государственные дела. Гораздо вероятнее другое: он попросту прикидывался пьяным, чтобы не принимать злополучного родственника и обдумать линию поведения.

Гетману было над чем подумать: необходимо напрячь все силы, чтобы отразить нависшее вторжение в Украину, а тут еще надо выручать Липула. И все-таки он решился: Тимош с 20 тысячами козаков форсированным маршем направился в Молдавию, а Богдан оттянул главные силы от границ и старался выиграть время переговорами. Повидимому, решаясь на экспедицию Тимоша, рискованность которой он отлично понимал, Богдан стремился предотвратить захват противником огромных богатств Липула, которые могли быть использованы для найма новых отрядов рейтаров, Тимош действовал как опытный полководец, но превосходство сил было на стороне неприятеля. Козаки заперлись в Сочаве^[157] и просили Богдана поспешить им на выручку. Но гетман опоздал: одно из ядер угодило Тимошу в ногу, и через четыре дня он умер от заражения крови. Сочава еще некоторое время держалась, но потом сдалась на почетных условиях.

Весть о ранении сына потрясла Богдана. Он разослал три универсала, призывая козаков итти спасать Тимоша. Кое-кто откликнулся на этот призыв, явились даже две тысячи донских казаков. Но с такими силами нельзя было разбить польско-венгерские войска. Тогда Хмельницкий решил сам итти с главными силами на помощь сыну.

Конечно, он принял все меры предосторожности: Золотаренко с тремя полками был оставлен для обороны

Украины; кроме того, Богдан был уверен, что быстро уладит дело в Молдавии и успеет воротиться прежде, нежели начнется подготовляемое поляками наступление.

Войско двинулось в Молдавию и на пути встретило траурный кортеж. Старый гетман припал к телу сына, долго глядел на него и, не проронив слезинки, промолвил:

— Слава богу! Мой Тимофей умер, как козак, и не достался в руки врагов.

Между тем почти сотысячная армия Яна-Казимира заняла позиции под Каменцем, между реками Днестром и Жванцом. Приближался час генерального сражения.

С пронцательностью высокоталантливого полководца Хмельницкий разработал далеко рассчитанный план действий. Польская армия очень сильна: кроме шляхты и жолнеров, в ней имеются 30 тысяч немецких и 10 тысяч венгерских солдат. Атаковать ее безрассудно: козаков меньше, среди них немного осталось опытных бойцов, у них гораздо хуже вооружение. Богдан строит план на другом. Он уговаривает Ислам-Гирея послать орду в тыл польской армии. Длинной цепочкой протянулись татарские загоны до самого Львова, грабя, сжигая, уводя в полон и, самое главное, нарушая коммуникации поляков и не допуская подвоза продуктов.

Поляки не сразу поняли, сколько яду таится в подобной тактике. Они продолжали стоять на месте в ожидании нападения козаков. Под влиянием начавшихся холодов и быстрого истощения продовольственных запасов в польском лагере начался разброд.

— Где плата? — кричали жолнеры. — Где еда? Где зимняя одежда?

Между панами разгорались обычные распри. Венгры ушли, ссылаясь на неподготовленность к холодам. Польское войско таяло с каждым часом. 28 ноября в

лагере распространилась паника; шляхтичи и жолнеры, не слушая уговоров, толпами бежали оттуда. По дороге домой они творили бесчинства не хуже татар, вконец разоряя Червонную Русь.

Польский король вынужден был признать проект «священного похода» против Хмельницкого обанкротившимся. Он прибег к испытанному средству: снесся с крымским ханом и, дав ему крупную сумму денег, добился не только мира с ним, но и заключения союза. Условия хана сводились к возобновлению дани татарам и к праву беспрепятственно грабить на обратном пути земли Речи Посполитой. Для козаков хан требовал восстановления Зборовского договора.

Король согласился на все — он не без основания опасался гораздо худшего финала^[158]. Хмельницкий рвал и метал, уговаривал Ислам-Гирея повременить, обещая ему больше выгод. Но все было тщетно. Опять, как под Зборовом, пришлось удовлетвориться половинчатым результатом.

Скорбный и гневный возвратился гетман в Чигирин. Сын погиб, поляки ушли из мышеловки, а половина успеха — не успех: не миновать новой войны с ними. Вдобавок, татарские загоны стали заодно с Галичиной разорять и Украину. Стон и плач повисли над несчастной страной.

Зажурилась Украина, що нигде ся диты.
Вытоптала орда киньми маленький диты.
Малых потоптала, старых порубала,
А молодых середульших у полон забрала.

Шесть лет непрерывных войн и восстаний, карательных экспедиций, неурожая и татарских набегов не прошли даром. Украина была опустошена. Сухие

цифры тогдашних люстрации рисуют страшную картину запустения благодатной страны.

Особенно пострадала Волынь. Вот данные 1650–1657 годов по Кременецкому повету^[159]: город Кременец разрушен, в местечке Ляховцах и 27 селах этой волости из 876 домов осталось 55, причем в 9 селах не осталось ни одного человека. В местечке Маначине и 22 примыкающих к нему селах (владения князей Вишневецких) осталось только 6 домов. В селе Маневе не осталось ни одного дома. В городе Збараже и той же волости, состоящей из 35 сел, осталось только 19 домов, причем в 22 селах не осталось ни одного дома.

Население Львовщины уменьшилось со 100 тысяч (к началу 1648 года) до 40 тысяч. Местечко Маркополь было так опустошено, что не нашлось человека, который мог бы написать заявление о невозможности платить подати. Местечки Белый Камень, Олесько, Николаев над Днестром и много других были сожжены и опустошены. Мещане города Золочева сделали в 1649 году заявление о том, что вследствие моровой язвы и татарских набегов опустело 166 домов, а во время военных действий сожжено 50 домов.

Во Владимирском повете прежде богатый город Владимир насчитывал в 1650 году 55 домов, в 1653 году — 33 дома, в 1654 — всего 15 домов.

В Луцком повете также было полное опустошение. Город Тайкур был сожжен дотла; та же судьба постигла село Кораевич: «Сожжено все, одни печи с трубами стоят».

Сплошь и рядом переписчики указывают: «оставшиеся жители все умерли с голоду», или «подданные забраны в Орду», или «жители разбежались»^[160].

«Народ, лишенный крова, рабочего скота, земледельческих орудий и хлеба, даже во время перемирий не мог начать обработку земли; поля

оставались незасеянными несколько лет сряду. Понятно, что целые округа вымирали от голода и от необходимого спутника его — эпидемии. Так гибли тысячи народа от меча, голода и моровой язвы»[\[161\]](#).

Хмельницкий все это видел. Умом и сердцем он стремился дать отдых измученной стране, вывести ее из полосы кровавых опустошений. Но куда вести? Обрато в Польшу дорога заказана. Татары, турки, венгры — от всех можно было ждть больше бед, чем добра. Оставался один путь — к Москве.

XVIII. ПУТЬ К МОСКВЕ

В литературе о соединении Украины с Россией неоднократно встречается выражение, что Москва представлялась Богдану Хмельницкому последним прибежищем. Правильнее сказать, что в Москве Хмельницкий видел всегда не последнее, а первое прибежище.

Хмельницкий отчетливо понимал, что для Украины тесный союз с Москвой является жизненной необходимостью.

В XVII веке Москва явно стала решающей величиной в Восточной Европе. Мощная, двухсоттысячная рать, которую она выставляла в случае нужды, целеустремленная политика, централизованная государственность — все это давало ей несомненные преимущества перед соседними государствами.

В период XVI–XVII веков к Москве обращались многие, но избегавшая политических осложнений Москва действовала с большим разбором.

В начале восстания Хмельницкого, когда совершенно неясен был дальнейший ход борьбы, московское правительство очень холодно отнеслось к предложению объединиться: в его глазах козаки, да еще призвавшие на помощь татар, были просто мятежниками, сегодня воевавшими с Польшей, а завтра, подобно Сагайдачному, с Москвой.

Хмельницкий, надо полагать, отлично уяснил мотивы сдержанности Москвы, вытекавшие из традиционной политической дальновидности, осторожности, «солидности» и самоуважения московского правительства. Поэтому он не оскорбился, а со свойственным ему непреклонным упорством поставил себе целью добиться изменения взглядов Москвы.

Хмельницкий понимал неразрывную связь обеих этих задач: свержения польского владычества и соединения с Москвой. Только осуществив вторую задачу, можно было получить уверенность в прочности и долговечности решения первой.

Чем дальше развивалось восстание, тем очевиднее делалась необходимость соединения. Попытка создать автономную козацкую Украину в рамках Речи Посполитой на федеративных началах (Зборовский мир) не удалась. Чтобы стать «равными» с поляками, украинцам надо было бы стать католиками и ополячиться. Полный и окончательный разрыв с Речью Посполитой определился с неизбежностью для всех, кому была дорога национальность родного народа.

Да и какие перспективы открывались перед Украиной, если бы она продолжала находиться в составе Речи Посполитой! Польское государство являлось, по существу, уже загнившим организмом. В статье «Какое дело рабочему классу до Польши?» Энгельс подчеркивал, что Польша «упорно сохраняла нерушимым феодальный строй общества, в то время как все ее соседи прогрессировали, формировали буржуазию, развили торговлю и промышленность и создали большие города»^[162].

Польское государство являло собою беспримерный в истории образчик децентрализации. Ни национальные, ни классовые интересы не могли заслонить в глазах польских дворян их личных интересов. В экономическом отношении польское владычество было губительно. Сельское хозяйство не могло развиваться вследствие безудержной хищнической эксплуатации его, промышленность оставалась на уровне ремесла, потому что панский гнет глушил всякое проявление инициативы. Если бы Украина осталась в составе польского королевства, ее производительные силы пришли бы в упадок.

Что оставалось делать?

Создать независимое государство? Вряд ли это было возможно. Казацкая старшина чувствовала себя слишком слабой для этого; при всей храбрости ее сынов Украина вскоре истощила бы свои силы и сделалась бы жертвой одного из могущественных соседей.

Принять подданство Турции? В 1650 году Хмельницкий вел на эту тему дипломатические переговоры, но это было с первого до последнего момента фиктивное намерение. Национальная и религиозная рознь с «басурманами» была так велика, что, конечно, никто на Украине серьезно не думал о таком подданстве.

В экономическом и политическом отношении соединение с Турцией сулило Украине самые нерадостные перспективы. В результате своего безошибочного анализа Маркс констатировал, что «... организация Турецкой империи уже находилась в то время в процессе разложения»^[163].

Экономическое развитие Турции находилось на самом жалком уровне. Промышленности почти не существовало, земли хищнически эксплуатировались. Хозяйственная и культурная жизнь страны хирела вследствие того, что в пестрой Турецкой империи отсутствовали тесные связи между составными ее частями; отдельные крупные провинции жили обособленно, — это подрывало политическую мощь Турции и губительно отражалось на всех сторонах жизни.

Наконец, ориентироваться на союз с Крымом? Но это был временный союз, вытекавший из военной обстановки и не преследовавший никаких иных целей. Между Украиной и Крымом, который советский историк А. Барабой метко назвал «пиратским государством», не было никаких внутренних связей. Да и этот чисто

военный союз оказался ненадежным, так что углублять его никому не приходило в голову.

— Тесно мне отовсюду! — неоднократно восклицал Хмельницкий.

Оставалось только одно — добиться соединения с Москвой.

Для созревания этого решения чрезвычайно много значил непосредственный опыт самой войны, политические уроки, извлеченные в 1648–1654 годах широкими массами украинского народа и старшиной.

Под влиянием этого опыта все слои населения отчетливо осознали то, что тремя столетиями позже нашло себе выражение в четкой формуле «наименьшего зла». В постановлении жюри по конкурсу на лучший учебник по истории СССР говорится: «...перед Украиной стояла тогда альтернатива — либо быть поглощенной панской Польшей и султанской Турцией, либо перейти под власть России... Вторая перспектива была все же наименьшим злом»^[164]. Уходящие в Россию козаки поясняли, что делают это потому, что они «от ляхов и от татар пропали, татаровя де их емлют да в Крым водят, а ляхи де их секут»^[165].

Таким образом, решение отдаться в московское подданство возникло «по методу исключения»: все остальное было гораздо хуже, или, как выражался Хмельницкий, «отовсюду было тесно».

Но, помимо указанных соображений, имелось немало факторов, непосредственно и властно побуждавших к соединению в одном государстве с русским народом.

Ленин отмечал глубинные истоки братской дружбы украинского и русского народов, говоря, что эти народы столь близки «и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»^[166].

Не могло быть забыто тесное племенное родство, общность религии, живая культурная связь в языке, народной поэзии, живописи, архитектуре. Силой

обстоятельств единство исторического развития обоих народов было прервано. Однако вытравить глубинные, органические связи между «Малой» и «Великой» Россией было невозможно. Они властно заявляли о себе, особенно в критический час, когда надо было избирать путь на века вперед.

Эти тесные связи постоянно подтверждались и укреплялись в реальном историческом опыте.

На протяжении столетий оба народа боролись бок о бок против татар, и общая опасность, разумеется, содействовала их сплочению.

Авангард козачества — запорожцы были близнецами донских казаков, являвшихся зачинателями этой своеобразной организации. Только в первой половине XVII века донское и запорожское козачество сделало 15 совместных походов против турок и татар^[167].

В 1637–1638 годах к гетману Острянице пришел отряд донских казаков под начальством атамана Путивлеца.

Многократно из Украины происходили переселения в Россию. При царе Михаиле Федоровиче многие «нововъезжие черкасы» просили поселить их «на вечное житье» ввиду поруганий их веры и насилий над ними поляков, которые им «зелье за пазуху насыпают и зажигают». Сохранилось много подобных челобитных^[168].

В 1638 году на территорию Московского государства переселился Остряница с несколькими тысячами казаков. В 1652 году переселились все жители города Константинова и т. д. Наряду с этим в Московскую землю постоянно бежали крестьяне, и Москва не выдавала беглых. В период 1648–1654 годов московские правительством закрыло границы для спасавшейся от народного гнева польской шляхты, но держало их открытыми для украинского населения.

В 1651–1653 годах, когда на Украине свирепствовал голод, Московское государство помогало хлебом.

Таким образом, между русским и украинским народами издавна существовали прочные связи; в процессе политической жизни обоих народов эти связи, проверенные и подтвержденные многообразными событиями, умножались и крепились. В момент, когда украинский народ стоял на историческом перепутье, эти связи сыграли решающую роль в настойчиво проявлявшейся на Украине тяге к соединению с Русским государством. Вопрос о соединении с Россией уже поднимался, правда не политической властью, поскольку тогда еще Украина не была самостоятельна в «политическом отношении, но следующей по значению — духовной властью.

В 1622 году епископ перемышльский Исайя Копинской сообщил царю Михаилу Федоровичу: «Все, государь, православные христиане и запорожские козаки, как им от Поляков утеснения будет, хотят ехать к тебе, великому государю»^[169].

В скором времени и киевский митрополит Иов Борецкий довел до сведения Москвы, что «мы все под государевой рукой быть хотим и его милости рады».

Разумеется, этого было недостаточно для начала серьезных переговоров, и бояре ответили: «Из твоих речей видно, что мысль эта в вас самих еще не утвердилась, так теперь дела этого царскому величеству начать нельзя, но если впредь вам от поляков будет в вере утеснение, а у вас против них будет соединенье и укрепление, тогда вы дайте знать царскому величеству и святейшему патриарху и они будут о том мыслить, как бы православную веру и вас всех от еретиков в избавление видеть»^[170].

Тем не менее московское правительство поощрило Иова: послало соболей на 300 рублей.

Таким образом, имелся уже прецедент к начатым Богданом переговорам о соединении.

И для Москвы соединение с Украиной, конечно, было по многим причинам чрезвычайно важно: это раздвигало ее границы, ослабляло стародавнего врага — Польшу, окружало московского царя ореолом защитника православной веры и русской народности. Но в то же время правительство и думные бояре не торопились ввязаться в войну с Польшей.

Московское правительство всегда осуществляло свои планы исподволь, не торопясь, но зато с железной настойчивостью. Легкомысленный риск был чужд ему. В этом отношении оно являлось прямым контрастом Речи Посполитой. Не говоря уже о беспрестанных ссорах панов и шляхтичей между собою, там могли из упрямства, из пустого самолюбия навлечь на страну страшную опасность. По выражению историка Г. Карпова, «Речь Посполитая сама вызывала всех и вся на расчеты с собою, ставя каждое вздорное дело по отношению к собственному существованию в положение — быть или не быть. Речь Посполитая в половине XVII века внутри совершенно сложилась и замерла, и на все, что противоречило ее шляхетско-католическому, строго отвечала *non possumus* (не можем)».

Напротив, в Москве интересы государственности, национальные интересы были всегда на первом плане.

И в случае с Богданом боярская дума предпочитала выждать, «семь раз отмерить», посмотреть, как сложатся обстоятельства.

Медлительность Москвы имела своим следствием то, что Хмельницкий не имел достаточной почвы для преодоления сильной оппозиции в этом вопросе. Против соединения с Москвой выступали на первых же порах две группы: высшее духовенство, не желавшее подчиниться московскому патриарху, и часть козацкой шляхты, опасавшаяся утратить свои привилегии.

Путь к Москве был достаточно тернист: московское правительство медлило, в самой Украине образовалась сильная партия, враждебная соединению, а тут еще вмешались иностранные государства и, маня пряником либо грозя кнутом, уговаривали Хмельницкого отказаться от его плана.

Положение Богдана в этом вопросе сделалось очень нелегким. С того момента, как определилось, что Украина, несмотря на сравнительную малочисленность ее населения (около одного миллиона человек), представляет собою в военном отношении большую величину, не одно государство пыталось использовать ее в своих целях.

Неоднократные попытки делал в этом направлении крымский хан. Еще настойчивее действовала Турция... Как известно, в 1650 году Хмельницкий вел переговоры с Турцией о признании вассальной зависимости от нее. Это был с его стороны обычный дипломатический маневр. Историк Костомаров в свое время нашел возможным, однако, тяжело осудить Хмельницкого за это. Но вот перед нами документ, свидетельствующий, что не только сам Хмельницкий не придавал значения такому «подчинению» Турции, но и эта последняя смотрела на вещи так же. Турецкое правительство и после 1649 года готово было утопить козаков в ложке воды: ведя дипломатический флирт с Хмельницким, оно в то же время предлагало полякам план удушения козацкой Украины. Документ имеется в Киевском рукописном архиве и, весьма вероятно, остался неизвестным Костомарову. Тем с большим основанием следует привести его.

В статейном списке посольства Артемона Матвеева и подьячего Ивана Фомина имеется следующая запись, датированная 1653 годом. «Да июня в 12-й день в городе Переяславле мещанин, писаря Андрея Искрицкого отец, сказывал: «В нынешнем де во 161-м году^[171] в великий

пост, а на которой недели того он не упомнит, писал де турской салтан к панам раде на сейм, чтоб они ево, салтана, взяли на польскую корону и на княжество Литовское, а он де им на помоч даст ратных людей на гетмана Богдана Хмельницкого и на все войско запорожское. А будет де они паны рады его, салтана, на польскую корону и княжество Литовское не возьмут, и он де, салтан, на них даст на помоч своих ратных людей гетману Хмельницкому».

Нет оснований сомневаться в правильности этого сообщения послов: турецкое правительство с одинаковой готовностью подбивало поляков против Украины, а Украину против Польши. Но особенно настойчиво склоняло оно Хмельницкого выступить против Москвы. Султан и крымский хан наперебой уговаривали гетмана поступить так. Если бы Хмельницкий не был глубоко принципиален в своих действиях, он легко мог бы поддаться этим уговорам и в ответ на отказ Москвы принять его в подданство бросить на ее земли огромную массу козаков и татар. Но эта мысль даже не приходила ему в голову.

— Истинно объявляю, — сказал он однажды, принимая московского посла Унковского, — что крымский царь Калга, и царевичи, и вся Орда звали меня всякими мерами итти с ними заодно воевать Московское государство, да и наши козаки того же хотели. Но я крымского царя уговорил, а своим козакам учинил заказ крепкий под смертною казнию и впредь всякими мерами от всякого дурна Московское государство оберегать буду. Знаю, что если я это сделаю, то и мне бог за это не потерпит.

Эти слова как нельзя лучше подтверждают мысль, что для Богдана Москва была всегда не последним, а первым прибежищем, что никакие политические комбинации не могли изменить его настойчивого стремления соединиться с нею. Со своей стороны

московское правительство желало выгодного для него соединения и избегало раздражать козаков. Характерный пример: в 1645 году между Москвой и Польшей было заключено соглашение о взаимной помощи в случае татарского набега. Но когда в 1648 году Тугай-бей вместе с Хмельницким стали громить польские армии и грабить польские города и Речь Посполитая потребовала от Москвы исполнения договора, московское правительство отказалось прислать на подмогу полякам вооруженные силы, так как, сражаясь с татарами, пришлось бы бить и козаков.

Мало того, по распоряжению царя Алексея Михайловича, путивльский воевода Никифор Плещеев послал в августе 1648 года Богдану Хмельницкому письмо, в котором опровергал слухи о готовящемся выступлении Москвы на стороне Польши.

«И вы б и вперед такова дела, что нам с Поляки на вас стоять заодно, от нас не мыслили и опасенья никакова не имели; да и мы от вас никакова дурна не чаем и опасенья не имеем, потому что вы с нами одное православные христианские веры»^[172], категорически заявлял Плещеев.

Однако с течением времени московское правительство начало серьезно беспокоиться.

Война с поляками требовала от Украины огромного напряжения сил. Через несколько лет страна, пораженная к тому же голодом и мором, обезлюдела и обессилела. В этих условиях Турция и Крым, сулившие Хмельницкому неисчислимы выгоды от совместного похода на Московию, возымели надежду на успех и потому усилили свои домогательства.

Это сыграло известную роль в решении Москвы соединиться, наконец, с Украиною.

Непосредственные переговоры Хмельницкого с Москвой начались еще в 1648 году, когда гетман, тотчас после Корсунской победы, послал царю письмо с

предложением союза против Польши и с заявлением: «Желали бы есми себе самодержца-государя такого в своей земле, как ваша царская велеможность». По причинам, о которых речь шла выше, московское правительство очень сдержанно отнеслось к этому посланию.

Приблизительно через год, в мае 1649 года, Богдан отправил с Чигиринским полковником Вешняком второе письмо аналогичного содержания. Вешняк был принят милостиво. Ему и восьми человекам его свиты были выданы царские подарки: «отлас гладкой, сукно лундыш самой доброй, камка добрая, 2 сорока соболей, по 50 рублей сорок» и т. п.

Когда Вешняк уезжал из Москвы, ему вручили царскую грамоту для передачи гетману. В этой грамоте (от 13 июня 1649 года) Алексеи Михайлович писал: «И за твое гетманово и всего Войска Запорожского к нам великому государю... доброе хотенье, что есте нашии царского величества милости к себе желаете и обещаетесь нам, великому государю со всем Войском Запорожским служить, жалуем, милостиво похваляем. А что писали естя к нам, чтоб нам, великому государю, велети ратем нашим на неприятелей ваших наступити... у отца нашего... и у нас... со Владиславом, королем Полским... учинено вечное dokonчанье... И нам великому государю за тем вечным dokonчаньем на Литовскую землю войною наступить и ратей наших послать и вечного dokonчанья нарушить немочно. А будет королевское величество тебя, гетмана, и все Войско Запорожского учинить свободных без нарушенья вечного dokonчанья, и мы, великий государь... тебя... пожалуем, под нашу царского величества высокую руку принята велим»^[173].

Короче говоря, в позлащенной коробочке содержалась горькая пилюля отказа.

Нечего и говорить, как разочарован был Хмельницкий этим отказом. Но Богдан был тонкий политик и государственный муж. Он скоро подавил в себе чувство обиды и решился вновь заpastись терпением^[174]. В сентябре принимая боярского сына Леонтия Жеденова, Богдан поднял чару за здоровье царя Алексея Михайловича и произнес многозначительный тост:

— Говорил де нам Крымской царь, чтоб... с ним заодно Московское государство воевать; и я де Московского государства воевать не хочу, и Крымского царя уговорил... Я... царю... всеа Руси готов служить со всем войском козацким... И не тово де мне хотелось и не так было тому и быть, да не поволил государь, помочи нам християном не дал на врагов^[175].

«И говоря, — добавляет Жеденов, — заплакал гетман: а знать, что ему не добре и люб мир, что помирился с Ляхи».

И не того де мне хотелось, и не так было тому и быть...

Эти слова вырвались, как вопль, и в искренности их не приходится сомневаться.

Но нельзя было в течение года уничтожить осторожное недоверие московского правительства. Москва хотела еще проверить искренность гетманских посланий, а заодно прощупать соотношение сил внутри и вовне Украины.

Для иллюстрации того, какой характер носила эта деятельность московского посольского приказа, приведем в выдержках некоторые документы.

В ноябре 1648 года Никифор Мещерский доносил из Брянска о победах Хмельницкого над поляками. Кончается «отписка» Мещерского так: «Да в тех же де, государь, городех... говорят и богу молят, чтобы им быть в одной православной вере под твоею государевой высокою рукою; будет де пан Хмелницкой осилет

Ляхов, и он де хочет поддатца одному государю крестьянскому»^[176].

О том же и тогда же говорилось в отписках Замятина, Кобыльского и др.

В августе 1649 года Андрей Солнцев из Рыльска, донося о результатах специально организованной для выведывания экспедиции «торговых людей», философически замечает: «...а кто де, государь, впредь будет силнея, казаки ль Ляхом, или Ляхи казаком, и того де подлинно они не ведают»^[177].

Месяцем позже путивльские воеводы сообщали царю о результатах их разведки. Некий Петр Литвинов был послан на Украину и видел самого Хмельницкого. Он слышал, как войсковой есаул Миско высказался в пользу организации совместного с татарами похода на Москву, так как царь не оказал помощи козакам. Однако гетман заявил, что на Москву не посягатель и рад служить царю^[178].

В посольский приказ поступала обильная информация, свидетельствовавшая о том, что на Украине зреет серьезное раздражение против Москвы. «Торговые люди» все чаще сообщали, что среди козаков ведутся разговоры относительно того, чтобы вместе с крымцами воевать московскую землю^[179].

Так шло время — в собирании Москвой информации, в обмене то вежливыми, то раздраженными речами^[180].

Богдан ждал. В 1650 году он послал в Москву посольство Михаила Суличича, в следующем году — Семена Савича и Лукьяна Мозыря.

В марте 1651 года, незадолго до Берестечкой битвы, он написал московскому боярину Борису Морозову, прося его, как пользующегося доверием у царя, похлопотать о принятии Украины в московское подданство^[181].

Подьячий Григорий Богданов, побывавший в Киеве в июле 1651 года, сообщал со слов Выговского, что киевский митрополит Сильвестр Коссов готов лично ехать в Москву с ходатайством о соединении и не делает этого только из опасения, что поездка окажется безрезультатной, а между тем вызовет сильное раздражение у ляхов.

Когда вслед за тем Григорий Богданов совместно с митрополитом Гавриилом посетил Хмельницкого, тот держал перед ними большую откровенную речь, в которой многое заслуживает пристального внимания.

— Что великий государь... Польских послов отправил не с их охотою, чего они, приехав, хотели и домогались... и он гетман о том zelo радуется... и до великого государя... пошлет своих посланцов... и велит великому государю... бити челом с большим прошеньем, чтоб великий государь... принял их под свою государскую высокую руку; а они де все... под его государскую высокую руку с великим хотеньем во всей ею государской воле быти хотят, так же как у великого государя... в ево Российском государстве всяких чинов люди в подданстве и во всей его государской воле пребывают.

Митрополит выразил удивление, что гетман вошел в союз с басурманами. На это Хмельницкий ответил:

— Толко де за грехи нам, православным христьяном, ныне такое время дошло — с ними бусурманы братство и соединенье держать по неволе; они де, православные христьяне, держат с ними братство для того, чтоб им святые божие церкви и православную христианскую веру от Польских и от еретических рук свободить; а они бусурманы с ними братство держат для того, что везде на войнах за их головами многую корысть себе получают, и приходя де к ним на помочь, и нам православным христьяном всякое большое дурно чинят; а ныне де и над самим над ним гетманом Крымской царь

большое дурно учинил: пришед на помочь, помочи не учинил... и ево гетмана взяв, от козатцкого обозу отвез в дальние места и к войску не отпустил неведомо для чего, и держал у себя с неделю... и только де он гетман и за такое большое дурно раздору никакова не учинил... потому: как ему гетману с Крымским царем учинить роздор, и он де, Крымской царь, сложась с Польским королем, учнет на них воевать... А естли де великий государь его гетмана с Войском Запорожским и всю Малую Русь всяких чинов людей примет, и он бы его великого государя, его царского величества, имянем был Крымскому царю страшен и обид бы от него, Крымского царя, никаких терпеть не стал^[182].

И эта беседа не имела никакого положительного результата. Переговоры о соединении подвигались вперед, но со скрипом, черепашьими темпами, и это, конечно, вызывало новые и новые стычки. В мае 1651 года один из московских информаторов, известный под именем Грека старца Павла, сообщал: «И он гетман в розговоре говорил про Москву и клялся, смотря на образ Спасов: «будет на Москву, не пойду и не разорю пуще Литвы! я де посылаю ото всего сердца своего, а они лицу моему насмежаются!»^[183]

Разумеется, если это и говорилось Богданом, то говорилось не серьезно, от горечи бессилия ускорить ход дела. Да и как было не горевать? Силы Украины начали иссякать. Голодающая, обескровленная непрерывной войной и татарским хищничеством, придавленная тяжким прессом Белоцерковского договора, страна уже была близка к тому состоянию, которое впоследствии получило название «руины». К тому же Белоцерковский договор, восстанавливавший почти повсеместно власть панов, вызвал резкое недовольство гетманом... Отныне война с поляками, даже если бы удалось ее возобновить, должна была протекать в гораздо худших условиях. И Богдан

выдвигает проект, являющийся отказом от планов о независимости.

Весною 1652 года он вновь пишет Алексею Михайловичу:

«Пожалей нас, государь православный, умиласердись над православными божьими церквами и нашею невинною кровью. Ничего не исполняют поляки, что с нами постановили... Со слезами просим твое царское величество: не дай, великий государь, клятвопреступникам и мучителям разорить нас до конца; прими нас под свою крепкую руку».

Это письмо отвез в Москву полковник Искра. В устной беседе Искра изложил проект Хмельницкого.

— Если его царское величество, — заявил он, — не хочет нарушить мира с поляками, то пусть пожалует нас: позволит перейти на порубежные свои земли, около Путивля, и поселиться на границе литовской.

Это был очень тонкий проект. Хмельницкий как бы добровольно уступал полякам залитую кровью территорию Украины. На самом деле он рассчитывал таким путем вовлечь московское правительство в войну с Польшей, а тогда, улучив момент, снова вытеснить поляков из Украины, границы которой оказались бы таким образом значительно расширенными за счет Путивльской области.

Бояре учли это второе обстоятельство.

— Пусть переходит гетман со всеми черкасцами на нашу сторону, — ответили Искре, — есть у его царского величества земли большие, пространные: пусть селятся по Дону, Медведице, на удобных местах. А в порубежных городах им селиться не годится, потому что тогда будет у них с поляками большая ссора^[184].

Но такая перспектива была уже совсем безрадостна. Переговоры снова повисли в воздухе. Победа под Батогом улучшила положение дел на Украине и вовсе заставила забыть этот план.

Однако старания гетмана довести до конца дело соединения обеих народов не прекращались.

В декабре 1652 года он послал с той же целью в Москву одного из самых влиятельных представителей козацкой верхушки, войскового генерального судью Самойлу Богданова (Зарудного). Посольство было принято очень милостиво, а в конце беседы боярин Пушкин спросил от царского имени:

— Какими мерами и как тому быть, что гетману Богдану Хмельницкому и всему войску запорожскому быть под его государевою высокою рукою? И где им жить: там ли, в своих городах, или где инде?

Богданов уклонился от прямого ответа на этот вопрос, сославшись на отсутствие у него инструкций от гетмана.

Подобно своим предшественникам, Богданов не добился окончательного успеха, но его поездка явилась еще одной ступенью в деле сближения обоих народов. Спустя полгода царь прислал в Киев стольника Лихарева с извещением, что он намерен взять на себя посредничество между Польшей и козаками и уже отправил с этой целью послов в Варшаву. Хмельницкий благодарил, но заметил, что «с поляками помириться трудно, потому что они не стоят в правде». Гетман при каждом случае напоминал о необходимости соединения. Так и теперь он не упустил возможности просить, «чтобы великий государь, ради православной веры, принял нас под свою великую государеву руку и помог нам думою и ратными людьми».

В августе московский гонец Иван Фомин более или менее определенно заявил Богдану, что вскоре последует царский указ о принятии в подданство Украины.

— Ты, гетман Богдан, и ты, писарь Иван, и все войско запорожское, на его, государеву, милость будьте надежны, — многозначительно сказал гонец.

— Мы, кроме его, великого государя, никому не бьем челом и не хотим поддаться, — отвечал Хмельницкий, но тут же добавил: — Меня и крымские ханы послушают и будут с татарами у его величества в холопстве. Теперь то время пришло и подоспело счастье великого государя.

Не столь важно, что ответил Фомин на эту тираду. Главное было то, что переговоры о соединении приближались к долгожданному завершению.

Если Москва все еще медлила, хотя в основе вопрос был уже царем и правительством решен, то на это повлияли внутренние волнения, особенно восстания, вспыхнувшие в то время в Новгороде и Пскове.

Однако осенью и это соображение потеряло силу. Вопрос был изучен вдоль и поперек, и всем было ясно, что дальнейшее промедление может иметь самые тяжкие последствия.

Хмельницкий прилагал все усилия, чтобы довести до вожделенного конца переговоры о соединении. В марте 1653 года он отправил в Москву посольство Кондрата Бурляя с Силуяном Мужилковским, в августе — Герасима Яковлева (по иному написанию, Яцкевича).

С Яковлевым гетман писал настойчивей и энергичней, чем когда-либо:

«И мы, Богдан Хмельницкий, гетман войска Запорожского, и все войско Запорожское иному неверному царю служить не хотим; толко тебе, великому государю православному, бьем челом, чтоб твое царское величество не оставлял нас. Король полский со всею силою лятцкою идет на нас, погубити хотят веру православную, церкви святыя, народ православной христианский из Малые сея Росии». Богдан просил помощи, «толко скоро явити нам милость свою»^[185].

С тем же Яковлевым Выговский прислал доверительное письмо думному дьяку Лопухину.

Видимо, желая подействовать на московских бояр, он извещал, что у гетмана находятся турецкие послы, старающиеся помирить козаков с Польшей; но до ответа из Москвы решения не будет.

Одновременно с посылкой царю упомянутого Письма Хмельницкий, всюду искавший поддержки, адресуется к патриарху Никону. Он шлет ему два письма (9 и 12 августа), прося ходатайствовать перед царем об оказании военной помощи и о принятии Украины в подданство. В конце концов настойчивость Богдана, а главное, конечно, логика событий привели к цели: московское правительство решилось принять Украину в подданство.

В литературе о соединении Украины с Россией принятие Москвой окончательного решения обычно связывают с Земским собором, состоявшимся 1 октября 1653 года. Но в действительности это не совсем так. Решение было принято раньше, а на упомянутом Соборе оно было только оформлено. На этом вопросе, именно вследствие того, что он сравнительно мало освещен, следует остановиться подробнее.

С. М. Соловьев и Н. И. Костомаров почему-то совершенно не упоминают, что до Собора 1653 года в Москве был созван Собор о Малороссии в 1651 году. А между тем известия об этом Соборе были опубликованы еще Д. Бактыш-Каменским (см. его «Историю Малой России», ч. I, М., 1822, стр. 3-4).

Созыву этого Собора предшествовал приезд в Москву польского посланника Альбрехта Пражмовского, которому было поручено уверить бояр в неискренности и даже враждебности к ним Хмельницкого. Очевидно, для того чтобы всесторонне обсудить столь запутанную и

сложную проблему, и решено было созвать Земский собор.

В его заседаниях принимали участие сам царь, тогдашний патриарх Иосиф, духовные лица, служилые люди, торговые и «всяких чинов» люди — всего 124 человека от 44 городов.

Первое заседание состоялось 19 февраля 1651 года; на нем присутствовали только духовные лица. Было зачитано «государево письмо», в котором речь шла о двух вопросах. Во-первых, предъявлялся ряд обвинений польскому правительству: в том, что оно нарушает достоинство московских царей неверной пропиской их титула, ведет злокозненные переговоры с крымским ханом и интригует против Москвы и Швеции; во-вторых, подымался вопрос о козацкой Украине: если не принять ее в подданство, то казаки «поневоле учинятся в подданстве у турецкого салтана с крымским ханом вместе»^[186].

Духовенство тщательно обсудило всю сумму вопросов и дало ответ только 27 февраля; на следующий день состоялось второе заседание, в котором участвовали все члены Собора, кроме духовных (царь снова присутствовал). На этом заседании решено было солидаризироваться с ответом, данным духовенством.

Сущность этого, таким образом, единодушного ответа состояла в том, что если польский король не удовлетворит требований московского правительства, то можно будет объявить Польше войну; аналогично решался вопрос об Украине: «А будет король польский по всем управы не учинит, и запорожского гетмана с Черкасы мочно принять со утверждением»^[187].

Таким образом, Собор дал условный ответ. Но принципиальное отношение к вопросу выявилось здесь со всей очевидностью. Царь и его советники убедились, что, решив принять Украину и, может быть, вызвав

вследствие этого войну с Польшей, они найдут поддержку и сочувствие у выборных людей.

И вот, когда в 1653 году вопрос о соединении достиг наибольшей остроты, в Москве было сочтено необходимым вновь прибегнуть к консультации с выборными лицами. Выборные эти начали совещаться 5 июня.

Относительно существа дела разногласий, надо думать, не возникло. И уже 22 июня Хмельницкому посылается с Ладыженским царская грамота, в которой говорится, что, по дошедшим сведениям, гетман грозитя поддаться турецкому султану, если царь его не примет в подданство. «И мы... — сказано далее в грамоте, — изволили вас принять под нашу царского величества высокую руку... А ратные наши люди собираютца и ко ополчению строятца... И прислали б есте к нам посланцов своих, а мы... пошлем к вам наших... думных людей»^[188].

Итак, *alea jacta est!*^[189] Царское слово дано!

Но, видимо, сложность проблемы требовала длительного рассмотрения ее, и потому официальное заседание Собора состоялось только 1 октября (к этому моменту вопрос был обсужден, окончательно согласован и получил надлежащие формулировки).

Таким образом, когда посольство Яковлева привезло настойчивые письма Хмельницкого к царю и патриарху Никону, то есть в августе 1653 года, в Москве уже все было, в сущности, ясно. И потому царь Алексей Михайлович мог, не дожидаясь дальнейшего «оформления», известить гетмана о принципиальном решении. 9 сентября Яковлеву было сказано, что к гетману поедут стольник Родион Стрешнев и дьяк Бредихин. А уже 20 сентября последовал царский наказ упомянутым двум лицам спешить к Богдану Хмельницкому. «И вы-б ехали наспех, не мешкая нигде ни часу», говорилось в наказе^[190]. Но после того как

было вручено Стрешневу для гетмана извещение о принятии Украины в подданство, надобность в формальном, торжественном одобрении этого акта не уменьшилась. И на 1 октября было назначено «пленарное», как мы бы сейчас выразились, собрание выборных — торжественное заседание Земского собора. На этом Соборе присутствовали, кроме царя, патриарх Никон и два митрополита. Заседание состоялось в Грановитой палате Кремля.

Вопрос, предложенный Собору, был поставлен прямо и четко: надо ли разрывать «вечное dokonчанье» (вечный мир) с Польшей и принимать в подданство козаков?

Бояре приговорили: так как поляки учинили Московскому государству много неправд (следовало перечисление их) и не дали никакого удовлетворения, то разорвать с ними мир и объявить им войну. Что же до запорожцев, то их надлежит, ради спасения православной веры, принять под покровительство «с городами их и с землями».

К этому служилые люди добавили, что рады помереть за государскую честь и готовы биться с польским королем; а торговые люди заявили, что «зспоможеньем и за их государскую честь головами ж своими рады помереть».

Нетрудно заметить различие обоих постановлений. По справедливому замечанию К. Аксакова, Собор 1653 года торжественно санкционировал то, что было принципиально определено еще в 1651 году. Но на сей раз правительство получило не условный, а запелляционный ответ. «За честь царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича стояти и против польского короля война весть, а терпети больше того нельзя, — гласил приговор Собора, — а о гетмане... и о всем войске запорожском бояре и думные люди

приговорили... принять их под свою высокую государскую руку».

Долго и всесторонне обсуждавшийся, взвешивавшийся и изучавшийся вопрос о соединении был вынесен на Собор в законченном виде (недаром потребовалось только одно заседание, в то время как на Соборе 1651 года было пять заседаний). Но тем не менее царь и боярская дума достигли своей цели: их решение — правда, принятое с учетом мнения выборных — было подкреплено всем авторитетом земских соборов. И на это не раз потом сылались. Например, отправляя в 1654 году войска на войну с Польшей, царь подчеркивал, что они должны «за всякую обиду к Московскому государству стоять», потому что «в прошлом году были соборы не раз», а на соборах этих «были выборные».

Так даже сам царь опирался на авторитет земских соборов в вопросе о присоединении Украины.

Стрешнев и Бредихин повезли богатые подарки: гетману соболей на 980 рублей, сыну его Тимошу на 100 рублей, сыну его Юрию, жене гетмана Анне и жене Тимофея каждому на 50 рублей, Выговскому на 300 рублей и т. д. Но встреча их с Богданом произошла не сразу. Гетман был в то время в походе. В конце октября он писал послам, что рад узнать о принятом в Москве решении, но что встреча произойдет в Чигирине, так как надо остерегаться говорить о случившемся среди татар. «Не мыслим никому, кроме его царского величества работати», заключил Богдан это свое письмо^[191].

Очередная измена татар обесценила победу козаков под Жванцем, превратила ее в частный успех. Грустный вернулся гетман в Чигирин и здесь, 26 декабря, встретился с московскими послами.

Он вручил им письмо на имя царя с благодарностью за принятое решение.

— Государеву милость, что он вас к себе в подданство принимает, мы тебе сказали, — заявили

послы в конце беседы, — и ту государеву милость, чтоб она всем была известна, полковникам и начальным людям следует ли нам объявить?

На это Богдан ответил, что все разошлись после похода по домам и сейчас объявлять некому. Он созовет всех в Переяслав, сам приедет туда и там уже со всем войском учинит торжественную присягу. Гетман выразился так:

— Там уже со всем войском учнем государю крест целовать безо всякого размышления.

Это были искренние слова: победа под Жванцем была пирровой победой; Украина так ослабела за шесть лет тяжелой войны и голода, что при всей слабости Речи Посполитой для дальнейшего сопротивления не было сил.

Московская помощь пришла в самый критический момент.

XIX. ВОССОЕДИНЕНИЕ

Официальное московское посольство, везшее постановление Земского собора и имевшее задачей торжественное приведение к присяге новых подданных, возглавлялось опытным дипломатом, боярином Василием Васильевичем Бутурлиным. С ним ехали окольниковый Олферьев и думный дьяк Лопухин.

Посольство прибыло в Переяслав 31 декабря 1653 года. Хмельницкий еще оставался в Чигирине, где хоронил сына Тимофея. Московское посольство встретил переяславский полковник Тетеря.

Если Выговский сделался к этому времени правой рукой гетмана, то Тетерю с полным правом можно назвать его левой рукой. Он знал латинский, польский, церковно-славянский языки и вообще, по выражению современника, «обладал ученостью». Тетеря был крестником Хмельницкого (и шурином Выговского).

Тетеря являлся противником московской ориентации. Однако, зная, что вопрос уже предрешен, он держался очень политично: встретил гостей с почетом и произнес высокопарную приветственную речь.

6 января 1654 года прибыл в Переяслав Хмельницкий. Перед отъездом он устроил обед для пятидесяти выкупленных из плена поляков. На этом обеде он держал речь:

— Теперь, господа поляки, мне кажется, что мы уже навек разлучимся. Вы не будете наши, а мы — ваши. Этой потери вы себе никогда не сможете вознаградить. Вините самих себя за то, что вы, по вашему неблагоразумию, потеряли.

То была своего рода эпитафия польскому владычеству на Украине.

7 января приехал генеральный писарь Иван Выговский. В тот же день у гетмана состоялось закрытое совещание со старшиной. Цель его заключалась, вероятно, в том, чтобы предотвратить неожиданности со стороны противников соединения.

Утром 8 января Выговский явился к Бутурлину и заявил:

— Была у гетмана тайная рада с начальными людьми. Все они под государеву высокую руку подклонились.

Однако вечное подданство страны новому государю должны были присудить не только гетман со старшиной, но и весь народ.

В тот же день на площади перед гетманским домом собралось «великое множество» народа. Все полковые старшины и знатнейшие козаки прибыли «по зову Хмельницкого» в Переяслав. Народ расположился не только на площади, но и на крышах соседних домов и на деревьях.

В одиннадцать часов на устроенном возвышении появился гетман, одетый в парадные одежды и сопровождаемый ближайшими сподвижниками: Выговским, Тетерей, Лесницким, Самойлой Богдановым и другими^[192].

В глубокой тишине Хмельницкий начал свою речь:

— Панове полковники, есаулы, сотники и все войско запорожское и все православные христиане! Ведомо вам всем, как нас бог освободил из рук врагов, гонящих церковь божию. Уже шесть лет живем мы в нашей земле без государя, в беспрестанных бранях и кровопролитиях с гонителями и врагами нашими, которые хотят искоренить церковь божию; даже имя русское не упоминалось в земле нашей. Это нам всем уже очень докучило, и видим, что нельзя нам жить более без царя. Поэтому мы собрали ныне раду, явную всему народу, чтобы вы с нами вместе избрали себе государя, которого

захотите из четырех. Первый царь — турецкий, который многократно призывал нас под свою власть; второй — хан крымский; третий — король польский, который, если мы того пожелаем, и теперь еще нас может принять в прежнюю ласку; четвертый — православный государь Алексей Михайлович, самодержец всей России, которого мы уже шесть лет беспрестанно умоляем. Избирайте, которого хотите.

Турецкий царь — басурманин. Всем вам ведомо, какую беду терпят братья наши, православные христиане, греки. Крымский хан тоже басурманин; мы по нужде свели с ним дружбу, но приняли от этого нестерпимые беды. О том, какое нещадное пролитие крови христианской, какое пленение нам было у польских панов, не надобно вам и сказывать.

А православный великий государь одного с нами благочестия. Сжалившись над шестилетними нашими мольбами, он склонил к нам теперь свое царское сердце и прислал к нам со своей милостью великих ближних людей. Возлюбим его с усердием: мы не найдем лучшего пристанища, чем его высокие руки.

А если кто с нами не согласен, пусть идет теперь, куда хочет, — вольная дорога.^[193]

Хмельницкий умолк, и в ответ ему раздался тысячеголосый крик:

— Волим под царя православного! Лучше нам умереть под его крепкой рукой в нашей благочестивой вере, чем достаться поганину!

Полковник Тетеря начал ходить по кругу и спрашивал на все стороны:

— Все ли так соизволяете?

— Все единодушно, — отвечали ему. Тогда Богдан громко провозгласил:

— Будь так! И пусть укрепит нас бог под царскою крепкою рукою.

Приведенная здесь картина этой исторической рады рисуется почти одинаково во всех источниках. Видимо, решение о переходе в московское подданство было принято действительно единодушно; те, кто не сочувствовал ему, предпочли промолчать: либо не надеясь на успех, либо сознавая, что лучшего выхода страна не имеет.

«Но недаром Украина и Россия долго жили отдельной жизнью и под противоположными влияниями, — писал историк Г. Карпов. — Вследствие этого в момент соединения у представителей их сложились такие воззрения, что о многих предметах они думали совершенно различно. Часто оказывалось, что, сходясь в общем, одна сторона в частности не совсем ясно понимала, чего домогалась другая».

Это различие воззрений сказалось немедленно, буквально через час после торжественного постановления.

По окончании рады гетман сел с послами в карету и поехал в соборную церковь. На паперти его встретило переяславское и прибывшее московское духовенство. Все вошли в храм, и казанский архимандрит Прохор приготовился начать церемонию присяги, как вдруг Хмельницкий остановил его. Обратившись к Бутурлину, он сказал:

— Тебе, боярин, с товарищи следует сперва учинить веру^[194] за государя, что ему нас польскому королю не выдавать и вольностей наших не нарушать: кто в каком чине был наперед сего и какие имел маестности, тому бы всему быть попрежнему.

— Того в Московском государстве николи не бывало и впредь не будет, чтобы за государя веру чинить, — возразил Бутурлин. — Тебе, гетману, и говорить о том непристойно. А вы как начали государю служить, то и присягали бы без всякого сомнения: государь вас

защищать будет, а вольностей да имений ваших не отнимет.

Отказ Бутурлина принести присягу произвел сильное замешательство. Хмельницкий заявил, что он должен посоветоваться со старшиной, и вышел из церкви.

Через некоторое время Тетеря и Лесницкий возвратились к ожидавшим в церкви послам и возобновили уговоры дать требуемую от них присягу.

— Польские короли подданным своим всегда присягают, — увещевали они Бутурлина.

— Что польские короли подданным своим всегда присягают, то этого ставить в образец не годится, — отвечал тот: — они не самодержцы, да и никогда присяги своей не выполняют. А государское слово переменено не бывает. Присланы мы к вам с царской милостью, по вашему челобитию. И вам надлежит служить государю, а если кто-нибудь станет к такому великому делу непристойные речи говорить, то унимать его.

Спор затягивался. Каждая сторона понимала, что исход его важен не сам по себе, а своим «символическим» значением: требуя двусторонней присяги, Хмельницкий подчеркивал как бы равноправность договаривающихся; Бутурлин же ставил Украину сразу в подчиненное положение.

В конце концов московские послы одержали верх. Гетман со всеми людьми вернулся в церковь и заявил, что «они во всем полагаются на государеву милость». После этого он сам и старшины присягнули царю от имени всей Украины в вечном подданстве. Слова присяги многие произносили со слезами. После присяги московский дьякон Алексей выкрикал с амвона многолетие государю.

Бутурлин передал Хмельницкому царские подарки: знамя, булаву и одежды. Были розданы подарки и старшинам; целый день козаки и переяславские жители

присягали в верности московскому государю. Имя каждого, принесшего присягу, записывалось в росписных книгах.

Вслед за тем послы отправили стольников и стряпчих отбирать присягу в разных городах Украины^[195], а сами поехали с этой целью в три крупнейших города: Киев, Нежин и Чернигов. Всюду их встречали с почетом и охотно давали присягу. Только киевское духовенство, во главе с митрополитом Сильвестром Коссовым, под разными предлогами уклонилось от присяги. Да еще в Запорожской Сечи присягу отобрать не удалось, хотя кошевой совет и высказался за соединение.

В последних числах января московское посольство выехало обратно в Москву. Тремя неделями позже двинулось туда же и украинское посольство. Оно везло челобитье к царю о козацких нуждах. Иначе говоря, цель его сводилась к ратификации договорных статей об условиях соединения.

Переговоры об условиях соединения начались, собственно, тотчас после переяславской рады. До отъезда своего из Переяслава послы имели ряд бесед с гетманом и со старшинами, и там-то впервые были поставлены и в общих чертах обсуждены многие «деликатные» вопросы.

Беседы эти имели две отличительные черты. Прежде всего это уже не были переговоры в смысле свободного соглашения двух разных сторон, — они носили форму челобитья, обращенного к представителям власти. Во-вторых, речь в них шла о таких предметах, которых дотоле руководители Украины совершенно не касались.

Несомненно, что в момент соединения обе стороны были недостаточно осведомлены друг о друге. Несомненно и то, что, желая поскорее достигнуть конечной цели переговоров, обе стороны, особенно Украина, умышленно не все договаривали, о многом

вовсе умалчивали. И вот теперь, когда соединение двух государств стало совершившимся фактом, предстояло в первый раз коснуться многих скользких пунктов.

Через день после рады, 10 января, Хмельницкий в сопровождении старшины прибыл к Бутурлину. Первое его ходатайство сводилось к сохранению в Украине ее сословного строя, к недопущению социальных изменений.

— Пусть государь пожалует, чтобы кто в каком чине был, в том же и оставался: шляхтич был бы шляхтичем, козак — козаком, мещанин — мещанином.

Послы обещали, что эта просьба будет государем удовлетворена.

— Бьем челом государю, — продолжал гетман: — велел бы у нас учинить войска запорожского шестьдесят тысяч человек.

Богдан назвал максимальное число реестровых козаков, о котором мечтали в эпоху польской власти. Послы отнеслись благосклонно к этой просьбе, но указали, что все зависит от решения царя.

Потом Хмельницкий, а вслед за ним и Выговский заявили, что надеются на признание за ними прав на поместья, которыми они ныне владеют.

Послы во всем обнадеживали их, но не давали никаких определенных гарантий. Выговский и Самойла Богданов специально приезжали на другой день, прося дать им хоть «письмо за своими руками, что вольностям, правам и маетностям нашим быть попрежнему». Но Бутурлина было невозможно сдвинуть с его позиции.

— То дело нестаточное, — твердил он, — чтобы нам дать вам письмо; да и вам о том говорить непристойно. Государь вольностей и прав ваших не отнимает. Вы же говорили, что хотите послать к государю бить челом о своих делах.

Тем переяславские переговоры и закончились. Никаких формальных обязательств московские послы не

дали. Надо было обращаться за этим непосредственно в Москву^[196].

При дворе Алексея Михайловича ждали, что во главе столь важного посольства, которому предстоит обсудить условия соединения двух народов, приедет сам гетман. Его даже прямо приглашали приехать «видеть царского величества пресветлые очи». Но Хмельницкий не поехал. Когда в апреле в Москву отправился с поручением Горкуша, в данном ему наказе было сказано: «Буде учнут говорить: для чего гетман до государя не ехал? — отвечать: нельзя, потому что вся Украина ни во что б пошла».

В Москве, однако, порешили не обострять сразу отношений с гетманом, чей самолюбивый нрав там знали хорошо. Алексей Михайлович известил его: «И нам бы великому государю в том на тебя, что ты нашего царского величества очей не видел, нашего государского гневу не положить»^[197].

Возглавляли делегацию Самойла Богданов (Зарудный) и Павел Тетеря. С ними ехали гетманский пасынок Кондрат Якимович, Кирилович, Гапонович, Харитонович и толмач, затем духовные лица, слуги, конвой и т. п.

Московское правительство готовило украинским послам почетную встречу. Калужский воевода получил приказ: «Как те посланники приедут в Калугу, и ты бы в то время велел выехать за город служилым людям, человекам 20 или 30, будто для гульбы, в цветном платье и на добрых лошадях; и как съедутся с посланниками, то велел бы спросить их от себя о здоровьи; а как поедут в город, и в то время по улицам, где посланникам итти, было б людно и стройно».

Вообще в Москве не хотели ударить лицом в грязь перед новыми подданными. Было приказано починить на старом денежном дворе заборы и ворота, а на хоромах

кровли, потому что «там стоять запорожским посланникам».

13 марта посольство было милостиво принято государем, передало ему личное письмо гетмана и его дар — серого аргмака — и в тот же день приступило к переговорам. Ведение переговоров царь поручил Бутурлину, князю Алексею Трубецкому, окольниковому Головину и думному дьяку Алмазу Иванову.

Московское правительство сразу удовлетворило все требования, точнее просьбы козацкой старшины, внося только в отдельных случаях незначительные изменения. Лишь в одном пункте последовал отказ: правительство, соглашаясь на реестр в 60 тысяч человек, отказывалось платить всем реестровым жалованье. В переговорах с Бутурлиным гетман и старшина не настаивали на этом пункте, но теперь украинское посольство проявило исключительную настойчивость. Оно трижды возобновляло ходатайство перед царем, мотивируя тем, что доходов и податей, которые соберут на Украине, не только хватит на жалованье реестровому войску, но еще останется излишек для московской казны. В конце концов московское правительство удовлетворило и эту просьбу: всем реестровым — рядовым козакам было положено жалованье по 30 польских злотых в год.

Таким образом, договорные статьи о соединении почти во всем отвечали желаниям козацкого руководства. Тем не менее они получили в Москве другую редакцию: из них было устранено все, что носило характер требований. Еще когда составлялся Зборовский договор, разбитое козаками польское правительство облекло продиктованные ему условия в

форме королевского «привилегия». Тем более не могло допустить иной редакции московское правительство.

Соединение Украины с Россией было оформлено двумя документами: «Жалованной грамотой» и «Статьями, постановленными в Москве с посланцами гетмана Хмельницкого».

«Жалованная грамота» датирована 27 марта 1654 года. К ней приложены «Статьи», в которых конкретизируются условия соединения. Конечно, в этих статьях далеко не полно были отражены все нуждавшиеся в уточнении вопросы. Попрежнему обе стороны избегали ставить точки над «и», поручая времени полностью разобраться в некоторых сомнениях. Но основные моменты, волновавшие козачество, получили здесь свое разрешение. Содержание «Статей» вкратце таково:

1. Козаки подсудны только своему суду: где три человека козаков, то два третьего судят.

2. В случае смерти гетмана козаки сами выбирают ему преемника. Новому гетману надлежит лично съездить в Москву, где государь даст ему булаву и грамоту на гетманство.

3. За козаками и их вдовами закрепляются те участки, которыми они ныне владеют.

4. Из собираемых на Украине податей выплачивать ежегодное жалованье реестровым козакам (при шестидесятитысячном реестре): рядовым козакам по 30 польских злотых, сотникам — по 100, судьям войсковым — по 300 и т. д.

5. В духовные права украинской церкви патриарх вмешиваться не будет.

6. Гетман не должен сноситься помимо Москвы с Польшей и Турцией. Он может принимать послов других государств «о добрых делах», извещая московское правительство о происходивших переговорах.

7 Сбор податей производится украинскими выборными людьми; собранные деньги передаются присланным из Москвы приказным, которые могут контролировать правильность действий сборщика.

8. За жителями Украины сохраняются те права и вольности, которые они раньше имели: козак останется козаком, а пашенный крестьянин будет «должность обыкную» отдавать.

9. На булаву гетманскую дается староство Чигиринское и сверх того тысяча золотых червонцев.

Таковы в общих чертах те условия, на которых произошло соединение Украины с Россией.

Оценивая эти условия, надо отметить, что они были гораздо выгоднее для Украины, чем даже пресловутый Зборовский договор, вызывавший такие яростные нападки со стороны польских шляхтичей. Стране обеспечивались те права и имущества, которые она завоевала себе после 1648 года: выборное чиновничество в войске и в городах, численность реестра на жалованье в 60 тысяч человек, свой суд, право собственности на земельные участки, право вести сношения с иностранными государствами (кроме Турции и Польши) и т. п. Существенное значение имело то, что Украина включилась в централизованное государство, имевшее возможность защитить ее от турецко-татарских нападений. Уничтожался религиозный гнет. На несколько десятилетий был уничтожен и национальный гнет; когда же он возобновился, то был значительно менее жестоким, чем во времена панского владычества. В значительной мере облегчались крепостные повинности крестьян. Кроме того, на практике Хмельницкий с первых же дней стал нарушать эти условия и фактически добился еще гораздо более удобного для себя положения. Во весь период его гетманства реестровые списки так и не были составлены. «Той росписи на 60 тысяч человек учинить

никакими мерами нельзя, — заявила вскоре козацкая старшина московскому посланцу Протасьеву, — как война минется, тогда реестр сделаем». Число реестровых осталось, по существу, неограниченным; сам гетман определял его свыше чем в 100 тысяч человек.

Договорные статьи нарушались и во многих других пунктах. Суммы, поступавшие от сбора податей, оставались фактически в распоряжении гетмана, — в Москву почти ничего из них не передавалось. Еще меньше соблюдался договор в области иностранных сношений Украины: Хмельницкий вел переговоры и заключал союзы, как будто никакой Москвы и не существует, и хотя там неоднократно выражали недовольство по этому поводу, дело от этого не менялось.

Соединение с Московской Русью не было для Украины абсолютным благом. Царское правительство, превратившее Россию в тюрьму народов, искусственно задерживало хозяйственное и культурное развитие Украины. К тому же это правительство и не умело использовать огромные естественные и людские ресурсы обширной империи.

Но, не будучи благом в прямом смысле этого слова, соединение было для Украины исторически прогрессивно, — оно являлось для нее, чересчур слабой, чтобы вести самостоятельное существование, лучшим выходом из положения, в котором она очутилась. И недаром именно тогда в ней пышно расцвела культура: появилось много пьес, поэтических произведений, были созданы летописи Величко, Грабянки, Самовидца, народные думы и т. п.

Но как бы ни были благоприятны условия соединения Украины с Москвой, как бы снисходительно ни смотрело московское правительство на независимое поведение гетмана, факт оставался фактом: Украина сделалась частью Московского государства, пускай

планетой в созвездии других присоединенных земель, но все же она соединилась не на федеративных началах, а отдалась в подданство.

Насколько твердо и ясно намечали московские деятели контуры будущих взаимоотношений Московского государства с Украиной, настолько неопределенны были их представления о внутреннем строе этой страны. По словам В. Ключевского, в Москве смотрели на присоединение Украины с точки зрения своей традиционной политики как на продолжение территориального собирания Русской земли, как на отторжение от враждебной Польши обширной области, заселенной русскими людьми. Но московские бояре плохо понимали внутренние общественные отношения Украины и к тому же уделяли им мало внимания. Там не понимали ни розни козацкой старшины с рядовым козачеством, ни своеобразного положения козачества среди других сословий, ни настроений самого многочисленного украинского класса — крестьянства.

Совершенно естественно поэтому, что, идя вслед за послами Хмельницкого, московское правительство оставило на Украине в момент соединения весь прежний социальный уклад.

Но жизнь и здесь опрокинула букву договорных статей: каковы бы ни были расчеты козацкой верхушки, торопившейся добиться в Москве подтверждения и расширения своих прав, эта верхушка просчиталась. Широкие массы вовсе не были намерены подставлять шею под «обыклые» повинности. Они не желали делать этого, когда Украина входила в польскую систему, а тем более теперь, при переходе в московское подданство.

Крестьяне оставались в прежнем крепостном положении — они обязывались уплачивать барщину и нести оброк украинской шляхте. Но тем не менее присоединение к Москве имело и для них прогрессивное значение. Прежде всего они избавлялись от

национального гнета (в вопросах религии, языка и культуры), тем самым они избавлялись от одной из важнейших предпосылок политического гнета. Правда, украинский народ очень скоро почувствовал великодержавный гнет царизма, но он все же никогда не достигал такого ожесточения, как во времена польского владычества.

Что касается экономического и социального угнетения, то, хотя оно и оставалось, власть украинских старшин была, особенно на первых порах, значительно менее обременительной и тяжелой, чем власть польских панов.

Крепостнические порядки на Украине окончательно сложились лишь к концу XVIII века (в то время как на территории, оставшейся за Польшей — Галичина и др., — эти порядки приняла после 1654 года еще более тяжелую форму). К тому же даже в XVIII веке, когда положение масс значительно ухудшилось под бременем русских и украинских помещиков, оно было все же гораздо менее тяжелым, чем во времена польского владычества: барщина в России составляла обычно три дня, а в 1701 году на Левобережной Украине была официально установлена даже двухдневная барщина, между тем как панщина в польских поместьях достигала шести дней, а пять дней являлись нормой. Кроме того, — и это очень показательно для социально-политических сдвигов, происшедших в положении бывших «хлопов», — крестьянство очень свободно трактовало свои повинности к украинским помещикам и в первое время выполняло их лишь в меру собственного согласия. Характерно в этом отношении заявление Павла Тетери, сделанное в 1657 году. Он привез очередное ходатайство Выговского о пожаловании новых земель; в посольском приказе указали, что Выговский получил уже крупные поместья. На это Тетеря возразил:

— Хотя государь Выговского и братью его пожаловал, только они ничем тем не владеют, опасаясь от войска запорожского.

Вслед за тем Тетеря убедительно просил:

— Чтобы царское величество в войско ни про что про то, кем кто от его царского величества пожалован, объявляти не велел, потому что про то и гетман не ведал; а только де в войске про то сведают, что Выговский с товарищи упросили себе у государя такие великие маетности, и их де всех тотчас побьют, а учнут говорить: они де всем войском царскому величеству служили, а маетности выпросил себе один писарь с товарищи.

Словом, по заключению Тетери, «в войске запорожском владеть им ничем нельзя».

Из этого видно, что в первый момент после соединения козацкая верхушка, мечтавшая о возрождении в стране шляхетского сословия со всеми его привилегиями, оказалась в очень странном положении. Формально она приобретала шляхетские права на имения, но фактически не пользовалась этими правами, опасаясь взрыва возмущения в массах.

Выше отмечалось, что реестр в 60 тысяч на деле не соблюдался, реестровых козаков насчитывалось более 100 тысяч. Их-то и опасались новые помещики.

Старшины предпочитали прятать получаемые в Москве грамоты на поместья в ларцы, и население деревень и городов продолжало мирно жить, даже не подозревая, что над ними появился новый хозяин.

Польское правительство тотчас поддержало бы претензии помещиков, вооруженной рукой помогло бы им осуществить «ввод во владение». Москва же не вмешивалась в эти дела: отчасти потому, что на первых порах вообще предпочитала не касаться неясного ей внутреннего уклада Украины, отчасти же потому, что не хотела возбуждать недовольство в украинских низах.

Сколько бы привилегий ни получали старшины и духовенство, они были в некотором отношении менее надежными подданными, чем крестьяне и мещане, всегда тяготевшие к Москве и добившиеся в результате соединения если не формального, то фактического улучшения своего положения. Поэтому правительство соблюдало нейтралитет, а без его поддержки права новых помещиков часто оставались на бумаге.

Что касается мещанства, то оно оказалось в большой выгоде благодаря тому, что города получили самоуправление, были уничтожены привилегии иностранным купцам, уничтожены чинимые шляхтой препоны к развитию ремесел и пр.

Наконец, было еще одно обстоятельство, заставлявшее широкие массы ценить соединение с Москвой: теперь они не должны были так опасаться вечных губительных набегов татар.

Татары были страшны и в качестве врага и в качестве союзника. Теперь же отпала надобность поддерживать с ними союз, а их набег козаки, вкуче с московской ратью, легко могли отразить.

По всем этим причинам широкие массы украинского народа положительно отнеслись к соединению с Москвой. В народном творчестве осталось много песен, подтверждающих это. Вот одна из них:

Ой служив же я, служив пану католику,
А тепер ему служити не стану до віку.
Ой служив же я, служив пану бусурману,
А тепер служити стану восточному царю.
Ходить ляшок по риночку, шабельку виймае,
Козак ляха не боиться — шапки не знімае.
Ось ляшок до канчука, а козак до дрюка.
От тут тобі, вражий сину, з душею розлука.

Другая песня коротко, но выразительно свидетельствует о том же:

Та немає лучче, та немає краще, як в нас на
Україні,
Та немає ляха, та немає пана, не буде зміни.

Известие о том, что Украина приняла московское подданство, стала частью Московского государства, взволновало всю Европу. Австрийский император и турецкий султан писали Хмельницкому, грозя ему, если он не отложит соединения с Москвой: «...такое купно ратовати, яко и памяти козацкой не остатися». Шведский король выбивался из сил, представляя все новые аргументы против соединения. Но особенно яростно возражали Польша и Крым.

23 февраля 1654 года король Ян-Казимир издал обращение «всем вопче и всякому особю, кому о том ведати подлежит», в котором, брызжа слюною, сообщал о поступке «злослового изменника Хмельницкого» и призывал население не подчиняться решению Переяславской рады.

«Верные нам милые, — взывал король, — много меж вами постоянных в вере и послушании нам... Для того, по обыклов нашей к подданным ласковости, оберегаем вас, чтоб есте загодя образумились и в природном нашем и всей Речи Посполитой жили подданстве и нам с тем, покаместа войска наши не наступят, тотчас отозвались, а мы, как всех к ласке нашей и к заступлению принять хотим та и их при давних правах и вольностях держати обещаем»^[198].

Однако «верные милые» были сыты по горло «давними правами и вольностями», и умильный универсал Яна-Казимира остался гласом вопиющего в пустыне.

Крымский хан не обращался непосредственно к украинскому населению, зная, вероятно, какую репутацию он там имеет. Зато он оказал самый решительный нажим на Хмельницкого.

В «Материалах Посольского приказа», хранящихся в рукописных фондах Украинской академии наук, имеется очень любопытное собрание документов, озаглавленное «Кримски справи». Многие из этих документов рисуют старания крымского правительства воздействовать на Хмельницкого и расстроить его соглашение с Москвой.

Вот, например, донесение московских послов в Бахчисарае Ладыженского и Рогаркова от 19 марта 1654 года. Послы сообщают, что в этот день у хана были козацкие представители: «А говорили ему, что гетман их Богдан Хмельницкой со всем запорожским войском под государевою высокою рукою и крест ему, великому государю, целовал. И он де, царь (т. е. хан. — *К. О.*), тех черкасских посланцев, осердясь, хотел их казнить смертью. И черкасские де посланцы, не убоясь смертной казни, приказали к нему, что они присланы люди худы и казнить их не за што. И тем запорожского войска к себе не возвратить, а будет де надумаешь пойтить на Московское государство войной, и тебя де царя с татары запорожские черкасы за Перекопю встретят и совсем не честью воротят».

Уже из этого донесения видно, с какой решительностью и твердостью отклонял Хмельницкий всякие попытки подорвать его унию с Москвой.

Еще ярче это проявилось в донесении тех же послов от 29 апреля 1654 года. Послы извещают, что Хмельницкий прислал к хану гонца — полковника Семена Свиченко. Гонец заявил хану, что, по слухам, тот готовит поход на Московское государство. Если это случится, сказал Свиченко хану, «и твоя де царева дружба з гетманом и со всем запорожским войском

нарушитца. И обещал се де гетман Богдан Хмельницкий с своим войском тебя, царя, встретить за Перекопю».

Далее послы продолжают, излагая речь Свиченко: «А иных своих ратных людей хочет он, Богдан Хмельницкий, отпустить судами Непром и морем под Крым. А в другую сторону, по его ж, Богданову, совету, донские козаки Азовским морем пойдут под Крым. Же и тебе де царю (то есть хану. — *К. О.*) вряд и себя оберегать. И Ислам де Гирей, цар, осердясь на него, полковника, встал сам с своего места, ударил его, полковника, по щеке».

Итак, Хмельницкий без обиняков предупреждал крымского хана, что попытка напасть на Московское государство навлечет на Крым смертельную опасность, причем главную роль в ответном ударе он предназначал запорожским и донским козакам.

Ислам-Гирей, повидимому, вполне оценил серьезность этого предупреждения. Не рассчитывая более на то, что ему удастся запугать козацкого полковника, он решил действовать иным методом. Вечером он конфиденциально, с глазу на глаз, беседовал со Свиченко. Содержание беседы тотчас стало известно московским посланникам. Хан корил украинский народ за «измену дружбе». На это Семен Свиченко ответил:

— Какая твоя царева дружба и совет? Приходил ты к нам на помощь против польского короля, но интересовался больше всего польскими и украинскими полонянками. Набрал ты себе полону, разбогател, а помощи нам никакой не учинил.

Ни мытьем, ни катаньем хану не удалось добиться ничего.

Показательный в этом смысле диалог произошел в марте 1654 года, когда украинские послы прибыли в Москву с договорными статьями. Бояре заявили им:

— Скажите гетману, что указал государь быть с собою в походе двум полковникам — нежинскому, Ивану Золотаренко, да тебе, Павлу Тетере. А скольким человекам козакам с ними быть, и о том государев указ будет вперед.

— Мы о том гетману скажем, — ответили послы и с очень правдоподобной искренностью добавили — а на его, государеву, службу мы рады.

XX. ПОД ВЛАСТЬЮ МОСКВЫ

Когда Хмельницкий добивался принятия Украины в московское подданство, он, вероятно, надеялся, что, расставшись с государственной независимостью в области внешних сношений, он сумеет оградить хоть внутренние дела своей страны от вмешательства Москвы. Хмельницкий как бы предъявлял к Москве сразу два требования: «защитите нас от наших внешних врагов и «не мешайтесь в наши внутренние дела».

Но эти требования исключили одно другое. По справедливому замечанию Г. Карпова, московское правительство рассуждало так:

«Если нужны московские войска, то бери с ними и воеводу. В глазах Москвы тот, при чьей помощи гетман мог усидеть, и был истинным хозяином Украины».

Хмельницкий очень скоро это почувствовал. Его отодвинули на второй план не только в области внешней политики, но даже у себя на Украине он перестал пользоваться полнотой власти.

Хотя на первых порах Москва и смотрела безучастно, как нарушаются договорные статьи (превышается реестр; в гетманскую, а не в московскую казну поступают податные суммы и т. д.), но в то же время она осуществила ряд мер, показывавших, что Украина должна теперь привыкать к новому положению вещей. Так, через месяц после Переяславской рады московские войска под командой боярина Куракина вступили в Киев и прочно там расположились. Одновременно в Белгороде, на границе с Украиной, была собрана сильная армия под начальством Шереметева; ее назначение состояло в отражении ожидавшегося татарского набега, но было ясно, что она может быть введена на Украину и для других надобностей. Наконец,

отборные козацкие части (восемнадцатитысячный корпус под командованием Золотаренко и Тетери) были вытребованы для усиления главной московской армии, а взамен их на Украину вступил еще один московский отряд под начальством А. В. Бутурлина, в свою очередь занявший некоторые жизненные центры страны.

Все эти мероприятия проводились без предварительного согласования с гетманом, в порядке простого указа.

То обстоятельство, что договорные статьи были полны недомолвок, Москва использовала теперь в своих интересах: она трактовала все неясности в свою пользу. Правда, стеснительные мероприятия перемежались с побряжками. Но надежды на то, что, подчинившись Москве, найдя в ней защиту от внешних врагов, удастся сохранить внутреннюю автономию, — эти надежды, если у кого и были, быстро таяли.

В связи с этим на Украине усилилась активность групп и сословий, недовольных соединением с Москвой.

Три элемента украинского населения всегда поддерживали соединение с Москвой. Во-первых, крестьянство, потому что в самодержавной России шляхта не играла такой большой роли, как в аристократической Польше, потому что здесь оно избавлялось от национального гнета и предвидело улучшение своего экономического положения. Во-вторых, горожане, искавшие прочного правопорядка, чтобы спокойно заниматься торговлей и ремеслами, и понимавшие, что в подданстве у Польши они его не дождутся. В-третьих, низшее духовенство, ставившее на первый план религиозные, а заодно и свои корыстные интересы.

Им противостояли две группы: высшее духовенство и часть козацкой верхушки, то есть «значные люди», стремившиеся сохранить польско-шляхетский строй в расчете воспользоваться его привилегиями.

Отношения высшего украинского духовенства с Москвою заслуживают того, чтобы уделить им особое внимание.

В двадцатых годах XVII века высшее духовенство было очень предано Москве. Митрополит Иов Борецкий, как было упомянуто, одним из первых возбудил вопрос о присоединении Украины к России. Он был так предан московскому правительству, что послал ему на службу своего сына и племянника. Преемник его, Исая Копинский, также «приклонял главу к восточной православной державе». Впрочем, другого выхода у него и не было: все церковное имущество находилось в руках униатов, и только в Москве можно было получить денежные субсидии на поддержание православной украинской церкви.

Однако Исая пробыл митрополитом только год. Ставший в 1632 году его преемником, Петр Могила^[199] занял иную политическую позицию. Он обвинял московское правительство в деспотизме и произволе и, пренебрегая явной тягой народных масс к Москве, насаждал польскую образованность. Причина этого лежала, повидимому, в том, что после смерти короля Сигизмунда III поляки вернули православным церковные маетности и восстановили их вольности, — словом, стали заигрывать с духовенством. Материальное положение высшего духовенства стало отныне очень хорошим, но низшее еде сводило концы с концами.

В 1647 году киевским митрополитом сделался, по смерти Могила, Сильвестр Коссов. В это время польское правительство, не раз терпевшее поражение от козацкого войска, особенно старалось сохранить на своей стороне симпатии высшего духовенства. Коссову было предоставлено почетное право заседать в сенате; его убеждали, что в случае присоединения к Москве он лишится всех своих прерогатив, и добились того, что новый митрополит, подобно предыдущему, решительно

высказался против соединения. Это весьма раздражало козаков. В 1649 году Федор Вешняк однажды сказал на пиру у Хмельницкого, что «ксендзы и попы одинаковы стали»; по донесению дьяка Кунакова, когда в том же году Коссов выехал к польским представителям, козаки вернули его: «Знай де он келью свою, а в такие дела не вступайся».

С 1648 года высшее духовенство прекращает сношения с Москвой (их продолжает вести низшее, «черное» духовенство), а сам Коссов пытался много раз добиться примирения Богдана с Речью Посполитой.

Но вот соединение стало совершившимся фактом. Низшее духовенство горячо приветствовало его. Как же теперь сложились отношения у киевского митрополита с Москвой?

На первых порах очень неприязненно. В день 8 января 1654 года Богдана и старшину привел к присяге царю не Коссов, а прибывший казанский архимандрит Прохор.

Коссов не присягнул царю, а лишь после долгих пререканий с Бутурлиным послал к присяге свою дворню. В Москве собиралась гроза на голову строптивного митрополита. Когда в том же 1654 году в Киев прибыл стольник Полтев с вестью о рождении у царя сына, он не привез никакого письма для Коссова. Стольнику была дана инструкция, если Коссов спросит о письме, ответить: «Он, митрополит, наши государские милости не искал и нам не писывал, и потому к нему нашей грамоты не прислано». Однако Коссов ни о чем не спросил, отслужил молебен в честь новорожденного и вручил Полтеву краткое поздравительное письмо для Алексея Михайловича.

Через короткое время между Сильвестром Коссовым и московскими боярами разгорелась открытая вражда. Назначенные воеводами в Киев Куракин и Волконский довели до сведения митрополита, что они заберут

участок земли рядом с Софийским монастырем, чтобы выстроить там острог (укрепление) для московской рати. Сильвестр категорически воспротивился. Сколько ни бились бояре, ничего не удалось сделать. «И митрополит учал сердитовать, — доносили царю воеводы, — и говорил нам, холопом твоим: будет де учнете на том месте ставити город, и я де учну с вами битися»^[200].

На эту угрозу бояре ответили митрополиту, что он не имеет страха божия, а потом ехидно спросили: «И кем ему битца?»

В пылу спора митрополит прямо заявил, что он государю челом не бил, чтобы попасть под его высокую руку, живет он сам по себе и ничьей власти над собой не признает.

В Москве не пожелали раздувать эту историю и ограничились тем, что, вопреки Сильвестру, выстроили острог в намеченном пункте, а монастырю в виде компенсации дали участок земли в другом месте.

Однако случай этот не был забыт. Три года спустя Хмельницкий писал патриарху Никону, прося его ходатайствовать перед государем о подтверждении Сильвестру древних прав, дарованных киевской митрополии константинопольским патриархом. Это письмо целиком посвящено реабилитации Сильвестра в глазах московского правительства.

Хмельницкий рьяно защищал Сильвестра Коссова, так как ему нужно было, чтобы простой люд, который, освободившись от панов, оказался (как о том будет сказано ниже) в зависимости от «украинских значных людей», — чтобы этот горько разочарованный люд видел расположение к нему, Хмельницкому, митрополита.

Заступничество гетмана побудило московское правительство смягчить отношение к Сильвестру Коссову. Оно даже готово было благожелательно рассмотреть требования, которые киевский митрополит перед ним выдвинул. Для отстаивания этих требований

Коссов отправил целую делегацию из восьми человек, во главе с Иннокентием Гизелем. Здесь были пункты о невмешательстве Москвы в суд митрополита, о выборности высшей иерархии только из среды украинского духовенства и т. п. Но главным являлось требование, чтобы подчинение московскому патриарху носило чисто номинальный характер, чтобы киевский митрополит фактически продолжал быть «ни под чьей властью».

Властный патриарх Никон категорически отказался согласиться с таким положением. Но по-всегдашнему осторожное московское правительство, стремясь избежать открытого конфликта с Коссовым, дало уклончивый ответ: царь-де решит этот вопрос, вернувшись из похода.

Однако этот политичный ответ не разрядил, да и не мог разрядить обстановки.

Ограничение прав крупного землевладения и опасение утратить с переходом под власть московского патриарха свои привилегии определяли упорную оппозицию высшего украинского духовенства Москве. Характерным штрихом в этом отношении служит следующий эпизод. В мае 1654 года к князю Куракину явился монах Рафаил, послушник Киево-Михайловского монастыря, и сделал «извет» на митрополита Сильвестра («извет» — «государево великое дело», иными словами — политический донос). Монах заявил, что Сильвестр сносится с польским королем и литовским великим гетманом Радзивиллом и посылает к ним гонцов. В заключение монах добавил, что Сильвестр — латинник и «мясо ест вкратце» (украдкой).

Рафаила отправили в Москву, где он подтвердил свои показания. Митрополит и сам Хмельницкий, встревожившись, опровергали его заявления и требовали его обратной выдачи. Думные дьяки

отписались, что «извет» оказался пустым делом, государь ему значения не придал, а сам Рафаил уехал в Путивль помолиться иконе пречистой богородицы^[201].

Не лучше, чем с высшим духовенством, сложились на первых порах отношения с некоторыми членами козацкой верхушки; лидером этой группы являлся Серко (впоследствии сделавшийся кошевым отаманом в Сечи). Серко с толпой недовольных ушел в Запорожье. На первых порах несочувственно относился к соединению и Богун.

Москва и здесь избрала тактичный образ действий, полагая, что с течением времени и эта оппозиция рассеется. Неожиданную услугу Москве оказало польское правительство: прослышав о занятой Богуну позиции, польский король прислал к нему гонца с предложением провозгласить себя козацким гетманом. Но тут-то и сказалось, как глубока была во всех слоях украинского общества ненависть к панам. Богун не соблазнился обещанными ему поместьями и чинами. Увидев, что его межеумочная позиция позволяет панам спекулировать его именем, обманывая народные массы и возбуждая их на бунт против Хмельницкого и против Москвы, он не стал более колебаться. В тот момент, когда вопрос «за» или «против» Москвы стал перед Богуну во всей остроте, он твердо принял то решение, которое принял ранее Хмельницкий со своими помощниками.

Прежде всего Богун отослал Хмельницкому письмо поляков с их предложениями. Затем он предложил заманить польскую армию и уничтожить ее. Он начал приводить в исполнение этот план, но с помощью лазутчиков поляки разгадали его и не пошли в уготованную им Богуну ловушку.

Хмельницкий известил о поступке Богуна московского царя, который велел передать винницкому полковнику похвалу за постоянство и твердость и

поручил Хмельницкому привести его к присяге. Присягнул ли Богун государю — неизвестно.

Так или иначе, противники соединения с Москвой с ходом событий утратили под собой почву.

В обращении с послами Польши, Крыма, даже Турции Богдан частенько бывал развязан и дерзок, но в сношениях с Москвой он, за редкими исключениями, соблюдал сдержанность и почтительность. Московское правительство, в свою очередь, неоднократно отмечало свое особое благоволение к нему. Прежде всего это сказалось на тех «пожалованиях», которые были ему сделаны.

Хмельницкий не был бессребренником. Ревностно заботясь о нуждах своего государства, он в то же время не забывал и собственных интересов. В частности, после соединения с Москвой он, не довольствуясь пожалованным ему «на гетманскую булаву» Чигиринским староством, выпросил себе в вечное владение город Гадяч, а кроме того, различные земли вблизи хутора Субботова.

Немало получил и генеральный писарь Выговский. Нужно вообще сказать, что Выговский был самым лукавым человеком в окружении гетмана. Служивший когда-то полякам^[202], Выговский затем стал сотрудником Хмельницкого, но не прекращал двойной игры. По отношению к Москве Выговский всегда держал себя крайне предупредительно, простирая свои услуги до прямого шпионажа: он передавал московским послам различные документы, показывал им переписку Богдана с иностранными государствами и т. д. В донесении царю от 19 апреля 1657 года московские послы подробно излагают свою беседу с отцом Ивана Выговского; в этой беседе почтенный старец всячески компрометирует Хмельницкого и уверяет, что только его сын, генеральный писарь Иван Евстафьевич Выговский, удерживает гетмана от разрыва с Москвой^[203].

Хмельницкий очень доверял Выговскому и даже породнился с ним: выдал свою дочь за брата Ивана Евстафьевича, Данилу Выговского. Это обстоятельство еще более повысило «фонды» генерального писаря. Московские послы то и дело одаривали его. Так, посол Унковский в 1650 году сообщает, что передал Выговскому, как и другим старши́нам, соболей в подарок, причем часть их была вручена на общих основаниях при гетмане, а вторая тайно: «До приезду гетманова писарю Ивану Выговскому дана пара, чтоб государю служил». И еще: «Дано две пары писарю Выговскому для того, что его к государю службы было много».

Ездивший с поручением царя к гетману стрелецкий голова Абрам Лопухин тайно передал Выговскому 40 соболей и т. д.

За то генеральный писарь войска запорожского снабжал московское правительство очень ценной информацией. В мае 1651 года он отправил с греком Мануйловым донесение царю; это донесение писали под его диктовку старец Павел и митрополит коринфский^[204].

В феврале 1654 года, тотчас после соединения, Выговский снабдил прибывшего из Москвы стольника Полтева копиями важных документов, относящихся к переговорам гетмана с польским правительством^[205].

Вот этот-то «лукавый царедворец» и сумел получить вслед за гетманом крупные земельные участки.

Не пожелали отстать, в меру своих заслуг и способностей, и другие члены старши́ны. Отводившие договорные статьи Богданов и Тетеря выпросили себе поместья — и даже не села, а целые местечки. Богданов получил местечко Имглеев, Тетеря — местечко Смелую; Иван Золотаренко, командовавший одним из вспомогательных козацких отрядов, затребованных царем, выпросил «место Батурин со всеми волостями, до

того места належачими», а вслед за тем местечко Борзно с приселками. Киевский полковник Жданович «бил челом» о местечках Обоховке, Германовке и Любече — в Киевском повете. Стародубский полковник Оникиенко получил местечко Сосницу и т. д.

Каковы были последствия этой раздачи земель, включая даже целые города, в частное владение? Последствия были очень велики: по существу, происходило зарождение новой шляхты. «В стране, только что ценою напряженных усилий и целых потоков крови освободившейся от старых владельцев имений и «подданных», появились лица, приобретающие новые права на те же имения и тех же подданных», отмечает один историк.

Козацкая верхушка не только захватывала земельные угодья, — она старалась приобрести права на труд жителей, обеспечить возможность эксплуатировать их, — словом, пыталась стать в положение, более или менее аналогичное тому, в каком находилась польская шляхта. Показательно в этом смысле ходатайство Богданова и Тетери. Они писали: «И чтоб сами были волны в своих подданных, как хотя ими урожати и обладати, мы и дети, и наследники наши... И чтоб до них никого, кроме нас и наследником наших, никакова дела не имел вечными времени».

Чем не крепостническая программа?

Новые помещики быстро вошли в роль и научились грабить народ. Один из них, например, применял такой способ: он давал в долг крестьянину небольшую сумму денег под залог его земельного участка. Накануне дня, когда истекал срок платежа, крестьянина арестовывали на одну-две недели, старшина предъявлял в суд расписку, оформлял свое право на участок должника, а затем освобождал несчастного, который уже нигде не мог найти управы.

Не только частные лица претендовали на достояние крестьянина и на продукты его труда. К тому же стремились и монастыри, издавна обладавшие на Украине обширными хозяйствами.

В мае 1654 года Хмельницкий издал указ: «Дошла до нас скарга от велебного... игумена монастыря Выдубицкого... на всех обывателей тамошних, же они там в Калиновщизне... великие шкоды чинят частым ловлением рыб». Гетман приказывал сурово карать за нарушение монастырских интересов [\[206\]](#).

Через год Хмельницкий обратился к крестьянам села Ольшанки, приписанным к Лубенскому монастырю, с предложением, «чтобы они отцу игуменови монастыря мгарского во всем послушенство отдавали и в належачей повинности находовалися». За непослушание вновь грозил наказаниями [\[207\]](#).

Подобных указов было издано после соединения довольно много.

Таким образом, у крестьянства имелось достаточно поводов для тревожных размышлений. Идя под знамена Хмельницкого, крестьянство хотело уничтожить власть «ляцких панов». После долгих перипетий кровавой борьбы оно добилось этого: переход под власть Москвы исключал возможность возрождения прежней шляхты. Но не исчезли шляхетские владения и зависимость от них помещичьих крестьян. В поместьях, дарованных козацкой старши́не, в монастырских поместьях крестьяне подвергались многому такому, что очень походило на былое закабаление.

Правда, народная масса резко восставала против подобных посягательств. Выше было сказано о том, как Выговский, Тетеря и многие другие боялись реализовать свои жалованные грамоты, припрятавали их до удобного момента. Но они безошибочным чутьем угадывали, что этот момент наступит. Козацкая старши́на, получившая сперва формально власть и

соединенные с нею доходы, настойчиво осуществляла свои права и становилась новым ведущим сословием. В годы с 1648 по 1650, в первые годы восстания, спор между свободным селом и владельческим имением, казалось, был разрешен. Теперь в лице вновь создавшегося сословия над крестьянством снова нависла помещичья власть.

Меньше чем через сто лет из среды этого нового сословия выросли помещики, чьи владения хотя и не равнялись, конечно, необозримым владениям польских магнатов, но были все же очень значительны. У Кочубеев или Полуботко было в середине XVIII века свыше тысячи дворов; это была уже шляхта, хотя и без древнего генеалогического древа.

А с возрождением крупного землевладения возрождалось и крепостное право: в начале XVIII века были восстановлены почти все поборы, взимавшиеся ранее с крестьян.

В результате этих процессов оказалось аннулированным большинство социальных и экономических завоеваний восставших масс. Русские помещики стали эксплуатировать крестьян почти так же, как это делали польские паны; исчез только национальный гнет (да и то на смену ему явился великодержавный шовинизм).

Но возобновление экономической эксплуатации произошло с течением длительного времени.

Ближайшие же последствия соединения Украины с Москвой были благотворны для страны. Московская рать давала уверенность в отражении внешних врагов; никто не считал больше украинский народ «быдлом» и не стеснял его национальных и религиозных традиций; экономическое и правовое положение всех классов улучшилось.

И, как результат этого, в стране тотчас забурлила кипучая жизнь. Огромная творческая сила даровитого

народа, лишенного дотоле возможности направить свою энергию на созидательный труд в собственных интересах, проявилась теперь с большой силой.

В Левобережной Украине, в таких областях, как Киевщина, Брацлавщина, численность населения, несмотря на опустошительные события последних лет, возросла по сравнению с той, которая была до восстания. Сюда переселялись жители из разоренных западных окраин, из Литвы, из пограничных с Польшей районов. Возвращавшиеся из плена также шли сюда, так как не находили средств к жизни на старом пепелище.

Перепись 1654 года отмечает в Левобережной Украине довольно широкое развитие ремесел и торговли: во времена польского владычества люди избегали входить в разряд мещан, потому что они попадали тогда под тяжелую десницу старост; теперь же эта причина не существовала.

Хмельницкий всячески поощрял этот процесс. Он специально ходатайствовал перед Алексеем Михайловичем о подтверждении городу Киеву его прав и привилегий, следствием чего явился царский указ от 16 июля 1654 года. Этот указ закреплял за Киевом все прежние привилегии: существование там центральных складов, необходимых при торговле с иностранцами, беспошлинную торговлю киевских купцов в украинских городах, освобождение киевских мещан от ратной службы и т. п. [\[208\]](#)

Экономический и культурный уровень страны рос не по дням, а по часам.

Летом 1654 года архидиакон Павел Алеппский, сопровождая своего отца, антиохийского патриарха Макария, ездил по Украине и восторгался бившей ключом жизнью. Правда, отмечает он, мало встречается взрослых мужчин, но зато всюду множество детей, везде мельницы, странноприимные дома для бедняков и сирот, везде огороды, сады, рыбные пруды, много птицы и

всякой живности. Особенно поразило путешественников распространение грамотности.

«По всей земле козаков, — писал Павел Алеппский, — мы заметили возбуждающую наше удивление прекрасную черту: все они, за немногим исключением, даже большинство их жен и детей умеют читать и знают порядок церковной службы; кроме того, священники обучают сирот и не оставляют их шататься по улицам невеждами; после освобождения люди предались с большою страстью учению, чтению, церковному пению».

Это свидетельство беспристрастного современника говорит о многом.

Павел Алеппский отмечал также, что страна продолжает жить в состоянии непрерывной боевой готовности. Города имеют три стены: палисад от конницы и две со рвами между ними, внутри крепости.

Особенно поразила путешественников высокая грамотность украинского высшего духовенства. «Среди настоятелей монастырей есть люди ученые, законоведы, ораторы, знающие логику и философию и занимающиеся глубокими вопросами».

Сильное впечатление произвела на Павла Алеппского типография Печерского монастыря в Киеве, из которой «выходят все их церковные книги удивительной печатью разного вида и цвета, а также рисунки на больших листах, примечательности стран, иконы святых, ученые исследования и проч.».

В связи с замечаниями Павла Алеппского надо сказать, что в Москве в тот период высоко расценивали культурное развитие Украины. Когда в Москве приступили к исправлению церковных книг, перевод которых стал разниться от греческого оригинала, то своими силами не смогли выполнить эту сложную работу. В 1649 году Алексей Михайлович просил прислать ему из Киева для этой цели ученых монахов.

Присланные из Украины духовные лица, в частности Епифаний Славинецкий, помогли исправить богослужебные книги, составили латино-славянский словарь, перевели ряд книг по истории, географии, педагогике и начали переводить Библию. В Москве была организована школа, в которой преподавали прибывшие из Украины ученые монахи: тот же Славинецкий, Арсений и другие. За годы страшной войны, «руины», культурная жизнь в Украине, конечно, сильно пострадала. Но, соединившись с могущественной московской державой, украинский народ во всех областях быстро залечивал свои раны.

В 1654 году на Украине наблюдалось солнечное затмение. «Солнце все затмелось на две години: была ночь о полудню, и звезды были на небе видны», говорится в Черниговской летописи. Современники усматривали в этом, конечно, зловещее знамение и связывали его с возобновившейся войной. А война в самом деле разразилась жестокая.

Как только совершилось соединение, Алексей Михайлович оповестил Польшу об открытии военных действий. Приготовления к войне велись Москвой со всей серьезностью. 27 февраля была отправлена в Вильно артиллерия; 15 марта царь присутствовал на большом параде на Девичьем поле; в середине весны московские силы, численностью почти в 100 тысяч человек, двинулись с разных сторон к польским границам.

Князь Алексей Трубецкой выступил к Брянску; на Украине действовал Василий Бутурлин; на южной границе против татар стоял Хованский; главные силы под водительством самого Алексея Михайловича

наступали по смоленской дороге на Дорогобуж. В московской рати имелось 150 пушек, много артиллеристов и инженеров, приглашенных из Голландии и Франции.

Украина также выставила армию: Иван Золотаренко с 8 тысячами козаков был послан к Гомелю; Василий Золотаренко с 12 тысячами — под Смоленск; Богдан Хмельницкий с главными козацкими силами расположился (вместе с отрядом Бутурлина) на польско-украинской границе.

Польское правительство заметалось. Сенатор Млоцкий срочно выехал в Москву, имея поручение предотвратить или хотя бы отсрочить войну, но ничего не смог добиться. Магнаты и шляхта, как всегда, скупилась; чтобы изыскать средства, было решено продавать за деньги шляхетское достоинство. Набранную армию разделили на три части, поручив начальство Потоцкому, Ляндскоронскому и князю Радзивиллу.

Московские войска перешли границу и сразу заняли Дорогобуж, Мстиславль, Оршу, Шклов и ряд других городов. Алексей Михайлович осадил Смоленск.

Очень показательное поведение крестьянства в районах, где происходили военные действия. «Хлопы не показывали к нам никакого доброго расположения, — писал один поляк, — напротив, умышленно сообщали нашим ложные слухи, чтобы их подвести».

Князь Радзивилл отправился на выручку Смоленска, но был разбит соединенными силами Трубецкого и Золотаренко. После этого успехи московско-козацкой армии стали возрастать: ей сдались Могилев, Полоцк, Витебск, был взят Гомель и, наконец, в сентябре — Смоленск. Покидая Смоленск, литовские воеводы складывали перед царем свои знамена.

Бессильные воспрепятствовать неуклонному продвижению русских армий, поляки срывали злобу на

беззащитном населении, Отряд под начальством некоего Войцеховского ворвался в Житомир и покрыл трупами жителей все улицы этого города. «Потом, — рассказывает участник этого «подвига», — мы разошлись по разным путям отрядами и, где только встречали местечко, слободу, деревню, истребляли в них все хлопство; остальное доканчивал огонь».

В местечке Мушировке было перебито 5 тысяч человек.

«У нас просто руки утомились от рубки их», вспоминал один шляхтич.

Но это были только предвестники более страшных жестокостей. Польша сумела заключить союз с Крымом. Рассчитывая на помощь татар, Потоцкий^[209] двинул осенью сорокатысячную армию в пределы Украины. Авангардом польских войск командовал Чарнецкий; он взял и разорил до основания Морахву, Красное, Кальник, Бушу. В этом последнем местечке собралось около 16 тысяч человек. Несколько штурмов были отбиты. В ответ на предложение сдаться жители расстреляли на стенах присланного трубача. В конце концов Буша была взята. Чарнецкий никого не выпустил из нее — все были перебиты. Женщины бросались вместе со своими детьми в колодцы, чтобы не попасть в руки озверелых жолнеров. Жена одного сотника стала на бочку с порохом и со словами: «Не хочу после милого мужа доставаться солдатам», поднесла зажженный фитиль и взлетела на воздух.

Потоцкий надеялся, что варварское уничтожение Буши устроит население. Но и теперь, как в прежние годы, украинский народ оказался выше страха.

«Твердые сердца русские не имели над собою никакого сострадания, — с почтительным недоумением свидетельствовал польский историк, — все готовились последовать примеру Буши и погибнуть с честью».

В местечке Демовке повторилась та же история: жители стойко сопротивлялись и в результате были все перебиты поляками. Тут погибло около 14 тысяч человек.

В начале 1655 года польская армия и соединившиеся с нею татарские полчища подошли к Умани, где заперся Богун. Неистощимая военная изобретательность Богуна проявилась и здесь: он приказал полить валы водою, — на образовавшемся льду польские солдаты скользили и скатывались вниз.

Хмельницкий и Шереметев, взяв с собою 25 тысяч человек, пошли на выручку Умани. Однако Потоцкий, подавляя их численным превосходством, нанес им сильное поражение и едва не уничтожил. Положение спас тот же Богун: увидев, что польско-татарские войска двинулись навстречу Хмельницкому, он выступил из Умани и пошел следом за ними. В самый критический момент он ударил в тыл врагу, вызвал страшную панику в его рядах и позволил Хмельницкому оправиться.

Окруженные полчищами татар и жолнеров, козаки стали отступать. Опять во всем блеске развернулись их военные дарования. Они устроили вал из вражеских трупов и отстреливались из-за него. Потом Хмельницкий соорудил тройной ряд саней, соединил их цепями, поместил на них пехоту и артиллерию, в середине поставил конницу и в таком построении стал пробиваться из окружения. Наемная прусская пехота, полагаясь на свои панцыри, устремилась на штурм этой движущейся крепости, но погибла целиком. Выбившись из сил, неприятель прекратил преследование и возобновил разорение украинских городов и местечек.

Из Крыма явилась новая шестидесятитысячная орда. Некоторые летописцы указывали, будто татары набрали в этот раз на Украине 200 тысяч пленников (цифра, очевидно, преувеличена), не считая зарубленных ими и жолнерами.

Но тут случилось новое обстоятельство, чрезвычайно осложнившее положение Польши и заставившее ее увести из Украины большую часть своих войск: к числу ее противников прибавилась Швеция.

Фельдмаршал Виттенберг выступил из Померании и, не встречая серьезного противодействия, занял вскоре всю Познань, а затем и Варшаву. Король Ян-Казимир бежал в Силезию. Вскоре шведы вступили в Краков. Большинство магнатов признало власть шведского короля.

Московское войско тем временем заняло Ковно и Вильно, а Хмельницкий с Бутурлиным вступили в Червонную Русь и осадили Львов.

Речь Посполитая оказалась на краю гибели. «Причины такого жестокого катаклизма мы должны искать в страшном упадке гражданской нравственности и патриотизма, — писал один польский историк, — в равнодушии к общественному интересу и к славе народа».

Хмельницкий не хотел штурмовать Львов. Он послал магистрату письмо, напоминая о своей умеренности в 1648 году, и убеждал сдаться.

В Центральном архиве древних актов в городе Львове хранятся 12 писем, посланных Хмельницким жителям Львова, Письма писаны по-польски, в 1940 году они переведены на украинский язык. Письма датированы октябрём — ноябрём 1655 года; они снабжены гетманской печатью, изображающей козака с мушкетом; размер печати — 40 миллиметров.

Характерна подпись: «Богдан Хмельницкий, гетман с войском его царской милости запорожским», или: «Гетман войск его царской милости запорожским».

Приводим одно из этих писем:

«Моим ласковым панам членам магистрата и всем жителям гор. Львова.

Богдана Хмельницкого, гетмана войска запорожского.

Вам, львовянам! Милостью бога наивысшего вас обнимая, очень дивлюсь: вы оглядываетесь на короля Казимира; разве вы ничего не знаете о том, что король шведский сумел завладеть Краковом и заключил со мной дружбу? Заключив с ним соглашение, на основании которого король шведский должен действовать, мы добились того, что и волк будет сытый и коза целая. В интересах нашего христианства то, что король шведский и царь московский, несколько лет назад связавшись с козаками определенным союзом, все теперь на Польшу наступили. Но мы между собой поделились: король шведский пусть владеет тем, чем господь помог ему завладеть, а что нам господь помог занять своей русской Украины, при том стою. Пусть пан Гродзицкий^[210], ничего не опасаясь встретится со мною лично как со стороны своим приятелем. Важнейшие вопросы мы обсудим с ним лично и учиним соглашение.

Пусть будет бог прославлен и люди пусть веселятся. Желая вашим милостям доброй ночи.

Дан в таборе» (то есть в лагере. — *К. О.*).

Львовские делегаты — те самые, что и семь лет назад, — явились к гетману.

В конце концов Хмельницкий снял осаду, ограничившись выкупом в 60 тысяч злотых, хотя московский воевода настаивал на завладении Львовом^[211].

Вообще нетрудно было заметить, что между гетманом и Бутурлиным существуют серьезные разногласия. К тому были немалые основания.

В октябре 1655 года в Москву прибыли послы австрийского императора — Аллегретти и Лорбах. Они имели задание побудить царя заключить мир с Польшей и объявить войну Швеции. Добившись поддержки всемогущего патриарха Никона, послы с успехом

выполнили свою миссию. Посулив Алексею Михайловичу польскую корону и представив данные о сношениях шведского короля с Богданом (хотя шведы доказывали, что их союз с козаками был направлен не против Москвы, а против Польши), они достигли своего: в мае 1656 года царь объявил войну Швеции.

Весть о прибытии австрийских послов в Москву застала Хмельницкого под Львовом. Он сразу понял, что сулит ему эта новость. Теперь-то со всей остротой вырисовалось различие целей, которые преследовали Москва и Украина, начиная войну с Польшей.

Для Московского государства возникшая в 1654 году война была главным образом продолжением объединительных войн, начатых еще Иваном III. Москва хотела вернуть себе «дедичные» земли, обеспечить царю титул «государя всея Руси». Украина в этом отношении была ценным союзником. Когда же царю обещали польский трон, а значит, и все подчиненные Польше области, война потеряла для него смысл; он заключил мир с Польшей, а войска направил против шведов, чтобы отвоевать у них Ливонию.

Совсем иначе мыслили на Украине. Действиями Хмельницкого все еще руководила его основная идея: борьба с панам и совершенное их ослабление. Хорошо изучив политику польского правительства, Богдан не верил его обещаниям, не верил и в прочность предлагаемого царю Польшей мира. Он не сомневался, что очень скоро Украина снова подвергнется всем ужасам польского нашествия. Чтобы предотвратить его, надо было лишить панов возможности к вторжению, надо было убить змею. *Morta la bestia, morte il venino*^[212].

Раз Москва оказывалась неподходящим партнером для этого, он хотел найти других. И вот Хмельницкий вступает в оживленные переговоры со шведским королем и с Ракочи (об этих переговорах еще будет сказано).

Из-под Львова Богдан возвратился в Чигирин и с тревогой наблюдал оттуда за развертыванием событий. В ходе военных действий произошел перелом. Приостановление операций русскими войсками в связи с начавшимися между царем и Яном-Казимиром переговорами тотчас развязало Польше руки для борьбы против шведов. Неосмотрительная экспедиция шведов в Ченстохов, где хранилась польская религиозная святыня, способствовала пробуждению среди поляков национального чувства. Чарнецкий разбил шведов и осадил шведский гарнизон в Варшаве.

Этот момент польское правительство сочло благоприятным для активных дипломатических шагов. Польские послы отправились в Чигирин и в Москву.

К Богдану прибыл Ляндокоронский с многоречивыми изъявлениями дружбы и с просьбой помочь полякам выбить из их земли шведов.

— И только-то? — спросил саркастически Хмельницкий. — Вы просите себе в союзники козаков, которых еще прошлый год грозили истребить одним ударом, не предлагаете никаких прочих условий мира, а хотите употребить для своей защиты кровь русскую! Пока в Польше будут властвовать паны, не быть миру между нами и поляками.

Ляндскоронский уехал ни с чем. Зато переговоры Польши с Москвой подвигались успешно. В июле 1656 года царь отправил боярина Одоевского и окольного Лобанова-Ростовского для переговоров с поляками. В августе в Вильно открылись мирные переговоры; «посредниками» между сторонами явились те же австрийские послы. Их усилиями в октябре был заключен трактат.

Обычно столь дальновидная московская дипломатия на этот раз жестоко просчиталась. По условиям Виленского трактата польская корона должна была перейти к царю. Но поляки оговорили, что ратификация

этого пункта принадлежит сейму. Тем самым они свели к нулю значение договора, потому что сейм всегда мог отказаться. Москва же приняла на себя обязательство немедленно оказать военную помощь Польше против шведов.

Виленский договор, окончательно подрывавший планы Хмельницкого на решительное ослабление Речи Посполитой, нанес ему тяжкий удар и с другой стороны. Гетман послал в Вильно своих представителей, но они не были даже допущены на заседание комиссии. Козацким делегатам было заявлено, что они — подданные Москвы и судьбу их решит московское правительство.

Все это произвело на козачество крайне тяжелое впечатление.

Хмельницкий горевал, что паны опять вывернулись, они не добиты и, следовательно, скоро примутся за старые козни. 9 декабря 1656 года он послал царю пространное и решительное письмо, в котором утверждал, что ляхи не сдержат договора. «Теперь они для того этот договор сделали, чтобы немного отдохнуть и, наговорившись с султаном турецким... на ваше царское величество снова воевать... Мы ляхам никак верить не можем, ибо знаем подлинно, что они нашему православному народу недоброхотны». Московское правительство не придало этому письму значения, и только последовавшие вскоре события показали ему, как прав был Хмельницкий.

XXI. СМЕРТЬ ГЕТМАНА

С первых же дней воссоединения большое значение приобрел вопрос о сношениях гетмана с иностранными государствами.

В посвященной Богдану Хмельницкому обширной литературе нередко можно встретить такого рода утверждение: осуществляя соединение Украины с Москвой, гетман не думал о долговечности этого союза. Его цель сводилась к тому, чтобы втянуть Московское государство в войну, а там видно будет! Иными словами, Богдану нужна была, мол, козырная карта; но, получив ее, он заметил, что попал впросак — московская карта спутала ему всю игру. Тогда его поведение стало двусмысленным: он повел оживленные переговоры с Швецией и Трансильванией и стал готовить разрыв с Москвой, союз с которой оказался для него более грозным, чем война с Польшей.

Вся эта концепция шита белыми нитками; вряд ли нужно специально останавливаться на ней после всего, что было сказано в предыдущих главах^[213]. Богдан вел переговоры с другими государствами потому, что, вовсе не стремясь к разрыву с Москвой, хотел, однако, создать такую политическую комбинацию, которая дала бы ему возможность радикально подорвать силы панской Польши. Раз Москва не пожелала добиваться полного ослабления Речи Посполитой, Хмельницкий должен был искать других союзников, если не хотел отступить от своей главной идеи. Что же касается Москвы, то гетман не оставлял надежды убедить царя в необходимости перемены его позиции.

В июне 1656 года Богдан писал одному из доверенных лиц государства, боярину Морозову: «Ныне тебе, господина и ближнего боярина, велми просим,

чтоб ты, господин, его царскому величеству о хитростях ляцких известил... И тебе б, господину, в тех делах заступником и помощью нам у его царского величества быти и старатися, чтоб его царское величество ляхом ни в чем не верил, бо они, ляхи, ныне на время помиритися хотят, а потом все земли на православною веру и на государство его царского величества побужати будут; а ныне со многими землями не задирать, но толко ляхов воевать...»[\[214\]](#)

Это и другие аналогичные письма свидетельствуют о том, что Хмельницкий усиленно старался добиться перемены внешнеполитического курса московского правительства.

Еще интереснее следующий факт. Богдан раздобыл через лазутчиков нечто вроде протокола совещания Станислава Потоцкого, Любомирского, Чарнецкого и Яна Сапеги, на котором эти признанные лидеры польских панов выработали программу действий по отношению к Москве и к Украине. Вот этот документ, датированный 24 июля 1657 года:

«1. Посылать такова посла до козаков, чтоб им обещал всякую его королевской милости милость и чести, имянно: гетману запорожскому удельное княжество, полковником — староства, другим казаком — шляхетство и всякие волности по их воле, на что как изволят присягу учинить, а потом, как учиня веру, подождав год и или другой, а самим опочиня на Москву итти: и как не похотят, тогда самих воевать, а случитца на ту войну с татары.

2. А буде то не учинитца, тогда промышлять о том, чтоб чернь ссорить на старшину, указуя им, что болшие терпят обиды от казаков, нежели от ляхов, в откупях, в податях, в пашне и в иных докуках...

3. Потщатца всякими мерами, чтоб союз казацкий разорвать с Москвою, показуя им, что пану своему природному изменили... а тем самем, как ссорим их,

тогда удобнее мочно меж ими, как в отчаяниях, своего поискать.

4. Если и то не пригодится, в конце порадеть, чтоб смелых послать передовщиков, которые моглиб начальнойших голов как меж казаками, так и в Москве тайно отравить; а тем обычаем мочно своего достать, как голов разумных изведут»[\[215\]](#).

Даже не зная, кто составлял этот документ, легко можно было бы угадать его авторов. Подкуп, интриги, разъединение союзников, наконец отравление — типичный арсенал средств тогдашней польской политики.

Богдан переслал этот документ в Москву и все же ничего не добился.

Между тем, повидимому, во исполнение разработанной панам программы в Чигирин прибыл польский посол.

Еще когда Богдан стоял под Львовом, Ян-Казимир прислал к нему пана Любовицкого, обещавшего, что если украинский народ возвратится в лоно Речи Посполитой, он будет жить как у Христа за пазухой. Кроме письма короля к гетману, Любовицкий привез любезное письмо польской королевы к жене Богдана, Анне. Это очень польстило гетману, и он отвечал хотя и в сдержанных, но благожелательных тонах: по словам польского летописца, он предложил польскому правительству вести переговоры с Москвой; в отношении же себя обещал полную лояльность, если Польша торжественно признает полную самостоятельность Украины, как десять лет назад Испания поступила в отношении Голландии.

Однако вскоре после этой беседы гетман узнал, что из его стана Любовицкий отправился в Бахчисарай, везя туда другое письмо польского короля с убеждениями предпринять немедленный набег татар на Украину. Это много способствовало тому холодному приему, который

встретил у Хмельницкого Ляндскоронский, спустя некоторое время прибывший к нему. В апреле 1657 года приехал третий посол короля, иезуит Станислав Бенъевский, и увез от гетмана заявление, зналогичное тому, которое было прежде сделано Любовицкому.

Вероятно, Хмельницкий поступил так из соображений обычной осторожности: он опасался новой войны с Польшей, потому что не знал, какую позицию займет теперь Москва.

Показательно в этом смысле донесение, отправленное в Москву киевским воеводой Андреем Бутурлиным в ноябре 1656 года. Бутурлин писал, что, узнав о Виленском договоре, козаки полагают, что «твой государев есть на них гнев, и чают, что ты, великий государь, указал их по-прежнему польскому королю отдать и велел на них итти войною».

Из этих слов можно представить себе, в каком смятении находилась Украина и какие слухи рождались в ней по поводу нежданной дружбы Москвы с Польшей. Естественно, что Хмельницкий счел нужным в беседах с польским послом всячески избегать конфликта ввиду неясности создавшейся обстановки.

Мало того, что Хмельницкий снова опасался Польши, но и другие державы грозили ему. Австрийский император требовал подчинения польскому королю, угрожая послать сильное войске против Украины. Турция тоже предупреждала, что окажет Польше военную помощь. Крымский хан сперва сделал попытку оторвать Украину от России, добился даже личной встречи с Хмельницким, но, потерпев полную неудачу, стал яростным врагом Украины.

Московский толмач Пилип Немичев доносил в 1656 году из Крыма, что к хану приезжали послы Хмельницкого и просили отменить посылку орды в помощь полякам. Им отвечали, «що хан не пиде на украинные города, а на Хмельницкого де им не ити не

уметь, потому как Хмельницкой отстал от польского короля, и они на него стояли многие лета и от польского короля высвободили для того, что хотел де он, Хмельницкой, со всем войском запорожским служить ему, крымскому хану, а отныне де он отстал и за то де он им грубен».

Со всех сторон грозили враги.

— Тесно мне отовсюду, — повторял Хмельницкий.

А уверенность в Москве пошатнулась: после Виленского мира гетман начал опасаться, как бы московский царь, прельстясь обещанной ему после смерти Яна-Казимира короной, не пожертвовал Украиной.

Как было не искать еще союзников! Если бы удалось нанести решительный удар Польше, все изменилось бы. И вот 7 сентября 1656 года был подписан договор между Хмельницким и трансильванским князем Юрием Ракочи, а в январе 1657 года в городе Шамос-Уйваре был заключен тройственный союз, преследовавший цель раздела Польши. От Украины присутствовали Самойла Богданов и генеральный обозный Ковалевский. По этому договору Швеция получала при разделе Речи Посполитой северную и центральную Польшу, Трансильвания — Литву и Галичину, Хмельницкий — Подолию и Волынь.

Немедленно по заключении договора шведский король и князь Ракочи открыли военные действия. Хмельницкий послал в подмогу Ракочи 12 тысяч козаков под командой полковника Ждановича (Жданова).

Известие обо всем этом было встречено в Москве с большим неудовольствием. В ноябре 1656 года Бутурлин посылал в Киев соглядатая Алексея Мискова. Тот привез тревожные вести: гетман-де недоволен, что царь не дал его послам целовать руку, а польским дал; и вообще гетман только ждет первого гнева царя, чтобы воевать

против Москвы, хотя козаки и «черные люди» попрежнему преданы Москве^[216].

В связи с такой информацией из Москвы отправили к Хмельницкому специального посланца. В декабре 1656 года поехал стрелецкий голова Абрам Лопухин с заверениями, что переговоры Москвы с Польшей не принесут Украине никакого вреда^[217]. Богдан счел нужным объяснить. 13 марта 1657 года он написал Алексею Михайловичу длинное письмо, в котором категорически отрицал толки о его намерении отпасть от Москвы. «И мы вам, великому государю... и в прошлых грамотах о тех хитростях Ляцких объявляли, — писал гетман, — что они с вами, великим государем... поступают хитро и не по правде, и что они того договору в совершенье никогда не приведут».

Относительно посылки Ждановича гетман писал: «А мы не на посилки Ракоцу то войско послали, чтоб есмя его на королевство Польское имели становить, токмо мы послали для того, чтоб есмя неприятелей наших, где ни есть объявятся, за счастьем вашего царского величества и помощью божиею громили»^[218].

Богдан представлял дело так, что поляки уже доказали свое нежелание выполнить условие о предоставлении царю польской короны, и поэтому война против них соответствует и интересам Москвы. Он ссылался, между прочим, на слова Бенъевского, сказавшего ему конфиденциально, что статьи Виленского договора никогда не будут приведены в исполнение.

Однако в Москве не удовлетворились письмом гетмана и отправили к нему для личных объяснений специальное посольство (в составе окольного Федора Бутурлина и дьяка Василия Михайлова).

Послы приехали в Чигирин в первых числах июня 1657 года и застали гетмана больным, в постели. Предвидя, о чем пойдет речь, и будучи действительно

тяжело больным, Богдан попытался уклониться от беседы с послами.

— Я никак не могу в моей болезни говорить и ответ давать о государских делах, — сказал он и предложил обо всем переговорить с Выговским.

Но от московских послов было не так легко отделаться.

— Не пригоже тебе, Богдан, отговариваться никакими замыслами, — возразил Бутурлин, — надобно слушать указ и повеление великого государя без всякого прекословия.

9 июня состоялась беседа.

— А велел ты, гетман, полковнику Онтону Жданову Свейскому (шведскому) королю чинить вспоможенье, — заявили послы. — И то ты чинишь, забыв страх божий и присягу свою.

Хмельницкий отвечал с большой прямою и достоинством:

— От Свейского де короля николи он отлучен не будет, потому что дружба и приязнь и згода давняя: ныне тому больши шести лет, как еще они были и не в подданстве под высокою рукою царского величества, и шведы де люди правдивые, всякую дружбу и приязнь додерживают, на чом слово молвят; а царское де величество над ним гетманом и надо всем Войском Запорожским учинил было немилосердие свое: смирился с Поляки, хотел было нас отдать Поляком в руки... Мы царского величества от высокие руки неотступны... и идем на войну на неприятелей его царского величества, на бусурманов... Только де то мне гетману в диво, что... коруною Польскою еще не обладали... а с другим панством — с Шведы — войну всчали! ...И только де бы я, гетман, союзною приязнию и дружбою с ними, Шведы, не соединился, то бы конечно Поляки со всеми с теми, с которыми у нас згода... нас бы всех... в Малой Росии

высекли и выжгли и пусто учинили Российскому государству было бы не радостно ж.

Бутурлин возражал гетману, напоминал, что Москва пришла на помощь Украине в самый тяжелый момент, уверял, что царь и не помышляет отдавать украинский народ обратно в руки панов (что было, конечно, совершенно верно), и вновь упрекал за войну против Польши, с которой Москва заключила мир [\[219\]](#).

Хмельницкому пришлось уступить. Он послал приказ Ждановичу покинуть Ракочи.

В том же июне месяце снова приехал Бенъевский. Он заявил, что Польша согласна торжественно признать самостоятельность Украины, и привез проект границ нового государства. Вместе с тем он затронул вопрос об отпадении Украины от Москвы.

— Что мешает вам сбросить московское покровительство? — вкрадчиво сказал Бенъевский. — Соединитесь с нами, старыми соотечественниками, как равные с равными, вольные с вольными, и пусть будет у нас неразрывный дружественный союз.

На это Хмельницкий дал свой знаменитый ответ:

— Я одною ногою стою в могиле и на закате дней не прогневолю небо нарушением обета царю московскому. Раз поклялся ему в верности, и сохраню ее до последней минуты.

Бенъевский ничего более не добился. Однако домогательства Польши, настояния Австрии, а главное — предписания Москвы побудили гетмана изменить свои планы. Он видел, что момент для уничтожения Польши неподходящий. Поэтому он подтвердил приказ Ждановичу немедленно покинуть Ракочи и, кроме того, послал, как того требовал царь, десятитысячный отряд в помощь полякам.

Ракочи был наголову разбит Чарнецким и лишился трона.

Характерно, между прочим, что отряд Ждановича, если бы и не был отозван, наврядли сражался бы вместе с трансильванцами: проведав, что поход предпринят против воли Москвы, рядовые козаки взбунтовались, едва не перебили своих старшин и повернули обратно.

Так как в Москве с явным беспокойством следили за пребыванием Бенъевского у гетмана, Хмельницкий послал царю письмо с объяснениями. «А что король Казимер присылает к нам изнова Казимера Биневского... тогда, что мы сперва им говорили, то и ныне... скажем». Богдан выражал пожелание, чтобы царь «принял под крепкую свою руку Коруну Полскую»^[220].

Это было последнее посольство Хмельницкого в Москву.

Жизнь его догорала.

Ему было в то время приблизительно шестьдесят лет, но бурная жизнь, походы, раны, попойки сломили его крепкий организм. К тому же он тяжело пережил смерть Тимоша, в котором видел продолжателя своего дела; сильное впечатление произвел на него, по словам очевидцев, и Виленский мир, принесший ему горькое разочарование.

Еще в июне, когда к нему прибыли московские послы, гетман выразился, что «постигла его болезнь конечная», и далее говорил, что если ему придется выступить в поход, он возьмет с собой гроб, потому что жить ему осталось недолго. Он не ошибся.

Некоторые историки полагают, что гетмана отравили. Судя по цитированной выше программе польских панов, в которой пункт об отравлении фигурировал наряду с другими вариантами действий, эта версия вполне правдоподобна. Однако утверждать, что она безусловно достоверна, также нет оснований.

Весь июль Хмельницкий, несмотря на смертельный недуг, интенсивно занимался государственными делами. Потом силы стали покидать его.

Его дом в Чигирине был обставлен с роскошью и богатством, как у польских магнатов; гетман носил горностаевую мантию, чеканил даже монеты со своим изображением. Но весь этот блеск не мог успокоить его смятенного духа. Он знал, как непрочно государственное положение Украины. Что случится после его смерти? Сохранится ли единство в рядах старшины? Избежит ли она конфликта с народными массами? Как будет вести себя московский царь? Удастся ли преемникам гетмана лавировать в трудном фарватере козней и происков иностранных государств? И, наконец, что станет с его родом, богатством, с его именем?

Все эти вопросы неотвязно мучили его. Был бы жив Тимош, Хмельницкий чувствовал бы себя спокойнее. Юрий же, второй сын, был слабоволен, к тому же очень молод — ему шестнадцать лет. Все-таки у старого гетмана зародилось желание передать булаву в руки сына. Богдан не без основания полагал, что его сын будет пользоваться авторитетом, вокруг его имени создастся некоторый ореол, в то время как избрание любого члена старшины почти неминуемо приведет к неудовольствиям и ссорам.

Гетман созвал широкую раду и слабеющим голосом, покрывавшим когда-то гром самопалов, произнес свою последнюю речь:

— Десять лет я посвящал себя отечеству, не щадя ни здоровья, ни жизни, но теперь, по воле создателя, старость и болезни одолели меня; изнемогают члены тела моего, схожу в могилу, братья, и оставляю вас на произвол судьбы. Благодарю за доверенность ко мне, благодарю за непоколебимую верность и искреннее послушание. Благодарю вас за храбрость, оказанную вами в тридцати четырех сражениях с поляками, венграми, волохами^[221] и татарами. А более всего благодарю вас за то согласие и единодушие, с которыми

вы подвизались в трудах и переносили бедствия. Возвращаю вам клейноты^[222], означающие власть мою. Изберите себе гетманом кого угодно.

Суровые козаки угрюмо молчали, покусывая со слезами на глазах длинные усы свои; многие открыто плакали. Хмельницкий, передохнув, добавил:

— Не дал мне господь окончить этой войны так, как бы мне хотелось: освободить также Волынь, Подоль и Полесье. Не успел я окончить своего дела, умираю с величайшим прискорбием и не знаю, что будет после меня. Прошу вас, выберите себе при моих глазах нового гетмана. Если я буду знать отчасти будущую судьбу вашу, то спокойнее сойду в могилу.

Он тут же предложил несколько кандидатов: Выговского, Тетерю, Пушкаря. Но так велико было влияние Богдана, что никто не рисковал спорить с ним, даже умирающим. Все знали его затаенное желание, и все высказались за избрание Юрия. Хмельницкий для проформы долго не соглашался, наконец уступил^[223].

Существует известие, что полковник Лесницкий пытался провести в гетманы Выговского. Богдан хотел было казнить Лесницкого, а Выговского целый день продержал в оковах; даже на смертном одре Хмельницкий был беспощадным к врагам и сметал встававшие перед ним преграды.

Теперь были кончены все счета с жизнью. Правительства соседних государств следили — кто с радостью, кто с печалью, — как ведет свою последнюю борьбу страшный гетман. Сам он по целым дням лежал, сосредоточившись на каких-то мыслях, словно прослеживая всю свою необыкновенную жизнь.

Теперь этот могучий человек умирал. Жизнь уходила от него, отступала куда-то вдаль, как отступают берега от уплывающего корабля. Отправился отражать очередной набег татар Богун; поляки отобрали у шведов свои города; отправились в Польшу бояре Одоевские для

объединения под единую державу России и Польши. Хмельницкий выслушивал все это, но не находил уже в душе былого отклика, былого волнения.

В июле с гетманом случился удар (после получения им известия о беспорядках в отряде Ждановича). Пять дней он пролежал парализованный.

В полдень жаркого летнего дня чигиринцы услышали гулкий звук орудийного выстрела: Богдан Хмельницкий умер...

История, столь многого не сумевшая еще узнать и понять в Хмельницком, не сохранила даже бесспорной даты его смерти. А. Ригельман сообщает, что он умер 5 августа 1657 года, в Летописи Самовидца называется 15 августа и т. д. Более правильным представляется остановиться на дате 27 июля. Выговский, который, несомненно, присутствовал при последних часах гетмана, писал путивльскому воеводе Зюзину: «Хотя я первого часу, как скоро умер его милость пан гетман, ведомо не учинил тебе, другу моему, однако прошлого времени писал я к тебе о смерти, в которой с сего света дня 27 июля его милость пан гетман отошел»^[224].

Богдан завещал похоронить себя в Субботове. Симоновский пишет, что гетман «был погребен великом всего козацкого войска сожалением в Субботове, каменной церкви, созданной иждивением его ж, куда из Чигирина проважено тело его всем войском церемониально».

То не чорні хмари ясне сонце заступали,
Не буйні вітри в темнім лузі бушували:
Козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали!

Так поется в народной «думе».

Один из летописцев посвятил покойному гетману пылкую эпитафию. «Муж, поистине гетманского имени достойный; дерзко бросался он в бедствия; ни тело его какими-либо трудами не изнурялось; ни благоразумие какими-либо противными наветами не могло быть побеждено», так начинается эта эпитафия.

Кости Хмельницкого недолго пролежали в родной земле. В 1664 году Чарнецкий, снова проходя с огнем и мечом по Украине, завладел Субботовым и развеял по ветру прах того, кто вырвал свою страну из рук панов.

Прошло еще 200 лет. В 1870 году была объявлена подписка в печати на сооружение памятника Хмельницкому. Подписка тянулась долго, но не дала нужных средств. Проект урезали и оставили только конную статую. В 1888 году памятник работы скульптора М. О. Микешина был открыт.

В Киеве, перед Софийским собором, на том месте, где когда-то народ восторженно встречал Хмельницкого, гарцует всадник. Левой рукой он осадил разгоряченного коня. В правой руке всадника булава, которой он указывает на восток — к Москве.

ЭПИЛОГ

Попытка дать характеристику личности Богдана Хмельницкого встречает большие трудности ввиду неполноты сведений о нем и сложности самого образа.

Богдан прошел суровую, но плодотворную школу жизни. Он жил с запорожцами, делил с ними труды к опасности и заслужил на Низу популярность, а потом 18 лет служил в реестровом козачестве. Это во многом помогло ему впоследствии соединить «две раздруженные половины козачества», как выразился М. Максимович^[225]. Он вдоволь понюхал пороху, изведал тяжкую турецкую неволю, имел возможность до самого дна измерить свои силы, свою волю, терпение и выдержку. Имел он также возможность заглянуть в душу козаков. И если впоследствии он с таким неподражаемым искусством умел вести за собой массы, если ему удавалось держать в строгом повиновении, находя меткие, единственные доводы, множество людей, о горячности, вольнолюбии и необузданности которых шла молва по всему миру, то этим он во многом был обязан опыту, приобретенному им в молодые годы.

Личное общение с Хмельницким было нелегким делом. У гетмана был суровый нрав, он не терпел прекословия, легко раздражался и гневался, а в гневе был страшен. Выговский говорил Федору Бутурлину, что Богдан «в скорби своей ныне на всех сердитует, нрав такой имеет, а нас всех бранит, и за малое нечто подойти нелзе».

Это было сказано в апреле 1657 года, то есть за три месяца до смерти Богдана, и его тяжелое настроение, как отметил сам Выговский, обуславливалось сознанием близкого конца. Но и до тех пор гетман держался так же

властолюбиво, напоминая в этом отношении Ивана IV или Петра I. Антон Жданович раз сказал;

— Все де встрешно гетману говорить не смели, а кто б де и молвил, и тот бы жив не был.

Характерен и такой факт. Когда молдавский господарь Липул попросил полковника Глуха помочь ему, Хмельницкий запретил это сделать, потому что обращение было адресовано не к нему лично.

Можно также упомянуть, что при жизни Богдана старшина (не говоря о простом люде) не знала «Статей», представленных московскому правительству Богдановым-Зарудным и Тетерей.

Хмельницкий выдвигал на руководящие посты преданных ему людей, особенно родственников (сыновей Тимофея и Юрия, зятя Данилу Выговского и др.), но тех, кто проявлял себя ленивым или неспособным, он безапелляционно смещал. Так был смещен в 1654 году полковник Глух, хотя его имя пользовалось большой популярностью в народе.

Правильнее всего сказать, что Богдан Хмельницкий не жалел ни себя, ни других: для достижения цели он посылал на смертельную опасность любого (включая Тимофея, к которому он был привязан, пожалуй, больше, чем к кому бы то ни было). Но и себя он не щадил. Человек большой личной храбрости, — можно сказать, бесстрашия, — он десятки раз рисковал жизнью, появлялся в опаснейших местах боя; ломал, когда требовалось, свою гордость и униженно просил то хана, то панов, то царя; брал на себя непомерное бремя единоличной власти, нес на своих плечах гигантский труд. Делал он это, конечно, не из честолюбия, а для достижения тех высоких целей, на служение которым он отдал себя. Как всякий великий политический деятель, Богдан ставил творимое им государственное дело превыше всего, и не было ничего, чем он не пожертвовал бы ради него.

Хмельницкий в высокой степени обладал одним свойством, столь необходимым каждому капитану государственного корабля: умением принимать решения и брать на себя всю полноту ответственности за них.

У него была огромная сила воли, железное упорство и неистощимая настойчивость. Это был также один из даровитейших администраторов и организаторов своего времени. Ему приходилось строить одновременно государство и армию в труднейших условиях жестокой войны и голода, преодолевая сильную оппозицию, укрощая анархические элементы, и все это при наличии очень малого числа опытных, образованных помощников, без признания вовне, иногда без твердой точки опоры внутри страны. Нужна была всепокрушающая энергия и вера в конечный успех, нужен был поистине удивительный дар подчинять себе несогласных и заставлять всех работать для общего дела, чтобы справиться с подобной задачей.

Нужно отметить, что Богдан, смертельный враг панов и шляхты, отнюдь не был врагом широких масс польского народа. Напротив, он стремился освободить их из-под власти шляхты; на занимаемой им территории Речи Посполитой он поддерживал польских крестьян в их борьбе против помещиков и, в свою очередь, не без основания рассчитывал на сочувствие польского крестьянства.

Человек всесторонних дарований, Хмельницкий ярко проявил их в области военной деятельности. Его репутация как полководца стояла очень высоко. Современники сравнивали его с Ганнибалом.

В деятельности Богдана Хмельницкого военное творчество украинского народа достигает своей наивысшей точки. Сражаясь в труднейших условиях, имея под начальством войско, в значительной степени состоявшее из плохо обученного и плохо вооруженного ополчения, Хмельницкий многократно разбивал лучших

польских военачальников, имевших европейскую известность (Н. Потоцкого, Калиновского, Чарнецкого, Яна Собесского и других).

В его распоряжении оказался превосходный боевой материал, но материал в значительной мере еще сырой. Козаки, правда, еще до него изобрели и успешно применяли ряд построений и приемов: выше упоминалось уже о знаменитом «таборе», к этому можно прибавить оригинальное козацкое построение для атаки (лавой); то, что козаки для встречи противника «батовались», то есть строились в три шеренги; то, что в обороне козаки часто выстраивались треугольником — вместо повсеместно распространенного каре^[226]; их своеобразную систему стрельбы, при которой стреляла передняя шеренга, а последняя заряжала, и чем больше было шеренг, тем выше скорострельность, и многое другое.

Однако все это носило недостаточно организованный характер. Слабые стороны козацкого войска заключались не в недостатке индивидуальной храбрости и сноровки — тут козаки не имели себе равных, — а в отсутствии единообразного обучения, в отсутствии жесткой дисциплины, вообще недостаточном развитии тех качеств организации, которые характеризуют регулярную армию и составляют ее главное преимущество.

В этом отношении Хмельницкий сделал очень много, особенно если учесть, что в его распоряжении было всего несколько лет, да и то почти сплошь заполненных войною.

Используя подвижность козацкого войска, он положил в основу своей стратегии маневр и дал подлинные образцы маневренности.

Он улучшил вооружение и организацию войска, усовершенствовал боевые порядки и успешно разрешал задачу взаимодействия родов войск.

Богдану удалось искусно сочетать действия опытных козацких отрядов с массой плохо вооруженных и не искушенных в военном деле повстанцев — волонтеров — и, с другой стороны, сочетать действия своего войска с союзной ему татарской ордой, которую он умел принудить служить его целям.

Он развил и талантливо применил против крупных регулярных армий традиционный козацкий прием — засаду.

Он разрабатывал методы минной войны против окопов, внедрял принцип взаимной выручки, искусно применял военную хитрость и т. п.

Все это неоспоримые и крупнейшие заслуги Хмельницкого как полководца. Разумеется, в основе успехов, достигнутых народной армией под руководством Богдана, лежала дисциплинированность. С талантом первоклассного военного организатора Хмельницкий сумел из плохо слаженных отрядов построить войско, о котором один польский современник (Кушевич) отозвался в 1648 году:

— Дай бог, чтобы такая дисциплина была в нашем коронном войске.

Замечательным качеством украинского гетмана являлось умение сочетать стратегию с политикой. В этом отношении он неизмеримо превосходил своих противников. Опираясь на определенные слои населения, он стремился давать сражения в районах, в которых находилось много козацких хуторов (Желтые Воды), а в период наибольшего подъема движения — в районах, густо заселенных украинским крестьянством (Пилява). Поэтому он был уверен в тыле, и отсюда вытекала его решимость предпринимать смелые маневры.

Напротив, паны всегда были чрезвычайно чувствительны к угрозе их сообщениям, так как боевые

действия развертывались во враждебной для них среде (образец этого — паника при Пиляве).

Богдан отличался чрезвычайной трезвостью политического и военного расчета, умением верно оценить соотношение и расстановку сил. Широко используя в первый период войны татар, он затем решительно порвал с ними и все упования возложил на союз с Россией.

Во всех проведенных Богданом Хмельницким кампаниях обращает внимание умение правильно наметить направление главного удара. Нацелив же удар, составив план войны, гетман неуклонно проводил его в жизнь.

Особенностью этих планов являлось преследование широких задач, стремление всегда навязывать врагу свою волю и намерение решить кампанию посредством генерального сражения. Мало кто из европейских полководцев XVII века может быть поставлен в этом отношении на один уровень с козацким гетманом.

Хмельницкий всегда старался разобщить силы врага и бить их по частям. При этом он выставлял заслоны на второстепенных участках и сосредоточивал основные свои силы на главном (Збараж, Зборов). Но когда нужно было, он умел терпеливо ждать, воздерживаясь от преждевременной активности (Жванец).

Наконец, надо упомянуть о том, что Богдан был всегда отлично осведомлен обо всем, что делается в стане врагов, благодаря заботливо поставленной военно-политической разведке (во главе с Лаврином Капустой и Кучевичем-Маньковским).

Вот почему Хмельницкий по праву занимает место в ряду крупнейших военных деятелей и полководцев XVII века.

Когда воскрешаешь в памяти образы давно умерших людей, очень трудно проникнуться духом прежних времен, представить себе ту точку зрения, с какой должны были рассматривать людей и события их современники.

Наглядный пример тому образ Богдана Хмельницкого. От него неотделимы такие качества, как властолюбие, хитрость, суровость, переходящая часто в холодную жестокость, мстительность, деспотичность. Но нужно представить себе во всей полноте кровавую, мрачную эпоху, в которой жил Хмельницкий, ее нравственный и культурный уровень, нужно вспомнить инструментарий средств, которыми пользовались его враги, основывавшийся на кнуте, яде, раскаленном железе, чтобы найти истинную оценку этим качествам.

А главное — нужно выяснить, каково было объективное значение напряженной и суровой деятельности Хмельницкого.

Начиная с той декабрьской ночи, когда он бежал в Запорожскую Сечь, его личная судьба неразрывно переплелась с его политической деятельностью: одна крупная неудача, неверно поставленная цель, ошибочно избранный прием и его голова скатилась бы, как первая плата за поражение. Эта и в самом деле едва не произошло после Берестечка; близко к этому бывало еще не однажды.

Захватить власть в запорожском войске было нелегко, но удержать власть за собою и сделать при помощи ее что-либо полезное и созидательное было гораздо труднее.

Открытые враги, изменники, шпионы, доносчики, малодушные — все они уродливым сонмом окружали Хмельницкого, тяжелым камнем висели на нем. И все-таки он прошел через все, провел страну через все бедствия; у него хватило дальновидности, изумительной изобретательности и железной силы. На каждую

хитрость он отвечал еще более замысловатой, на каждый удар — еще более тяжким.

В нем как бы сконцентрировались вся воля и вся мощь народного возмущения. Оттого-то так нерушим был его авторитет. Все трепетало перед грозным «батькой». Он сумел привлечь к делу великой борьбы лучших и образованнейших людей в Украине, и все — волей-неволей, иногда с тайными проклятиями — работали для этого дела. Все испытывали на себе обаяние его могучей индивидуальности.

С первых шагов он проявил свои дарования: талант организатора, талант военачальника, талант дипломата, ум, энергию, настойчивость, бодрость, бесстрашие, — словом, подлинные свойства вождя. Сперва все это было отдано на службу его сословию — зажиточному козачеству; но постепенно гетман меняется, сознание его растет, горизонт расширяется, он чувствует в себе дыхание и волю всего народа.

Микельанджело написал однажды замечательный сонет: «Так и я родился и явился сначала скромной моделью себя самого для того, чтобы родиться снова более совершенным творением». Биограф Хмельницкого может применить к нему с полным правом эти слова.

Под влиянием совершающихся событий, под влиянием переливающихся в него настроений масс Богдан перерастает самого себя, как законченная скульптура перерастает первичную модель. Корни его мировоззрения выросли в идейной почве века и его класса; его социальная программа — это, в сущности, программа помещика, только менее эксплуататорского, чем у польских панов. Но в моменты подъема он выходит за рамки этой помещичьей программы и борется не только за интересы старшины, но и за интересы и нужды всего обездоленного украинского люда. И потому в звоне разбитых Хмельницким цепей национального гнета, которыми был скован украинский народ,

слышался похоронный марш и политическому угнетению, и культурному, и даже отчасти экономическому.

М. Грушевский, искажавший в буржуазно-националистическом направлении историю Украины, утверждал, что Хмельницкий «не выходил за интересы тесной сословной группы, к которой принадлежал», и что «хмельничина потерпела полное фиаско в политическом и в социальном отношении»^[227].

Подобными псевдонаучными заявлениями, фальсифицировавшими историческую действительность, Грушевский стремился опорочить вековую дружбу, русского и украинского народов и обосновать политическую программу украинской буржуазии.

Две задачи, неразрывно между собою связанные, наметил и блестяще разрешил гетман: смести польское иго и соединиться с Москвой. И за это, за непоколебимую преданность своей великой идее, за глубокий патриотизм, за умение страстно ненавидеть, страстно желать и добиваться победы над врагами своей родины, навеки запомнят благодарные потомки его имя.

Следует бросить беглый взгляд на то, как развивались события после смерти Богдана Хмельницкого. Предательскую роль сыграл Иван Выговский. Ему была вверена опека над Юрием, а в сентябре 1657 года его избрали на три года гетманом. Пробравшись к верховной власти, он тотчас стал готовить отпадение Украины от России и сговор с панами. Осенью 1658 года он заключил тайный договор с Польшей об условиях обратного вхождения Украины в

Польшу: все происходившее с обеих сторон предать забвению, козакам быть свободными от всех податей, митрополиту киевскому заседать в сенате, по 100 человек козаков из каждого полка могут получить шляхетные вольности и права.

О переговорах с Польшей проведал полтавский полковник Пушкарь и донес о них царю. Но Выговский схватил и казнил Пушкаря (в мае 1658 года). После этого он сжег Полтаву. Однако даже эта варварская мера не дала ему торжества. В октябре 1659 года Юрий Хмельницкий был провозглашен на раде в Переяславе гетманом, и низложенный Выговский, после тщетной попытки сопротивляться, бежал в Польшу, где в конце концов был умерщвлен поляками (в 1664 году).

Как известно, спустя полвека история повторилась — предатель украинского народа Мазепа кончил так же, как Выговский: не найдя поддержки в народных массах, всеми покинутый и презираемый, он бежал на чужбину.

Злокозненная авантюра Мазепы имела своим следствием то, что в 1723 году Петр I отменил гетманство на Украине (или, как ее стали называть, в Малороссии). Но в 1727 году оно было возобновлено, пока в 1764 году не было уничтожено окончательно. Последним гетманом был граф Кирилл Разумовский (1728–1803; был гетманом с 1747 по 1764 год); после него генерал-губернатором Малороссии был назначен граф П. А. Румянцев (1725–1796).

В 1783 году было осуществлено закрепощение украинских крестьян. Но это уже новая глава в истории страны. Вместе с русским народом украинцы испили горькую чашу дворянско-крепостнического сахмодержавия, пока над обоими народами не занялась зря свободной жизни.

Труднее сложилась участь тех, кто остался под властью польских панов и шляхтичей.

В 1667 году в деревне Андрусово московское правительство и Речь Посполитая заключили мир: к Москве отошла вся Левобережная Украина и город Киев на правом берегу (точнее говоря, Киев был «уступлен» на два года, но затем остался навсегда в составе России). Правобережная Украина осталась за Польшей. Вернулась к Польше и Белоруссия, завоеванная было московским и козацким войском, за исключением Смоленска и еще трех городов, отошедших к Москве.

В Левобережной Украине крестьянам жилось несладко под тяжелой десницей украинских и русских помещиков; но еще тяжелее жилось крестьянству Правобережья, где к экономическому и социальному гнету присоединились еще национальные преследования. Со дня на день положение крестьян здесь делалось все хуже. На Волыни, например, панщина составляла в начале XVIII века 156 дней в году, через несколько десятилетий уже 231 день, а еще несколько позже — 321 день. Работали на панщине по 12 часов зимой и по 19 часов летом.

Такое житье становилось невмоготу. Все чаще вспыхивали восстания: крестьяне собирались в отряды и начинали стихийную борьбу против панов. Шляхта прозвала таких повстанцев гайдамаками, то есть разбойниками, но в украинском народе слово это приобрело почетный смысл.

В 1795 году польское государство прекратило свое существование. Литва и Белоруссия оказались в составе Российской империи, Галичина и бассейн реки Буг (с городом Краковом) — в составе Австрийского государства.

Первая мировая война привела к распаду Австро-Венгрии. Октябрьская социалистическая революция заронила искру надежды в галицийском населении. В ноябре 1918 года восставшие массы овладели Львовом. Однако в это же время Антанта сфабриковала лоскутное

польское государство. Первым шагом новообразованной «республики» было удушение народного движения в Галичине. В июне 1919 года Львов был взят польскими войсками. Народы Западной Украины и Западной Белоруссии опять оказались под властью польских панов.

Последствия этого были очень тяжелы. В Западной Украине почти 80 процентов земли находилось в руках помещиков, церкви и государства. Индустрия находилась в жалком состоянии; без особого разрешения нельзя было строить промышленные предприятия.

Одновременно с экономическим угнетением происходило национальное и культурное угнетение. Народам Западной Украины и Западной Белоруссии запрещалось иметь свои школы. В связи с этим неграмотные среди украинского населения Польши составляли 50 процентов, достигая на Волыни и в Полесье 70 процентов.

Измученные народные массы делали отчаянные попытки бороться за лучшую долю. В 1930 году восставшие крестьяне Западной Украины сожгли 60 тысяч панских имений, в 1932–1933 годах вспыхнуло новое восстание, в котором участвовало около 100 тысяч крестьян. В 1937–1938 годах в городах прокатилась волна забастовок и демонстраций, для подавления которых польские власти использовали военную силу.

В Западной Украине и Западной Белоруссии вековая ненависть к своим угнетателям — панам — достигла ко времени второй мировой войны особой силы.

В сентябре 1939 года, при первых же ударах, полученных от немецко-фашистских войск, польское государство рухнуло, как карточный домик. Советский народ протянул братскую руку помощи своим братьям по крови. Встречая передовые отряды Красной Армии, многие украинцы и белоруссы плакали от радости. В

твердом шаге красноармейцев им слышался погребальный звон тяжкому прошлому, слышалось предвестие новой, светлой, свободной жизни.

В октябре 1939 года во Львове состоялось Народное Собрание Западной Украины, провозгласившее установление советской власти на всей территории Западной Украины.

1 ноября 1939 года внеочередная сессия Верховного Совета СССР приняла закон «О включении Западной Украины в состав СССР, с воссоединением ее с УССР».

А в 1945 году, после разгрома фашистской Германии, и Закарпатская Украина вошла в семью советских народов.

Сбылось то, о чем мечтал народ, но что лишь наполовину смог осуществить Хмельницкий: все русское население освободилось от владычества польских панов, получило национальную и политическую независимость.

Для украинского населения исход войны 1648–1654 годов являлся вопросом жизни и смерти. Но, борясь за свое существование, козаки и «хлопы» выполняли и большую общеевропейскую миссию. Их титаническая борьба подрывала польский феодализм — одну из самых реакционных и косных европейских форм феодализма. Нанося удары панам и шляхтичам, они поражали также иезуитов — худших носителей феодальной реакции.

Словом, война, которую вел украинский народ, была с исторической точки зрения прогрессивной, справедливой войной.

Вспоминая об этой войне, нельзя упускать из виду историческую перспективу. За истекшие с тех пор три столетия украинский народ прошел через различные фазы борьбы за свои национальные и социальные права. В братском союзе с великим русским народом он сбросил с себя гнет царизма, как сбросил когда-то гнет польских панов. Когда контрреволюционные круги Украины

призвали на помощь германских империалистов, на Украине, как встарь, вспыхнула народная война, «Против иноземного ига, идущего с Запада, советская Украина подымает освободительную отечественную войну, — таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине», писал товарищ Сталин [\[228\]](#).

Во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годов украинский народ ответил на кровавый террор фашистских оккупантов могучей всенародной партизанской войной. В 1943 году Красная Армия, громя и уничтожая фашистско-немецкие войска, начала борьбу за освобождение Украины, в основном закончив ее летом 1944 года.

Ныне Украине принадлежит одно из виднейших мест в созвездии Советских Республик. Она стала страной могучей индустрии — угля, металла, машин, страной Днепрогэса и механизированного Донбасса; она стала страной колхозов и тракторов, высоких урожаев хлеба и сахарной свеклы; она стала страной национальной культуры, сплошной грамотности, научных и высших учебных заведений.

«...став на советский путь, украинский народ добился, наконец, осуществления своей вековой мечты, создав свое национальное украинское государство и положив этим начало новой и, действительно, славной эпохе своей истории. Таким образом, под звездой Советской власти возникло подлинно народное, социалистическое государство — Советская Украина, вступившая в дружную семью советских народов» [\[229\]](#)

И теперь, оглядываясь по истечении трех столетий на бурные, кровавые события 1648-1654 годов, с особым чувством вспоминаешь железного гетмана, стоявшего «на челе» этих событий. Рассказы об его мужестве и неистощимой энергии служат для украинского народа источником национальной гордости и уверенности в своих силах. С уважением и признательностью

вспоминают его и другие народы Советского Союза. Недаром во время Отечественной войны правительство учредило особый орден. Те, кто мужественно и самоотверженно боролся за освобождение от немецко-фашистских захватчиков советской земли, носят на груди этот орден: посреди выпуклой пятиконечной звезды, в окаймленном серебром золотом круге, рельефное изображение Богдана Хмельницкого.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКОГО

(Даты даны по старому стилю)

1595 (предположительно) — Рождение Богдана Хмельницкого.

1596 — Слияние православной и католической церкви на Украине (Брестская уния).

1597 — Казнь Наливайко в Варшаве.

1620 — Битва при Цецоре.

1621 — Битва при Хотине.

1630 — Восстание Тараса Федоровича.

1637 — Восстание Павлюка.

1637-1638 — Исполнение Хмельницким обязанностей войскового писаря.

1647 — Захват хутора Субботова Чаплинским.

1647, декабрь — Бегство Хмельницкого а низовье Днепра.

1648, 8 мая — Битва при Желтых Водах.

1648, 16 мая — Битва при Корсуни.

1648, июнь — Занятие Киева армией Хмельницкого.

1648, июнь — Восстание «черных» людей в Московской Руси.

1648, 8 июня — Первое письмо Хмельницкого царю.

1648, 16 июля — Битва Кривоноса с Вишневецким под Константиновым.

1643, 13 сентября — Разгром шляхетской армии под Пилявой.

1648, 26 сентября — 16 октября — Осада Львова.

1648, 27 октября — 14 ноября — Осада Замостья.

1648, 23 декабря — Въезд Хмельницкого в Киев.
1649, январь — Посольство Мужилковского в Москву.
1649, 31 мая — Выступление Хмельницкого в поход.
1649, 5 июня — Прием царем посла Хмельницкого Федора Вешнякова.
1649, 29 июня — Начало осады Збаража.
1649, 5-6 августа — Сражение под Зборовом.
1649, 8 августа — Зборовский договор.
1650, август — сентябрь — Поход Хмельницкого на Молдавию.
1650, октябрь — Прием Хмельницким царского посла Унковского.
1651, январь — Указ польского короля о начале наступления на Украину.
1651, 6 февраля — Выступление Хмельницкого в поход.
1651, 11 февраля — Смерть Данилы Нечая.
1651, 19-28 февраля — Земский собор в Москве о присоединении Украины.
1651, 18-20 июня — Сражение при Берестечко.
1651, 21-30 июня — Осада козацкого табора при Берестечко.
1651, 7 июля — Универсал Хмельницкого о сборе войска.
1651, 25 июля — Занятие Киева Радзивиллом.
1651, 10 августа — Смерть Иеремии Вишневецкого.
1651, 18 сентября — Белоцерковский договор.
1652, февраль — Отказ польского сейма утвердить Белоцерковский договор.
1652, 23 мая — Победа Хмельницкого под Батогом.
1652, декабрь — Переговоры в Москве посла Хмельницкого Богданова (Зарудного).
1653, март — Посылка в Москву посольства Бурляя и Мужилковского.
1653, 8 июня — Начало совещаний выборных людей в Москве о принятии Украины.

1653, 22 июня — Посылка царем Ладыженского с извещением, что решено принять Украину в московское подданство.

1653, 19 августа — Выступление Хмельницкого против шляхетской армии.

1653, 2 сентября — Смертельное ранение сына Хмельницкого — Тимоша.

1653, 1 октября — Решение Земского собора принять Украину в московское подданство.

1653, 23 октября — Оповещение царем о войне с Польшей.

1653, 28 ноября — Развал польско-шляхетской армии под Жванцем.

1653, 5 декабря — Заключение договора Польши с Крымом.

1653, декабрь — Опустошение Волыни татарами.

1654, 8 января — Рада в Переяславе.

1654, сентябрь — Занятие Смоленска московско-козацкими войсками.

1655, январь — Осада Богуна в Умани.

1656, май — Объявление Москвою войны Швеции.

1656, 7 сентября — Заключение союзного договора между Хмельницким и Ракочи.

1657, 9 июня — Прием Хмельницким царского посла Федора Бутурлина.

1657, 27 июля — Смерть Богдана Хмельницкого.

1657, 10 сентября — Избрание Выговского временным гетманом.

1658, 6 сентября — Тайный договор Выговского с Польшей (Гадячская уния).

1659, август — Провозглашение гетманом Юрия Хмельницкого и бегство Выговского.

1664 — Уничтожение Чарнецким гробницы Хмельницкого в Субботове.

1667 — Андрусовский мир (между Россией и Польшей).

1764 — Уничтожение гетманства на Украине.

1775 — Уничтожение Запорожской Сечи.

1888 — Открытие в Киеве памятника Хмельницкому.

1939, 17 сентября — Вступление советских войск на территорию Западной Украины.

1939, 1 ноября — Принятие Верховным Советом СССР закона о воссоединении Западной Украины с УССР.

1943, 10 октября — Учреждение Президиумом Верховного Совета СССР ордена Богдана Хмельницкого.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Материалы и документы

Акты, относящиеся к истории Западной России, т. V, Спб. 1853.

Источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским. «Чтения в имп. обществе Истории и Древностей российских», 1858, № 1; 1859, № 1.

Акты, относящиеся к истории Южной «Западной России», т. III, Спб., 1861; т. IV, 1868; т. VIII, 1875; т. X, 1878; т. XI, 1879.

Архив Юго-Западной России, ч. III, т. IV, Киев, 1914.

Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов, изд. 2, с дополнениями, т. I-III, Киев, 1897-1898.

Документы эпохи Хмельницкого 1656-1657 годов, извлеченные из архива министерства иностранных дел, собранные И. Каманиным. Спб., 1911.

Борьба Украины с польским владычеством и присоединение ее к России, Материалы и документы. М., 1939.

Історія України в документах і матеріалах, т. III, Київ, 1941.

II. Летописи и сочинения современников

Гильом ле Вассёр де Боплан. Описание Украины. Спб., 1832. То же в книге: «Мемуары, относящие ся к истории Южной Руси», вып. II. Киев, 1896, стр. 289-388.

История Русов. «Чтения в имп. обществе Истории и Древностей российских», 1846, № 1.

Краткая история о бунтах Хмельницкого и войне с татарами, шведами и уграми. «Чтения в имп. обществе Истории и Древностей российских», 1846, № 4.

Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого. «Чтения в имп. обществе Истории и Древностей российских», 1847, №№ 1 и 2. То же, новое изд.: Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания исторического». Киев, 1878.

А. Ригельман. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще. «Чтения в в имп. обществе Истории и Древностей российских», 1847, № № 5, 6 и 9.

История о казаках запорожских. «Чтения в имп. обществе Истории и Древностей российских». 1847, № 6.

Самоил Величко. Летопись событий в юго-западной России в XVII веке, т. I-IV. Киев, 1848-1864.

Его же. Сказание о войне козацкой с поляками. Киев, 1926 (в серии: «Памятки українського письменства», т. 1). Имя автора обозначено: Величка Самійла. Это издание представляет собой первый том предыдущего сочинения.

П. Симоновский. Краткое описание о казацком малороссийском народе и о военных его делах [...] «Чтение в имп. обществе Истории и Древностей российских», 1847, № 2.

Г. Грабянко. Действия презельной и от начала ляков кравшой небывалой брани Богдана Хмелницко гетмана Запорожского с поляки. Киев, 1854.

Южнорусские летописи, открытые и изданные И. Белозерским, т. I. Киев, 1856.

Дневник Станислава Освецима (в извлечении). Пер. В. Антоновича. «Киевская старина». 1882, №№ 1. 2. 5, 6, 9, 11 и 12. То же, отд. изд., Киев, 1883.

Богдан Хмельницкий. Летопись еврея-современника Натана Гановера о событиях 1648-1653 годов в Малороссии вообще и о судьбе своих единоверцев в особенности. Одесса, 1878, то же, изд. 2, Лейпциг, 1883.

Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси, вып. I-II. Киев, 1890-1896.

Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Послом Алеппским. «Чтения в имп. обществе Истории и Древностей российских, 1896, кн. 4; 1897, кн. 4; 1898, кн. 3-4; 1900, кн. 2.

Научные труды

А. Классики марксизма-ленинизма

В. И. Ленин. Статьи и речи об Украине. Киев, 1936.

И. В. Сталин. Статьи и речи об Украине. Киев. 1936.

Б. Основная литература

Д. Бантыш-Каменский. История Малої России, ч. I-IV, М. 1822. То же, изд. 3, т. I-III, М, 1842.

А. Скальковский. История новой Сечи, изд. т. I-III. Одесса, 1841.

Н. Маркевич. История Малороссии, I-V, М., 1842-1843.

С. М. Соловьев. История России древнейших времен, т. X-XI, Спб., 1860.

В. Каховский. Опыт изучения войн Богдана Хмельницкого М., 1862.

В. Антонович. Исследование о казачестве по актам с 1500 по 1648 год. В книге.: «Архив Юго-Западной России», ч. III, т. I. Киев, 1863.

Г. Карпов. Критический обзор разработки главных русских источников, до истории Малороссии

относящихся, за время 8 января 1654 — 30 мая 1672. М., 1870.

Его же. Г. Костомаров как историк Малороссии. М., 1871.

Его же. Переговоры об условиях соединения Малороссии с Великой Россией. «Журнал министерства народного просвещения», 1871. №№ 11 и 12.

Его же. Начало исторической деятельности Богдана Хмельницкого. М., 1873.

Его же. В защиту Богдана Хмельницкого. Историко-критические объяснения по поводу сочинения П. А. Кулиша «Отпадение Малороссии от Польши». «Чтения в имп. обществе Истории и Древностей российских», 1889, № 1. То же, отд. изд., М., 1890.

П. Кулиш. История воссоединения Руси, I-III. М., 1874-1877.

Его же. Польская колонизация на Украине. «Вестник Европы», 1874, №№ 3 и 4.

Его же. Козаки по отношению к государству и обществу. «Русский архив», 1877, № 3.

Его же. Отпадение Малороссии от Польши, т. I-III — М., 1888-1889.

М. Максимович. Собрание сочинений, т. I. Киев, 1876 [книга включает ряд статей о Хмельницком].

Н. Павлицев. Польская анархия и война за Украину при Яне-Казимире, т. I-II. Спб., 1878.

П. Буцинский. О Богдане Хмельницком. Харьков, 1882.

О. Левицкий. Очерки народной жизни в Малороссии. «Киевская старина», 1883, № 1.

Его же. Б. Хмельницкий. В книге: В. Антонович и В. Бев. Исторические деятели Юго-западной Руси в биографиях и портретах, вып. I. Киев, 1883.

И. Дитятин. К вопросу о Земских соборах XVII ст. «Русская мысль», 1883, № 12.

Н. Костомаров. Богдан Хмельницкий, изд. 4, т. I-III. Спб., 1884.

И. Новицкий, Адам Кисель, воевода Киевский. «Киевская старина», 1885, №№ 10-12.

М. Владимирский-Буданов. Передвижение южнорусского населения в эпоху Богдана Хмельницкого. «Киевская старина», 1838, № 7. То же, отд. изд., Киев, 1888.

П. Шафранов. О статьях Богдана Хмельницкого (1654 г.). «Киевская старина», 1889, № 11.

П. Гейсман. Сражение при Желтых Водах. В сборнике «Досуги Марса». Саратов, 1890.

А. Лазаревский. Описание старой Малороссии, т. I-III. Киев, 1888-1902.

В. Яковенко. Богдан Хмельницкий. Спб., 1894.

И. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства. М., 1894.

А. Ефименко. Очерки истории правобережной Украины. Киев, 1895.

Ее же. История украинского народа, I-II, Спб., 1906.

В. Эйнгорн. Очерки из истории Малороссии в XVII в., 1, М., 1899.

О. Фотинский. Семейные отношения в Южной и Западной Руси. «Волянь», 1900, №№ 65-73.

Русский биографический словарь, том «Фабер — Цявловский». Спб. 1904 (статья А. Маркевича «Б. Хмельницкий»).

Жерела до історії України — Руси, т. V-VI. Львів, 1901 — 1913.

И. Каманин, Битва козаков с поляками под м. Берестечко. Киев, 1910.

Его же. Положение и взаимные отношения сословий Южной Руси накануне войн Хмельницкого. Киев, 1914.

Его же. Участие южнорусского населения в восстании Хмельницкого. Киев, 1914.

В. Мякотин. Очерки социальной истории Малороссии. «Русское богатство», 1912, №№ 8–11.

И. Розенфельд. Присоединение Малороссии к России. 1654–1793. Историко-юридический очерк. Пг., 1915.

В. Ключевский. Курс русской истории. Переиздание, ч. III. М., 1937.

А. Шестиков. Борьба Украины с польским владычеством и присоединение ее к России. Стенограмма лекции. М., 1938.

Хронологія історії України, в. I–II. Київ, № 8.

А. Пресняков. Лекции по русской истории вып. I. М., 1939.

К. Осипов. Богдан Хмельницкий. «Военно-исторический журнал» 1939, № 2.

Б. Греков, Киевская Русь, изд. 3. М., 1939. То же, 4. М.—Л., 1944.

А. Барабой. К вопросу о причинах присоединения Украины к России в 1654 году. «Историк-марксист», 1939, № 2.

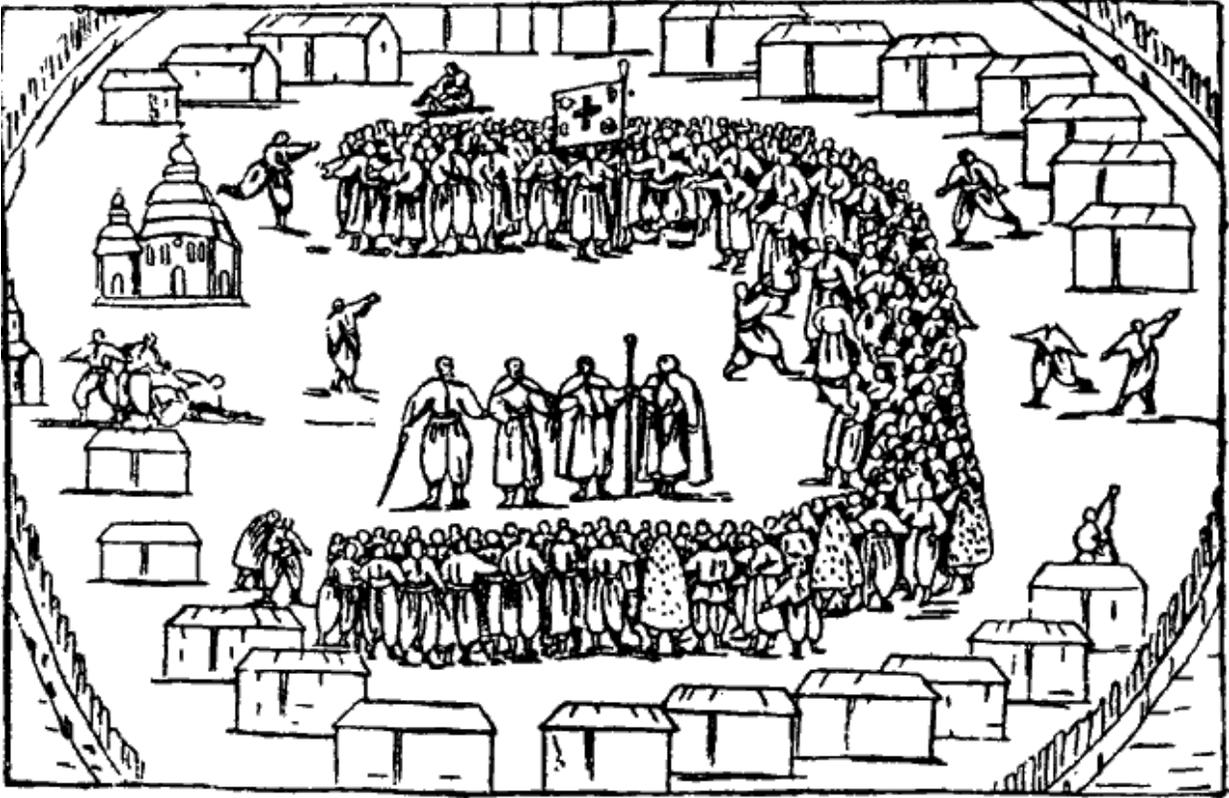
М. Н. Петровский. Визвольна війна українського народу против гніту шляхетської Польщі і приєднання України до Росії. Київ, 1940 [в издании: «Нариси історії України», вып. IV]. Рецензия на эту книгу А. Барабоя — «Историк-марксист», 1940, № 7.

К. Литвин. Об истории украинского народа. «Большевик», 19–17, № 7, стр. 41–56.

Иллюстрации

Дмитрий Вишневецкий (Байда).

Рада в Запорожской Сечи.

Князь Константин Острожский.

Украинская крестьянка XVII века.

Украинский козак.

Гетман Петр Конашевич-Сагайдачный.

Развалины дома Хмельницкого в Субботове.

Козацкие «герцы».

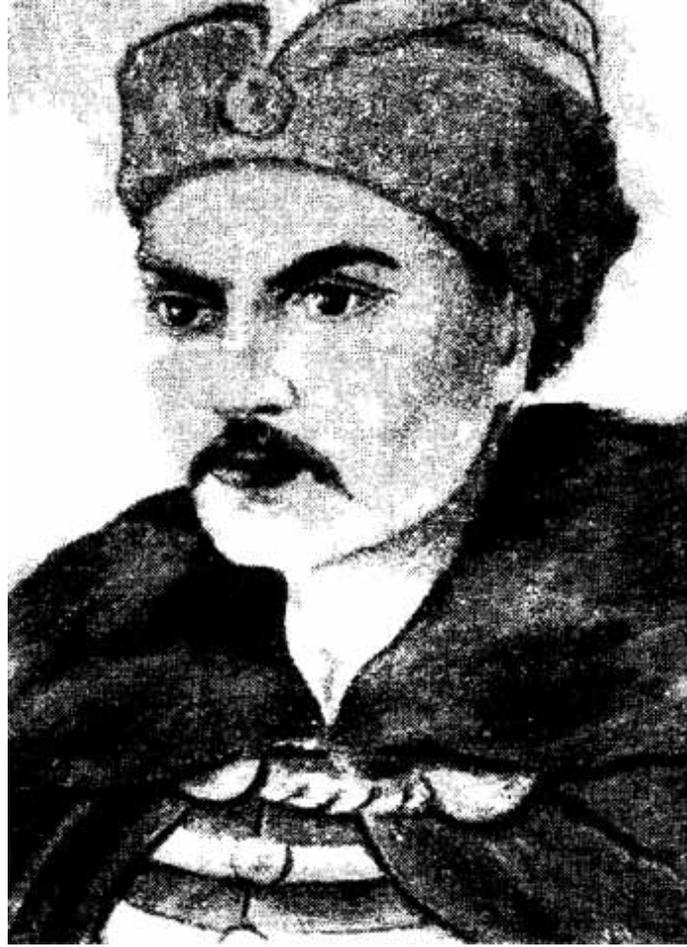
Богдан Хмельницкий.

Василь Липул, молдавский господарь, сват Богдана Хмельницкого.

Бердыш Богдана Хмельницкого.

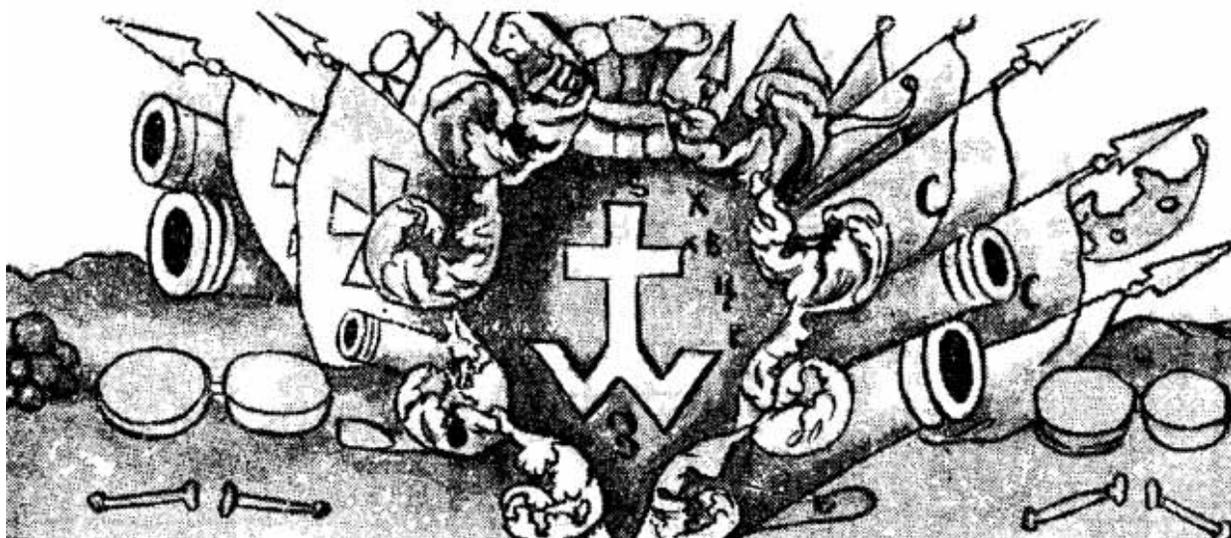
Иван Богун.

Войсковая печать Богдана Хмельницкого

Богдан Хмельницкий.

Герб Богдана Хмельницкого.

«Запорожцы пишут письмо турецкому султану» С картины И. Е. Репина.

Богданъ Хмельницк^и
Детляков^о
шаго К^имента
Запорожского р^ина
Влашка

Автограф Богдана Хмельницкого.

Сын Богдана Хмельницкого — Юрий.

Памятник Богдану Хмельницкому в Киеве.

Карта театра военных действий Богдана Хмельницкого.

notes

Примечания

1

Гильом Левассер де Боплан — французский инженер; в тридцатых и сороковых годах XVII века состоял на службе у польского правительства. В итоге своих наблюдений написал книгу «Описание Украины». Впервые опубликованная во Франции в 1651 году, она была затем переведена на многие языки. Имеются русские ее переводы.

Б. Греков. Киевская Русь. М. — Л., 1944, стр. 12.

Б. Греков. Киевская Русь. М. — Л., 1944, стр. 8.

Перевод с латинского Res publica (буквально: «общественное дело»). Присвоенное польскими заправилками, это наименование совершенно не соответствовало действительной сущности: народ в польско-литовском государстве был угнетен и бесправен, вся власть и все блага принадлежали только высшим классам. Недаром впоследствии Богдан Хмельницкий иронически отзывался об этом несоответствии названия и сущности.

5

Золотой Ордой называлось монголо-татарское государство, образовавшееся после покорения Руси, с центром в низовьях Волги. Первоначально Золотая Орда была частью Великой Монгольской империи, но впоследствии отделилась от азиатской части.

6

Лузитаны — португальцы.

Термин «Украина» официально не употреблялся, а применялся только в частном обиходе. Территория Украины включала: юго-восточную часть Подолии, значительную часть Киевщины, всю Полтавщину, значительную часть Екатеринославщины, Херсонщины, часть Черниговщины. Название «Украина» встречается впервые в летописях конца XII века. Так называли свою родину жители этих земель; в то же время они не переставали считать себя русскими.

В отличие от донского и кубанского казачества в применении к днепровскому следует употреблять термин *козачество*, что соответствует украинскому произношению и написанию этого слова.

Ногайские татары кочевали в южнорусских степях, в районах Очакова и Перекопа.

10

Кафа (Каффа) — ныне Феодосия.

О том, как плодородна была в то время Украина, дает представление высказывание литовского мемуариста Михаила Литвина. В середине XVI века Литвин писал об Украине: «Диких зверей: зубров, диких лошадей и оленей такое множество в лесах и на полях, что за ними охотятся только ради кожи, а мясо, по причине большого его изобилия, бросают, за исключением филейных частей; ланями и дикими кабанами совсем гнушаются... Птиц такое поразительное множество, что весной мальчики наполняют целые лодки яйцами диких уток, гусей, журавлей и лебедей. Собак кормят мясом диких зверей и рыбою, так как реки изобилуют невероятным количеством осетров и других больших рыб, поднимающихся из моря вверх по рекам в пресную воду. Поэтому многие реки называются золотыми, особенно Припять, которая в одном месте... ежегодно в начале марта наполняется таким множеством рыбы, что брошенное в нее копье ущемляется и стоит отвесно, словно водруженное в землю — так густо сбивается там рыба» (*М. Литвин. О нравах татар, литовцев и московитян. В издании: «Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси», вып. I, Киев, 1890, стр. 48-49).*

12

Приспа — земляная насыпь вокруг хаты, около 0,75 метра вышиной, возводившаяся для большей прочности и утепления.

Язык половцев известен по так называемому «Куманскому словарю» (на Западе половцев называли куманцами). Словарь этот, относящийся к началу XIV века, сохранился в Венеции и был издан в 1884 году.

Александр Гваньини (умер в 1614 году) — историк и переводчик. Родом итальянец, состоял на службе у Стефана Батория. Написал книгу о Польском государстве.

15

Это место находится недалеко от города Никополя.

Когда Стефан Баторий совершил набор 500 козаков (см. об этом ниже), в числе их оказались уроженцы 74 городов и уездов Западной Руси и Литвы, даже столь отдаленных, как Вильно и Полоцк, семи польских городов — Познани, Кракова и других, затем выходцы из Рязани, молдаване и по одному сербу, немцу и татарину.

Курень (от татарского «курень» — двор) — поселение военного характера, своего рода общежитие в Сечи.

Соломаха — любимое блюдо козаков: смесь вареного проса с тестом.

Запорожское «отáман» равнозначно русскому «атаман».

Сироматия, сиромá — беднота.

Фальконет — старинная мелкокалиберная пушка.

Архив Маркса и Энгельса, т. VIII, 1946, стр. 154.

Трансильвания (Семиградье) — горная область в Карпатах. В XVI веке она являлась независимым государством под протекторатом Турции.

Загоны — отряды.

25

Стация — оброк, подати.

Экзатор — сборщик податей.

Жолнер — польский солдат.

Петр Скарга (1536–1612) — иезуит, известный проповедник. В своих речах резко разоблачал общественные порядки тогдашней Польши.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. Партиздат, 1938, стр. 28.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. Партиздат, 1938, стр. 49.

Русины — польское и австрийское наименование украинского населения Буковины, Галичины и прикарпатской Руси.

Денис Зубрицкий. Летопись Львовского
Ставропигийского братства. Львов, 1926, стр. 25-26.

С. Соловьев. История России с древнейших времен, т. X, Спб., 1860, стр. 60.

34

С 1526 по 1607 год.

Иезуиты (от Jesus — Иисус) — монашеский орден в католической церкви, бывший главным орудием католической реакции. Основан Игнатием Лойолой, утвержден папой Павлом III в 1540 году. В борьбе со своими врагами иезуиты ничем не стеснялись. Их лозунгом было: «Цель оправдывает средства».

Любопытные данные о классовой дифференциации в козачестве имеются в тестаменте (завещании) Чигиринского козака Волевача, написанном в 1600 году. Волевач обладал крупным поместьем и, кроме того, ссужал деньгами своих соседей, которые были должны ему большие суммы.

Экю — французская монета.

Ливр — французская монета, предшествовавшая франку и почти равная ему по стоимости.

Так называемые околичные шляхтичи, то есть проживавшие в собственных поместьях — околицах — и собственными силами, без крепостных ведшие там хозяйство. Околичные шляхтичи остались верны своей народности, а впоследствии сражались в армии Хмельницкого против поляков.

Канта — песня.

41

Где бы ни пытались проплыть.

Самопал — фитильное ружье.

Петр Конашевич-Сагайдачный (год рождения неизвестен, умер в 1622 году) — родился в Галичине, в семье украинского шляхтича. В 1610 году был избран в гетманы.

Авторство «Истории Русов» долгое время приписывалось могилевскому архиепископу Георгию Конискому (1717–1795), но затем эта версия была опровергнута; действительный автор сочинения пока не установлен. «История Русов» изобилует неточностями, но отличается яркостью и живостью изложения. Пушкин сказал, что «множество мест в нем суть картины, начертанные кистью великого живописца».

Краткое описание Малороссии, в книге: Летопись Самовидца. Киев, 1878, стр. 218.

Село солнце за горою,
Звезды засияли,
А козаки, словно туча,
Ляхов окружали.
Только месяц стал средь неба,
Пушка взговорила;
Всполошились паны-ляхи, —
Да уж поздно было.
Всполошились паны-ляхи,
Да уже не встали:
Встало солнце — паны-ляхи
Мертвые лежали.

(Перевод Н. В. Гербеля).

Реестровое козачество подразделялось на полки по 600 человек в каждом. Гетману реестровых был установлен от польского правительства ежегодный оклад в 480 польских злотых (злотый равнялся примерно 2 рублям). Полковники получали оклад — 120 злотых, сотники — 60, пушкари — 48, десятники — 30, возничие — 12 и простые строевые козаки — 7 злотых в год.

Полова — мякина (укр.).

*Чтения в имп. обществе Истории и Древностей
российских, 1846, № 1. стр. 54.*

Симон Окольский (1580-1653) — польский историк и проповедник. В походах 1637-1638 годов был полковым священником при Потоцком.

И. Каманин. Догадка о происхождении Богдана Хмельницкого из среды киевских мещан, «Чтения в историческом обществе Нестора Летописца», 1898, кн. 12. стр. 15-19.

В. Антонович. Исследование о козачестве по актам 1500–1647 годов. Киев, 1863.

Ныне Переяслав-Хмельницкий, районный центр Киевской области.

Нариси з історії України. Вып. IV. М. Н. Петровський.
Визвольна війна українського народу проти гніту
шляхетської Польщі і приєднання України до Росії. Київ,
1940.

М. Максимович. Собрание сочинений, т. I, Киев, 1876,
стр. 411-412.

По некоторым известиям, к королю обратилось в тот момент французское правительство с просьбой разрешить вербовку козаков для участия в происходившей франко-испанской войне. Владислав поручил ведение переговоров Богдану. Хмельницкий ездил во Францию, где, повидимому, удачно завершил переговоры, потому что вскоре двухтысячный козацкий отряд появился в рядах французской армии принца Конде, осаждавшей Дюнкерк (Дюнкирхен).

Богдан Хмельницкий. Летопись еврея-современника Натана Гановера о событиях 1648-1653 годов» Изд. 2, Лейпциг, 1883. стр. 18-19.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. VIII, Спб... 1875, стр. 349.

В некоторых летописях хранителем грамоты называется другой член козацкой старшины, Ильяш, но это указание представляется менее правдоподобным. Впрочем, весь этот эпизод освещается различно, а многие историки вообще отрицают самое существование грамоты. Но нам кажется, что тот или другой важный документ здесь все же фигурировал. В летописи Величко приводится даже ироническое письмо Богдана Хмельницкого Барабашу, в котором он приносит извинения за случившееся. В 1648 году Богдан писал в одном универсале: «Теды я, Хмельницкий, взявши Господа Бога на помощь и отобравши штучным способом у Барабаша привилии королевские, мусилем сие военное з Поляками зачати дело».

В первых десятилетиях XVII века главным городом козачества были Черкасы, насчитывавшие свыше тысячи козацких дворов и 120 дворов мещан. Отсюда наименование «черкасы», относившееся в Московской Руси ко всем украинцам.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб., 1861, стр. 166-167.

Богдан не сразу направился в Сечь, потому что там стоял в то время польский гарнизон. Он поселился неподалеку, собрал отряд и в январе 1648 года прогнал из Сечи поляков.

Буцкий остров — иначе Томаковский. Это донесение свидетельствует о том, как умел Богдан вводить в заблуждение своих противников. Он распустил слух, что отправился на Буцкий остров «кормить лошадей»; на самом же деле он проводил большую часть времени в Сечи и разъезжал повсюду, сколачивая свою армию.

Польным гетманом назывался помощник коронного гетмана — главнокомандующего польской армии.

Рокош — мятеж.

За варту — под стражу.

Гетман Потоцкий.

Существует версия, что в процессе переговоров с Крымом Хмельницкий лично ездил в Бахчисарай к хану и оставил ему заложником своего сына Тимофея; все это очень возможно, но достоверных известий об этом не имеется.

Кламливые — бранные, подстрекательские.

Хмельницкому предложили звание гетмана, но он счел преждевременным дать свое согласие; это звание он принял несколько позже, когда были одержаны первые победы и авторитет его прочно утвердился.

Сам факт выбора этого места для боя свидетельствует о том, как верно понимал Богдан обстановку. В районе Желтых Вод имелось много козацких хуторов: это-то обстоятельство и побудило Богдана дать сражение именно здесь. Желтые Волы находятся недалеко от Кировограда.

В вопросе о дате сражения при Желтых Водах в литературе существует полная неразбериха: автор «Истории Русов» указывает 8 апреля, Величко — 8 мая, польские хроникеры 5 апреля и т. д. Советский историк Н. Петровский датирует битву 6 мая. Нам кажется, однако, наиболее правдоподобной дата 8 мая, принимаемая также Каманиным, Гейссманом и др.

Мнение Костомарова и Соловьева, что Желтые Воды — это проток при впадении в Днепр реки Тясьмины, оспаривается Гейсманом, полагавшим, что битва произошла к востоку от села Желтого (см. сборн. *«Досуги Марса»*. Саратов, 1890), но его предположение не может считаться убедительным.

Польский король Владислав умер 10 мая 1648 года.

Существует версия, что и этот приказ был отдан не без участия Богдана: он будто бы подослал к коронному гетману козака, своими показаниями способствовавшего решению Потоцкого. Подослан был козак Зарудный (Богданов), впоследствии ездивший с поручением Хмельницкого в Москву.

Талер — крупная серебряная монета, весом приблизительно в одну унцию (около 27 граммов).

С этого времени Богдан стал величать себя гетманом. Когда он незадолго до того отказался официально принять этот титул, он выставлял одной из причин отказа желание, чтобы его избрали гетманом не только запорожцы, но и городовые (реестровые) козаки. Теперь под его знаменем сражались и реестровые, а двукратная победа делала момент особенно подходящим для открытого принятия титула.

Русский перевод приведенного отрывка: «Зиновий-Богдан Хмельницкий, гетман славного реестрового запорожского войска и всей Малороссийской Украины, лежащей по обеим сторонам Днепра, вам всем, малороссийским людям по обеим сторонам Днепра, дворянам и простого звания, большого и малого чина, особенно же козакам дворянского происхождения, истинной нашей братии, настоящим оповещаем, что не без причин мы принуждены начать войну и поднять наше оружие на поляков».

Рачи — да изволит.

Невестюхам — неженкам.

Русский перевод: «И так простые люди на Украине, прослышавши о разгроме королевских войск и гетманов, тотчас стали собираться в полки не только те, кто бывал козаками, но и те, кто никогда не знал козачества» (*Летопись Самовидца*. Киев, 1878, стр. 12).

Хмельницкая летопись. В книге: Летопись Самовидца. Киев, 1878, стр. 79-80.

Краткая история о бунтах Хмельницкого и войне с татарами, шведами и уграми. *«Чтения в имп. обществе Истории и Древностей российских»*, 1846, № 4, стр. 7.

Относительно срока отсылки этого письма существуют разногласия, столь частые в применении к документам данной эпохи. В «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России» и в ряде других источников оно датировано 2 августа. Но указанная выше дата представляется более правильной.

В. И. Ленин. Соч., изд. 3, т. XVI, стр. 241.

Интересно старинное предание о происхождении фамилии Кисель. В 997 году печенеги осаждали Белгород. Когда в городе не стало съестных припасов, один мудрый старец велел вырыть два колодца: в один поставили чан с жидким тестом, в другой — с медовой сытостью. Затем пригласили вождей печенегов и сказали им: «Что можете сотворить нам? Имеем бо кормлю от земли; аще ли не веруете, узрите своими очима». При них черпали тесто и сыту и варили кисель. Печенеги убедились в неистощимости запасов белгородцев и сняли осаду. Этот старец и был будто бы родоначальником фамилии Кисель.

Кроме Киселя, еще Сельский, Дубравский и Обухович.

Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов, т. I, Киев, 1898, стр. 228.

Случ (*Случь*) — река на Украине, правый приток Горыни; крупные населенные пункты: Старо-Константинов, Новоград-Волынский (не смешивать с рекой Случь в Белоруссии, притоком Припяти).

На этот брак потребовалось специальное разрешение иерусалимского патриарха, поскольку муж гетмановой избранницы — Чаплинский — был еще жив.

Пилявка — приток Южного Буга, северо-западнее города Битшицы.

Гайдамаки (слово турецко-арабского происхождения) — в XVII–XVIII веках так назывались партизаны, боровшиеся против панов.

Хмельницкому посчастливилось: в Турции произошел дворцовый переворот, и в связи с этим хану было приказано возобновить союз с козаками.

Посполитство — термин, сходный с русским «простой народ»; крестьянство и мещанство.

Любопытная деталь: когда войско Хмельницкого приближалось к Львову, Иеремия Вишневецкий и воевода Тышкевич заявили, что берут на себя оборону города, и потребовали у жителей денег на сбор рати. Но, забрав крупные суммы, оба покинули Львов (*Денис Зубрицкий. Летопись Львовского Ставропигийского братства. Львов, 1926, стр. 69*).

Згода — соглашение, мир.

Он занимал должность «обозного» — нечто вроде начальника артиллерии и обоза.

В Речи Посполитой короли выбирались, при этом вследствие соперничества различных группировок шляхты на престол часто избирались иностранцы.

Н. Костомаров. Богдан Хмельницкий, т. II. Спб., 1884, стр. 47.

Н. Костомаров. Богдан Хмельницкий, т. II, Спб, 1884,
стр. 49.

Жерела до історії України — Руси, т. VI, Львів, 1913, стр. 113. Також: *Н. Костомаров*. Богдан Хмельницький, т. II, Спб, 1884, стр. 53.

Впоследствии, в 1652 году, Хмельницкий дал Киеву универсал, согласно которому войскам запрещалось проходить через этот город, пользоваться имевшимся там перевозом через Днепр, предъявлять к мещанам требования о продовольствии и фураже и т. п. Его популярность в этом городе всегда была очень велика.

Для характеристики торговых операций отметим, что за десять стрел, кованных из железа и обделанных в древки с орлиными перьями, татары давали воз соли.

Мех соболя имел большую меновую стоимость и часто употреблялся для подарков.

Н. Костомаров. Богдан Хмельницкий, т. II, Спб. 1884,
стр. 73-74.

Н. Костомаров. Богдан Хмельницкий, т. II, Спб., 1884, стр. 79.

От глагола «лупить» — избиения польских помещиков.

Землянин — землевладелец, помещик.

Кстати, когда после неудачного для козаков Берестечского сражения князь Радзивилл вступил в Киев, ему предшествовала молва, что все в городе будет предано огню и мечу; десятки тысяч жителей устремились в беспорядочное бегство, и очень многие из них погибли. Радзивилл оправдал эту молву.

Летопись Самовидца. Киев, 1878, стр. 22.

Хмельницкая летопись. В книге: *Летопись Самовидца.* Киев, 1878, стр. 80.

В. И. Ленин. Соч., изд. 3, т. XXIV, стр. 493.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб., 1861, дополнения, стр. 58.

Збараж — город в Западной Украине, южнее Кременца.

Гей, козаки-молодцы! Вот что объявляю вам для сведения, что мне хан сказал: если мы ему не дадим поляков в качестве пленных, то самим нам придется итти в неволю в Крым.

116

Зборов — местечко в Западной Украине, южнее Бродов.

Хоругвь — конная часть в польском войске.

По другим известиям — 300 тысяч злотых.

119

То есть простить вины.

Н. Костомаров. Богдан Хмельницкий, т. II, Спб., 1884, стр. 168.

Под русичами здесь подразумеваются шляхтичи украинского происхождения, но перешедшие в польский лагерь.

Название «Слободская Украина» произошло оттого, что предоставлявшиеся московским правительством козакам необжитые земли назывались слободами.

123

Очень скоро из среды козацкой верхушки выделились более или менее крупные владельцы, закабалившие крестьян. Но это произошло все же лишь через некоторое время.

В. И. Ленин. Соч., изд. 3, т. XI, стр. 204.

В. И. Ленин. Соч., изд. 3, т. XI, стр. 204.

По тому времени это было немало. Например, вся Англия с Уэльсом насчитывала в 1650 году 5450 тысяч человек (по другим данным, менее 5 миллионов человек).

М. Владимирский-Буданов. Передвижение южнорусского населения в эпоху Богдана Хмельницкого. Киев, 1888, стр. 18 и 29.

Много миргородских козаков после этого переселилось в Московское государство и образовало там Рыбинский полк.

Памятники, изданные временной комиссией для разбора древних актов, т. II, Киев, 1398, стр. 574 и 560-581.

Густынский (Троицкий) монастырь был расположен на острове Густыне, под Прилуками.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб., 1861, стр, 401.

См., например, «Історія України в документах і матеріалах», т. III, Київ, 1941, стр. 200: «Грамота турецького султана Мохамеда IV гетману Богдану Хмельницькому с изъявлением готовности принять его и войско запорожское под свой протекторат».

В некоторых источниках указывается, что Потоцкий выдал вместо себя татарам одного из своих сыновей.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб., 1861, стр. 409.

135

От nobile — благородные.

Любопытно, что киевский митрополит Сильвестр подпал под польское влияние и не сочувствовал новой войне.

Шляхтич Станислав Освецим служил в качестве секретаря и педагога у панов Любомирского и Конецпольского. Цитаты даны из его книги «Дневник Станислава Освецима», перевод В. Антоновича. Киев, 1883.

В том числе будущий польский король Ян Собесский.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб, 1861, стр. 466.

Впрочем, это сообщение польского мемуариста Освецима вызывает сомнения: по другим известиям Тугай-бей погиб еще в 1649 году.

Согласно сообщению полковника Семена Савича, Богдану удалось уговорить хана вернуться, и он даже послал с полковником Лукьяновым соответствующий приказ войску. Но на следующий день шел дождь, татары приуныли, стали поговаривать, что это дурная примета, и в конце концов побежали дальше (*Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России*, т. III, Спб., 1861, стр. 476–479).

По словам французского историка Шевалье, хан осыпал Хмельницкого упреками: он-де уверил татар, что поляков только 20 тысяч и борьба с ними будет нетрудной. Хан грозил выдать Хмельницкого полякам в обмен на пленных мурз (*Pierre Chevalier. Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne [...] Pan's, 1663. p. 148*).

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб., 1861, стр. 469-470.

Дневник Станислава Освецима. Киев, 1883, стр. 102.
Любопытно, что при обсуждении этого «плана» паны удалили под благовидным предлогом Адама Киселя, считая, что даже он может возмутиться.

По другим источникам, разгром Небабы произошёл несколькими неделями позже.

Краткое описание Малороссии. В книге: «Летопись Самовидца по новооткрытым спискам с приложением трех малороссийских хроник: Хмельницкой, «Краткого описания Малороссии» и «Собрания исторического». Киев, 1878, стр. 232.

П. СИМОНОВСКИЙ. Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах [...]. «Чтения в имп. обществе Истории и Древностей российских», 1847, № 2, стр. 55.

П. СИМОНОВСКИЙ. Краткое описание о козацком малороссийском народе и о военных его делах [...]. «Чтения в имп. обществе Истории и Древностей российских», 1847, № 2, стр. 56.

Pierre Chevalier. Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne [...]. Paris, 1663, p. 208.

150

Это сражение произошло 13 сентября 1651 года.

«И в том году снова погибло много панов, которые приехали было в свои поместья; потому что народ их истреблял, и козаки, выгнанные было из своих домов, снова стали возвращаться».

Характерна в этом отношении последняя фраза универсала, где подчеркивается необходимость дисциплины и единовластия.

Это предупреждение было одним из последних политических актов Адама Киселя. Старый дипломат отстранился от дел и в начале 1653 года скончался в своем имении Гуще.

По вопросу о том, принял ли Хмельницкий личное участие в сражении, в литературе существует разногласие.

Это, впрочем, не мешало Богдану хозяйственно взять себе все польские пушки, захваченные под Батогом.

Ланы — мера земли и единица поземельного обложения в феодально-крепостнической Польше.

Сочава — сильная крепость на берегу Серета.

Характерная подробность: паны согласились на разорение Галичины, но при условии, что в неволю будут уводить только русское население, не касаясь католиков.

Повет — административный округ старинной Польши и Украины.

Жерела до історії України — Руси, т. V, Львів, 1901.

М. Владимирский-Буданов. Передвижение южнорусского населения в эпоху Богдана Хмельницкого, Киев, 1888, стр. 10-11.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIII, ч. I, стр. 159.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. X, стр. 61.

«К изучению истории». Сборник. М., 1946, стр. 37.

Акты Московского государства, т. П. Спб., 1894, стр. 304.

В. И. Ленин. Соч. изд. 3, т. XX, стр. 534.

В декабре 1654 года атаман донского войска Петров обратился к Хмельницкому с предложением снова объединить усилия для отражения турок и татар, замышляющих нападение.

И. Миклашевский. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. I. М., 1894.

В. Эйнгорн. Очерки из истории Малороссии в XVII в., I. М., 1899, стр. 20-21.

В. Эйнгорн. Очерки из истории Малороссии в XVII в., I.
М., 1899, стр. 21.

В допетровской Руси годы считали с 5508 года до нашей эры — года, к которому приурочивали сотворение мира: $5508 + 1653 = 7161$. Первая цифра нередко отбрасывалась, отсюда 161 год.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III. Спб., 1861, стр. 241.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб., 1861, стр. 320-321.

Кроме Вешняка, Хмельницкий посылал в 1649 году в Москву еще Силуяна Мужиловского.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб., 1861, стр. 350.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. VIII, Спб., 1875, стр. 276.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. VIII, Спб., 1875, стр. 302.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб., 1861, стр. 343.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб., 1861, стр. 377.

Характерно, что, несмотря на крайнюю заинтересованность в установлении добрых отношений с Москвой, Богдан не жертвовал для этого традициями козацкой Украины. Достоин внимания такой эпизод. Московское правительство требовало через Василия Унковского, чтобы гетман выдал бежавшего на Украину «вора» Тимофея Анкудинова, выдававшего себя за внука покойного царя Василия Шуйского. Несмотря на энергичные настояния Москвы, Хмельницкий отказал в выдаче. Всем известно, заявил он, что ни у кого из Шуйских не было детей; но Тимофей на Украине и не сказывался царским внуком, а если скажется, то будет тотчас наказан. Однако выдать его нельзя: «кто де в которую землю ни придет, тех людей не отдают; я де к царскому величеству сам хотел бежать от неприятелей своих от Лехов, и государь бы меня королю не отдал» (*Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России*, т. VIII. Спб., 1875, стр. 318–357). Впоследствии Тимофей скитался по разным странам и был выдан царю голштинским герцогом; его четвертовали в Москве.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб., 1861, стр. 446.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб., 1861, стр. 463–464.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб., 1861, стр. 452.

О переговорах Искры см. *Собрание государственных грамоти договоров*, ч. III. Москва, 1822, стр. 472-474.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. VIII, Спб., 1875, стр. 371.

В. Латкин, Земские соборы древней Руси. Спб., 1885.

И. Дитятин. К вопросу о земских соборах XVII века.
«Русская мысль», 1883, кн. 12.

Акты, относящиеся к истории Южной Западной России, т. X, Спб., 1878, стр. 4.

Жребий брошен! (латин.). Слова, произнесенные Цезарем при переходе через Рубикон.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. X, Спб., 1878, стр. 33.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. X, Спб., 1878, стр. 70.

Любопытная деталь: Хмельницкий позаботился особо о поддержке его, помимо старшины, Запорожской Сечью. Он уведомил кошевого отамана, что как войну с поляками он вел с одобрения совета низового войска запорожского, так и начатое теперь дело не хочет решать без соизволения Сечи. Кошевой, в ответе от 3 января, вполне одобрил соединение с Россией и только просил, чтобы в договоре не было ничего, противоречащего «предковечным правам и вольностям нашим».

Речь Хмельницкого приводится в несколько сокращенном виде по «Статейному списку» московских послов (Д. Бантыш-Каменский. Источники малороссийской истории, ч. I. «Чтения в имп. обществе Истории и Древностей российских», 1858, № 1).

Учинить веру — дать присягу.

На Украине насчитывалось к моменту соединения 50 городов и 116 «мест» (*«Чтения в имп. обществе Истории и Древностей российских»*, 1847, № 6, стр. 179).

Бутурлину и его помощникам объявили царскую благодарность за хорошее выполнение поручения и щедро наградили их соболями, драгоценными кубками и пр. (*Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России*, т. X, Спб., 1878, стр. 275–292).

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. X, Спб., ИТ8, стр. 539-540.

Н. Маркевич. История Малороссии, т. III, М., 1842, стр. 98-99.

П. Могила (1596–1647) — сын господаря Валахии, видный церковный и общественный деятель.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. X, Спб., 1878, стр. 388.

В. Базилевич. Извет старца Рафаила. Киев, 1919.

Выговский, будучи взят в плен при Желтых Водах, сумел понравиться Богдану и был им выкуплен у татар.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб_м 1861, стр. 556.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. III, Спб., 1861, стр. 453–457.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. X, Спб., 1878, стр. 333–350.

Акты, относящиеся к истории Западной России, т. V.,
Спб., 1853, стр. 91.

Акты, относящиеся к истории Западной России, т. V.,
Спб., 1853, стр. 93.

Н. Маркевич. История Малороссии, т. III, М., 1842, стр. 104-117.

Станислав Потоцкий — брат покойного гетмана
Николая Потоцкого.

Гродзицкий — один из видных членов тогдашнего Львовского магистрата.

По раскладке часть суммы — 3500 злотых — должно было внести Львовское братство. Но польские шляхтичи напали на братство и разграбили его, забрав 28 тысяч злотых — все, что там имелось. Вскоре польский магистрат наложил на жителей-русин контрибуцию: 17 тысяч злотых, по случаю войны с Москвой (*Временник Ставропигийского института с месяцесловом*. Львов, 1926, стр. 16-17).

212

У мертвой змеи не остается яда (итал.).

Не случайно М. Грушевский, сиюсь извратить великий исторический смысл соединения Украины с Россией, много раз твердил о том, что Хмельницкий был якобы неискренен, прося московское правительство принять в подданство Украину. Соединение двух народов было, по словам Грушевского, «лишь одной из ниток той дипломатической сети, которую плел Хмельницкий против Польши» (*Записки Наукового товариства ім. Шевченка*, 1898, т. XXIII и XXIV, стр. 15. Эта мысль подробно развита Грушевским в его «Історії України — Руси»), Враждебный украинскому народу буржуазно-националистический историк Грушевский искажал и опошлял прошлое украинского народа и деятельность его вождя.

«Киевская старина», 1883, июль. стр. 22.

«Киевская старина», 1888, июль, стр. 23-24. *И. Каманин*. Новые исторические материалы о Богдане Хмельницком.

Акты, относящиеся к истории Южной Западной России, т. III, Спб., 1861, стр. 549.

Акты, относящиеся к истории Южной Западной России, т. VIII, Спб., 1875, стр. 387.

Акты, относящиеся к истории Южной Западной России, т. III, Спб., 1861, стр. 598.

Акты, относящиеся к истории Южной Западной России, т. III, Спб... 1861, стр. 554-589.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. XI, Спб., 1879. стр. 714.

Волохи (правильнее — валахи) — жители государства Валахии, существовавшего с XIII века по 1859 год на территории нынешней Румынии.

Клейноты (или клейноды) — знаки достоинства: булава, бунчук, мантия и пр.

Он назначил советников при Юрии, в том числе Выговского. Но обычная предусмотрительность и здесь не покинула гетмана: был назначен также противник Выговского, генеральный есаул Иван Ковалевский.

Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. IV, Спб., 1863, стр. 3.

М. Максимович (1804-1873) — украинский фольклорист и историк. Его выдающиеся работы: сборник народных песен, перевод на украинский язык «Слова о полку Игореве», серия статей о Богдане Хмельницком.

226

Каре — линейный строй пехоты в форме четырехугольника.

М. Грушевский. Хмельницкий. Хмельницина, «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», 1898, т. XXIII XXIV, стр. 27.

И. В. Сталин. Соч., т. 4, М., 1947, стр. 47.

Речь тов. В. М. Молотова на юбилейной сессии Верховного Совета УССР в день 30-летия Советской Украины «Правда», 25 января 1948 года.